

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2019 № 4 (24)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования отдельных жанров

А. И. Матяшевская Саратов, Россия	Жанр лекции и его современные разновидности 246
Е. Ю. Викторова Саратов, Россия	Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) 254
А. В. Абросимова Новосибирск, Россия	Отчёт о производственной практике как речевой жанр 267
В. К. Харченко Белгород, Россия	Литота в речевом жанре бытового разговора 273

Жанры в художественном творчестве

С. Н. Плотникова Д. Ю. Заболотняя Иркутск, Россия	Дискурсивное конструирование возможных миров в жанре экологической рекламы 281
М. Н. Крылова Зерноград, Россия	Жанр короткого рассказа в сборнике В. В. Шарапова «Доля ангелов» 288

Жанры СМИ

А. Р. Котаева Москва, Россия	Очерки в прессе и на ТВ: сравнительный речевых жанровый анализ 294
--	---

Интернет-жанры

Е. И. Горошко Т. Л. Полякова Харьков, Украина	Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) 300
---	--

Жанры в фило- и онтогенезе

А. С. Киндеркнехт Пермь, Россия	Мирилка как жанр детского фольклора 314
---	---

CONTENTS

Studies of Individual Genres

- Angelina I. Matyashevskaya** The Genre of the Lecture and its Modern Varieties 246
Saratov, Russia
- Elena Yu. Viktorova** Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech
Saratov, Russia Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use) 254
- Alesya V. Abrosimova** Practical Training Report as a Speech Genre 267
Novosibirsk, Russia
- Vera K. Kharchenko** The Litotes in the Speech Genre of a Life-talk 273
Belgorod, Russia

Genres in Art

- Svetlana N. Plotnikova** The Discourse Construction of Possible Worlds
Daria Yu. Zabolotnyaya in the Genre of Ecological Advertisements 281
Irkutsk, Russia
- Maria N. Krylova** A Short Story About a Simple Russian Man in the Works
Zernograd, Russia of a Contemporary Writer Vadim Sharapov 288

Genres of Mass Media

- Alena R. Kotaeva** Comparative Analysis of Newspaper and TV Essays 294
Moscow, Russia

Internet Genres

- Elena Ig. Goroshko** Instagram as Genre 2.0 (Political Communication Case) 300
Tatyana L. Poliakova
Kharkov, Ukraine

Genres in Philo- and Ontogenesis

- Anna S. Kinderknekht** Mirilka as the Genre of Children's Folklore 314
Perm, Russia

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.111'38+811.161.1'38

ББК 81.2Англ-5+81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253>А. И. Матяшевская
Саратов, РоссияAngelina I. Matyashevskaya
Saratov, RussiaЖанр лекции и его современные
разновидностиThe Genre of the Lecture
and its Modern Varieties

В данной статье нами были рассмотрены современные жанровые разновидности лекции (учебные, публичные, игровые околонучные) на материале собственных расшифровок русскоязычных и англоязычных видеозаписей YouTube. Было выявлено, что основной особенностью функционирующего в Интернете лекционного дискурса является готовность оратора принять во внимание интересы своих реальных и многочисленных возможных слушателей, чтобы удержать их внимание на протяжении всего выступления. В обеих лингвокультурах эффективность взаимодействия лектора с потенциальной аудиторией определяется предпочтением наиболее подходящих для общедоступной передачи специальной информации речевых средств и риторических приёмов, а также выбором формата выступления в соответствии с ожиданиями адресата. Результаты исследования могут использоваться в развитии коммуникативной компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: разновидности научной речи, устная речь, экстралингвистические факторы, коммуникативная компетентность.

Based on the data from Russian and English YouTube videos, the paper examines several modern varieties of the genre of the lecture (academic, public and entertaining para-scientific lectures). The analysis revealed that the main feature of the Internet lecture discourse is the speaker's willingness to focus on their real audience and many more potential viewers and subscribers, so that they may not skip to another channel. Both in Russian and English linguocultures the effectiveness of the lecturer's interaction with the potential audience is determined by the choice of the appropriate means of communication and rhetorical tools for sharing specific information as well as the addressee-oriented public speaking delivery style. The findings might be useful to improve students' communicative competence.

Keywords: types of academic discourse, spoken language, extra-linguistic factors, communicative competence.

Сведения об авторе: Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: angelinacaribe@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

About the author: Matyashevskaya Angelina Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English and Intercultural Communication.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: angelinacaribe@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Постановка проблемы

Всестороннее исследование речевых жанров с указанием их обязательных и вариативных свойств приобретает особую актуальность в современных условиях коммуникации. При этом лингвисты анализируют не только новые межжанровые образования [1], но и традиционные жанры [2], подчёркивая важность непрерывного мониторинга и объяснения происходящих в них изменений для повышения

эффективности общения [3]. С этой точки зрения большой интерес представляет жанр лекции, который, по мнению как российских [4,5], так и зарубежных учёных [6], успешно существует в медиапространстве в рамках всеобщей тенденции к популяризации науки [7]. Поскольку в прагматическом жанроведении [8] особое внимание уделяется потребностям адресата [9], исследователи указывают на необходимость достижения баланса между информативностью лекционной научной ре-

чи и полнотой восприятия её содержания прогнозируемыми слушателями [10], называя в качестве единых для всех разновидностей жанра черт устное изложение данных и наличие элементов диалогичности в лекционном монологе [11].

Описание цели, задач и методики исследования

При исследовании возможностей языка с позиций теории и практики эффективности коммуникации в разных сферах жизни человека указанные особенности жанра рассматриваются нами на примере русских (далее обозначим эту разновидность жанра А1) и английских (А2) учебных лекций, публичных научно-просветительских лекционных выступлений (А3), а также игровой разновидности лекций (В1 и В2), в которых для объяснения явлений природы и повседневной жизни намеренно выдвигаются псевдонаучные теории. В данной статье методом дискурс-анализа были проанализированы 13 собственных расшифровок видеозаписей объёмом 28849 (русский язык) и 24321 (английский язык) словоупотреблений (примеры даются без правки). Теоретической базой проведённого исследования послужили многочисленные работы О. Б. Сиротининой, посвящённые проблеме достижения эффективности коммуникации [12–15] и особенностям устной речи [16, 17], а также данные коллективных монографий по устной научной речи [18, 19, 20].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей лекционного интернет-дискурса с точки зрения эффективности передачи специальной информации массовому адресату в соответствии с прогнозируемым уровнем его подготовки и возможными вкусами, интересами и ожиданиями. Для достижения этой цели считаем необходимым обобщить результаты существующих исследований как учебных, так и публичных лекций и изучить особенности жанра лекции на современном материале собственных расшифровок русскоязычных и англоязычных видеозаписей YouTube.

Анализ материала

Поскольку жанр лекции традиционно подразумевает несимметричные отношения между говорящим и менее осведомлённым в проблеме адресатом [21], одной из приоритетных задач выступающего, для описания которой М. П. Котюрова вводит понятие субтекста адресации [22], становится доступное изложение материала [23]. Заинтересовать аудиторию, увлечь её сложной и неоднозначной проблемой без излишнего упрощения содержания –

именно такую цель ставит перед собой университетский лектор, рассказывая о квантовой механике: *This is the real McCoy theoretical physics at the full-scale level: we use equations, we not only use equations, we sometimes use hard equations, but we tend to try to use the simplest equations that will do the job, basically, we try to keep it minimal* (А2). В русскоязычной лекции той же тематики с первых слов подчёркивается значимость обсуждаемой темы для всего учебного курса: *Здравствуйте! Сегодня у нас новая тема: спин электрона. Спин является важнейшей характеристикой всех элементарных частиц* (А1). В научно-популярной открытой лекции говорящий сразу же заявляет о познавательном-развлекательном характере своего выступления: *Мы с вами немножко поиграем в разрушителей легенд, а также познакомимся с квантовым отжигом* (А3).

Игровой эффект в околонучных лекциях, названных нами так по аналогии с выделенным Ю. А. Антоновой околополитическим нарративом [24], достигается благодаря соблюдению говорящим формальных признаков научного стиля – например, создание биологического названия для голника, выбранного объектом исследования: *Человечество многообразно, среди великого множества разных форм существуют самые различные, в том числе, достаточно девиантные, и некоторые из них характеризуются весьма специфической морфологией. В частности, есть такая странная немножко форма Homo Gopnicus, которая характеризуется множеством всяческих особенностей* (В1); классификация разновидностей объекта по степени привлекательности: *We can split a species into four groups by their aesthetic appeal: the super attractive, the moderately attractive, the sub... the unattractive and the sub-attractive* (В2); намеренное усложнение подхода к решению «вечной» проблемы поиска второй половинки: *Наша единственная является решением задачи максимизации функционала вот этого косинуса альфа. Функционал очень сложный, очень такой нехороший, и даже строгие, но справедливые математические методы не помогают найти точное решение, поэтому мы должны использовать метод последовательных приближений* (В1); а также соблюдение традиционной структуры доклада на научной конференции с последовательным указанием истории и современного состояния проблемы, актуальности, научной новизны и методов исследования, посвященного возможной угрозе для человечества, которую представляет «высокоразвитый» искусственный интеллект – помощник в текстовом редакторе Microsoft Word Скрепка

Clippy: *Artificial intelligence is a booming field of research which has made huge leaps in the past 50 years. As early as 1997 we begin to see the development of complex AI systems like the chess-playing deep blue and it's sophisticated successor Clippy (...)* **We investigate the threat of a self-propagating self-aware sentience and outline a defense against such an imminent threat. We model the probability over time that an existent AI will develop generalized sentience thus becoming self-aware. This model is informed by data such as the rate of publication in the field of AI, the complexity of modern neural networks and neural network software and an indirect measure that we like to call the Google Creepiness Index** (B2).

Хотя формально лекция является монологическим жанром, в каждом из рассмотренных выступлений очевидно желание говорящего вести оживлённую беседу со своим адресатом, имитируя обратную связь. Такое «взаимодействие» выражается в постоянных обращениях к аудитории, предугадывающих её реакции, нередко успокаивающих и ободряющих слушателей: **Вы видите, что были основания физически приписать электрону собственный момент количества движения. Единственное, что непонятно: что значит «электрон вращается». Непонятно. И сейчас мы заменим это понятие, как это сделал Паули, волновой функцией электрона** (A1); *C stands for the complex numbers and I'll tell you exactly what this means. If you don't know what it means, don't worry because you will know* (A2); **Скажите, пожалуйста, кто из вас не любит цифры, кто из вас не любит очень много латинских непонятных символов, каких-то греческих букв? Замечательно, потому что сегодня их у нас не будет** (A3).

Среди характерных для обеих лингвокультур контактоустанавливающих тактик в лекционном дискурсе лингвистами [25] отмечено преувеличение знаний адресата, которое встретилось и в проанализированном нами материале: *It's called a two-slit experiment – all of you know about it or most of you know about it, if not you learn about it right now* (A2); **Здесь классическая оптика, которую мы знаем: свет который раскладывается, спектр длины волн** (A3); **As you I'm sure all remember, the equation for the Lorentz coordinate transformation of time under Einstein's special relativity shows that as you get closer to the speed of light the time dilation increases** (B2). Другим частотным тактическим приёмом является имитация ответных реплик аудитории: *If I told you that the notion of a state of a system is a probability distribution, I think most of you will come back and say "Yeah,*

but you know, if I look at more carefully at the system, if I look more carefully I can always reduce that probability distribution" (A2); постоянное использование инклюзивного **мы**: **Мы с вами сейчас отправимся в страну квантовых чудес и поговорим о самом животрепещущем вопросе квантовой физики** (A3); а также отдельных уменьшительно-ласкательных форм и разговорных номинаций, на подсознательном уровне вызывающих расположение к выступающему: *Рассмотрим оператор поворота. Оператор поворота, скажем, на маленький уголок... Вот k – это ось, вокруг которой мы на маленький уголок поворачиваем* (A1); *Я хочу больше сказать о том, как ... почему у физиков есть вообще такая возможность рассуждать обо всем вот этом, вот, что, на самом деле, не так просто: придумали частицы – с первого раза и на ум не придет такая чепуха!* (A3).

Безусловно, разные типы лекций различаются по плотности информации [26], что наиболее ярко проявляется в использовании специальной терминологии. Так, в учебных лекциях подробно поясняются сложные, ключевые для понимания содержания лекции термины: *This is called destructive interference that the probabilities cancel instead of adding at certain points. That's a very generic property in quantum mechanics and so it requires a kind of explanation which is not some detailed mechanical complicated explanation, it requires a broad new idea about how statistics works and about how the logic of quantum mechanics works* (A2). В научно-просветительских и околонаучных выступлениях основные понятия получают подробное, но упрощённое толкование: *Мы здесь впервые сталкиваемся с дуализмом, то есть когда у нас есть некие эксперименты вроде фотоэффекта, мы вполне себе резонно считаем, что у нас фотоны являются некими частицами, можем посчитать их количество, когда их много. Но когда у нас идет речь уже о таких тонких материях и экспериментах, когда мы, например, наблюдаем суперпозицию двух фотонов, то у нас совершенно другая картина* (A3); *Another consequence of the Earth's rotation is Coriolis force. This is a subtle deflection of moving objects in a rotating reference frame and it's... in everyday life it's far too small for us to notice. However, it is responsible for hurricane formation* (B2). В учебных лекциях говорящий может придавать своему объяснению видимость простоты: **Грубо говоря, Лоренц предсказал следующее, что если есть p уровень, то он расщепится на 3 – чуть более хитрая система, но это тоже правильно – и переходы на уровень будут вот такие вот** (A1); *The first example comes from an experiment*

which, to my mind, shows the weirdness of quantum mechanics in the easiest and most straightforward, least difficult way (A2).

В ходе анализа были обнаружены многочисленные примеры проведения аналогий с повседневным опытом потенциального адресата. Помимо наглядности и упрощения восприятия, такой приём делает рассказ о научной проблеме более запоминающимся и интересным для каждого из возможных слушателей: *Кто из вас ездит на машине? Большинство, наверное. Функция скорости – это многокомпонентная функция* (A1); *This is some state in which when we look at the penny, it has a probability for being heads and a probability for being tails – remember quantum mechanics is probabilistic in a way that classical physics is not (...)* How do you construct for a coin one of these weird states, which is half heads and half tails? (A2). Однако в научно-просветительских лекциях выступающий получает гораздо больше возможностей для проведения логических параллелей с общекультурными знаниями и бытовыми ситуациями: *Если сравнивать классическую физику и квантовую физику, можно сказать, что классическая физика – это книги Джорджа Эллиота, а квантовая физика – это книги Кафки* (A3); *Очень важное свойство квантовой физики – это суперпозиционные состояния, то есть, когда у нас с какой-то одинаковой вероятностью могут случаться разные события. Это, например, как мышление девушки (...)*. Так что это еще один хороший повод попытаться разобраться в квантовой физике (A3).

Определяющее значение для лекционного текста имеет его горизонтальное представление [27]: благодаря устной форме изложения текст воспринимается линейно, не целиком, а частями, следствием чего является повышенное внимание говорящего к логической поэтапности развёртывания содержания [28], постоянные возвраты к уже известному и скрепляющие рассуждение вопросно-ответные единства: *Паули первый ввел в физику... в квантовую механику четвертое квантовое число. Зачем это квантовое число четвертое нужно? Раньше было 3, но как перечислить вот эти, вот эти уровни, им что приписать, с помощью чего? Значит, нужно было еще одно какое-то квантовое число, чтобы включить их в перечисления* (A1); *So it's clear we've got a reason why we should do this, we have a means of carrying it out and now the only question remains is whether we stop a tidal locking that's one rotation per year or get rid of all spin entirely?*(B2). Всё это дополнительно

способствует большей доказательности рассуждений лектора: *Итак, мы имеем следующее. Можно начать вот как: вот пусть у нас здесь летает некоторое составное ядро и у этого ядра есть собственный момент, если на него посмотреть как на обычную частицу* (A1); *However, these studies have been flawed for two reasons. The first is that they haven't offered any mechanism by which we could actually achieve this state and the second is that they focus – perhaps inordinately – on the downside that would accompany it, which includes the extreme temperatures on the opposite side of the planet due to extended day/night cycle, the storms of frankly ridiculous magnitude between the two sides because of the temperature differences and also possibly the loss of the Earth's magnetic field, which would expose us to the solar winds. Not to accuse them of sensationalism, but I feel these sources have clearly neglected to consider the various advantages this could bring about* (B2).

Кроме того, говорящие постоянно управляют вниманием аудитории посредством многочисленных акцентирующих средств, наиболее частотными из которых являются повторы: *Таким образом, в квантовую механику вошли полуцелые квантовые числа. Полуцелые* (A1); а также оценочные характеристики предмета исследования: *It's an important example in quantum mechanics, maybe the most important example* (A2); *Нужно еще упомянуть здесь довольно наглядный эксперимент Штерна – Герлаха, в котором тоже удивительным образом проявилось вот эта вот $1/2$ – спин электрона* (A1). Нередко подобные приёмы позволяют лектору дополнительно наметить предпочтительную последовательность восприятия материала: *Now this is also a class on quantum mechanics and it will be self-contained but I would strongly advise anybody who's following to go the course number two was called quantum entanglement... Does anybody remember? I think, was called quantum entanglement, that is also on the internet, it was the first one that was on the Internet – and to get that under your belt first before attempting to do the full scale quantum mechanics that we're going to do* (A2). Во всех рассмотренных типах лекций необходимо отметить выявленный Е. С. Троянской механизм «качественной экономии изложения» [29]: хотя, на первый взгляд, введение дополнительных сведений может показаться малоинформативным, второстепенная информация обеспечивает чередование внимания адресата и тем самым способствует лучшему восприятию основного научного содержания: *Паули думал и над аномальным эффектом*

Зеемана и, как я уже говорил, **ходил в то время очень грустный, его всё время спрашивали: «Паули, почему ты такой грустный?» и он отвечал: «Как может выглядеть по-вашему человек, думающий об аномальном эффекте Зеемана?!»** (A1).

В устной научной речи неизбежны отдельные погрешности, связанные, в первую очередь, с ограниченными возможностями человеческой оперативной памяти: изменения еще не завершенной фразы, нарушения согласования и усилия по подбору наиболее подходящего слова: *Все было хорошо... все было хорошо, вот уже известен спектр атома водорода, все замечательно, но постепенно накапливает... накапливалась запутывающая... запутывающий клубок многообразных экспериментальных фактов, которые не поддавались интерпретации ни в классическом... ни с классической точки зрения, ни в рамках зарождающейся квантовой механики* (A1); *You would be unlikely to say that that uncertainty in position and momentum is... um what's the word I'm looking for...* (A2), а также спонтанные повторы: *Здесь мы видим очень интересного деятеля – это Джон Рассел, который впервые наблюдал такие интересные частицы, как солитоны* (A3).

В качестве синтаксических признаков устной исследователи [30,31] называют добавленные определения и достраивающие высказывания. Эти приёмы были замечены и в нашем материале: *Потому что тот самый ток, который возникал и в случае обычного металла, из-за нулевого сопротивления не затухает в принципе и поэтому может существовать сколь угодно долго и, таким образом, мешать магнитному полю. Насчет «сколь угодно долго» следует оговориться* (A3); *Здесь мы сейчас с вами попытаемся понять, вообще как происходят процессы в макром мире больших тяг классическом,*

и в мире, где существуют такие маленькие элементы, как атомы и фотоны (A3), поясняющие вставные конструкции, ориентированные на слушателей: *The measurement involved interacting with the particle, with a photon – the photon would be the thing which would be used to determine the position of momentum. In other words, looking at it really meant hitting it with some light, letting the light scatter off and then focusing the light waves – focusing the light waves in order to see exactly where the particle was* (A2).

Выводы

Проведённый анализ видеозаписей учебных, научно-просветительских и околону научных выступлений подтвердил, что особенности жанра лекции во многом определяются тесной взаимосвязью функции сообщения и контактоустанавливающей функцией устной научной речи. Было выявлено, что развитие новых технологий только приумножает значимость этого традиционного жанра для научной коммуникации: всё больше людей с разным уровнем подготовки проявляют интерес к различным сферам науки – разнообразие потребностей адресата находит отражение в соответствующих жанровых разновидностях, которые либо следуют программе специальности (учебные лекции), либо представляют слушателям научную информацию в несколько упрощённом виде (научно-популярное изложение), либо – с целью развлечения – намеренно усложняют подачу общеизвестных фактов и реалий (игровая, околону научная разновидность). Рассмотрение жанровых разновидностей позволяет глубже проследить полевою структуру научного стиля [32], а также обратить внимание студентов на его неоднородность и зависимость эффективности коммуникации от цели говорящего и особенностей прогнозируемого адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мкртычян С. В. Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 15–22.
2. Котюрова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 210–215.
3. Сиротинина О. Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 59–71. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Sirotinina-O.B.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).
4. Нагиева Е. Б. Прогнозируемость предметно-тематического содержания текста публичной лекции //

Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2017. № 28. С. 75–81.

5. Лехциер В. Л. О судьбе лекции в цифровую эпоху // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 62–77.
6. Friesen N. The Lecture as a Transmedial Pedagogical Form: A Historical Analysis. Educational Researcher. 2011. Vol. 40, iss. 3. P. 95–102 URL: http://www.academia.edu/1210577/The_Lecture_as_a_Transmedial_Pedagogical_Form_A_Historical_Analysis (дата обращения: 15.09.2018)
7. Дивеева Н. В. Способы и формы воздействия новых информационных технологий на популяризацию науки // Relga. 2014. № 6(279). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3888> (дата обращения: 15.09.2018)

8. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // *Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 18–40.

9. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1981. Т. 40, № 4, С. 356–367.

10. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.

11. Александрова Н. А. Разновидности научных лекций и их лингвостилистические особенности // *Разновидности и жанры научной прозы*. М.: Наука, 1989. С. 49–58.

12. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.

13. Сиротинина О. Б. От чего зависит эффективность коммуникации? // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2017. С. 5–17.

14. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 1 (8). С. 25–37. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Sirotinina-O.B.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

15. Сиротинина О. Б., Матяшевская А. И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 1 (6). С. 150–164. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Sirotinina-O.B.-Matyashevskaya-A.I.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

16. Сиротинина О. Б. Принципиальные различия устной и письменной речи // *Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием*. 2015. С. 94–103. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2016/03/15/russkaya_ustnaya_rech._vup._2.pdf (дата обращения: 15.09.2018).

17. Сиротинина О. Б., Девяткина В. В., Паршина О. Н., Язубова М. А. Функциональная дифференциация литературной устной речи // *Статус стилистики в современном языкознании: межвуз. сб. науч. тр.* Пермь: Перм. ун-т, 1992. С. 49–57.

18. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 336 с.

19. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 2. Синтаксические особенности. М.: НТЦ «Консерватория», 1994. 416 с.

20. Современная русская устная научная речь: в 4 т. / под общ. ред. О. А. Лаптевой. Т. 3. Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности. М.: Изд-во МГУ, 1995. 272 с.

21. Нагиева Е. Б. Средства диалогичности публичной лекции в аспекте специфики жанра // *Коммуникативные исследования*. 2015. № 4 (6). С. 80–87.

22. Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 363 с.

23. Котюрова М. П., Дмитриева К. В., Соловьева Н. В. Выражение диалогичности речи в научно-учебных текстах // *Русский язык и литература в про-*

странстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. Т. 6. Язык. Сознание. Культура. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 119–123.

24. Антонова Ю. А., Руженцева Н. Б. Межнациональный околополитический нарратив в печатных и электронных СМИ // *Политическая лингвистика*. 2017. № 4 (64). С. 44–52.

25. Сорокина Ю. В. Убеждающие и защитные тактики коммуникативной стратегии самопрезентации в лекционном дискурсе // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2014. № 16 (345). С. 128–131.

26. Гиренко Л. С. Плотность научного текста: комплексный подход к её изучению: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/1080/0036.doc> (дата обращения: 15.09.2018).

27. Макаревич Т. В. Специфика устного учебно-научного дискурса (на примере учебной лекции по специальности) // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2016. № 21. С. 135–138.

28. Данилевская Н. В. Научный текст в аспекте теории дискурса // *Язык. Текст. Дискурс*. 2009. № 7. С. 37–46.

29. Троянская Е. С. Обучение чтению научной литературы: в помощь преподавателю иностранного языка. М.: Наука, 1989. 271 с.

30. Кормилицына М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 20–25.

31. Шатилов А. С. Особенности построения высказывания в устной научной речи // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2012. № 151. С. 243–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-postroeniya-vyskazyvaniya-v-ustnoy-nauchnoy-rechi>.

32. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // *Общие и частные проблемы функциональных стилей*. М.: Наука, 1984. С. 16–27.

REFERENCES

1. Mkrtychian S. V. Speech Genre: the unit of product structuring of speech activity. *Speech Genres*, 2015, no. 1(11), pp. 15–22 (in Russian).

2. Kotiurova M. P. Russian Scientific Text: How to Begin an Article? *Speech Genres*, 2017, no. 2(16), pp. 210–215 (in Russian).

3. Sirotinina O. B. Communication effectiveness as one of the most important issues for modern communicative practice. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 1, pp. 59–71. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Sirotinina-O.B.pdf> (accessed 15 September 2018) (in Russian).

4. Nagieva E. B. The predictability of the subject-thematic content of the public lecture's text. *Russian as a foreign language and the methodology of its teaching*, 2017, no. 28, pp. 75–81 (in Russian).

5. Lekhtsier V. L. On the fate of lecture in the digital era: theoretical review, empirical analysis. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy: Philosophy. Philology*, 2016, no. 2 (20), pp. 62–77 (in Russian).

6. Friesen N. The Lecture as a Transmedial Pedagogical Form: A Historical Analysis. *Educational Researcher*, 2011, vol. 40, no. 3, pp. 95–102. Available at: <http://www>

academia.edu/1210577/The_Lecture_as_a_Transmedial_Pedagogical_Form_A_Historical_Analysis (accessed 15 September 2018) (in Russian).

7. Diveeva N. V. The impact of new information technologies on the popularization of science. *Relga*, 2014, no. 6 (279). Available at: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3888> (accessed 15 September 2018) (in Russian).

8. Demytyev V. V. Kommunikativnaia genistika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviia [Communicative genistics: speech genres as means of making social interaction more formal]. *Zhanry rechi. : sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, no. 3, pp. 18–40 (in Russian).

9. Arutiunova N. D. The factor of the addressee. *Izv. AS USSR. Ser. Literature and Language*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367 (in Russian).

10. Kotiurova M. P., Bazhenova E. A. *Kultura nauchnoi rechi: tekst i ego redaktirovanie* [Culture of scientific speech: text and its editing: a manual]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 280 p. (in Russian).

11. Aleksandrova H. A. Raznovidnosti nauchnykh lektstii i ikh lingvostilisticheskie osobennosti [Varieties of the scientific lecture and its linguostylistic peculiarities]. In: *Raznovidnosti i zhanry nauchnoi prozy* [Varieties and genres of scientific prose]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 49–58 (in Russian).

12. Sirotinina O. B. Linguo-philosophical reflection as a result of a long-term speech monitoring survey. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian).

13. Sirotinina O. B. Ot chego zavisit effektivnost kommunikatsii [What does the effectiveness of communication depend on?]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 17* [The Issues of Communication: coll. of sci. works. Iss. 17]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2017, pp. 5–17 (in Russian).

14. Sirotinina O. B. What makes modern communication ineffective? *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017, no. 1(8), pp. 25–37. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Sirotinina-O.B.pdf> (accessed 15 September 2018) (in Russian).

15. Sirotinina O. B., Matyashevskaya A. I. Effortless speech and its impact on the Russian language. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2016, no. 1(6), pp. 150–164 (in Russian).

16. Sirotinina O. B. Printsipialnye razlichii ustnoi i pismennoi rechi [Major differences between spoken and written language]. In: *Russkaia ustnaia rech: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Russian oral speech: the Conference proceedings], 2015, pp. 94–103. Available at: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2016/03/15/russkaya_ustnaya_rech._vyp._2.pdf (accessed 15 September 2018) (in Russian).

17. Sirotinina O. B., Deviatkina V. V., Parshina O. N., Iagubova M. A. Funktsionalnaia differentsiatsiia literaturnoi ustnoi rechi [The functional differentiation of literary speech]. In: *Status stilistiki v sovremennoi iazykoznanii* [The status of stylistics in modern linguistics: Interuniversity collection of scientific papers]. Perm, Perm un-t, 1992, pp. 49–57 (in Russian).

18. Lapteva O. A. (ed.) *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech' : v 4 t. T. 1. Obshchie svoistva i foneticheskie osobennosti*. [Russian contemporary academic

discourse : in 4 vols. Vol. 1. Main characteristics and phonetic properties]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1985. 336 p. (in Russian).

19. Lapteva O. A. (ed.) *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech' : v 4 t. T. 2. Sintaksicheskie osobennosti*. [Russian contemporary academic discourse : in 4 vols. Vol. 2. Syntax characteristics]. Moscow, NTTs "Konservatoriya", 1994. 416 p. (in Russian).

20. Lapteva O. A. (ed.) *Sovremennaia russkaia ustnaia nauchnaia rech' : v 4 t. T. 3. Tekstovye, leksiko-grammaticheskie i slovoobrazovatel'nye osobennosti*. [Russian contemporary academic discourse : in 4 vols. Vol. 3. Textual, lexical-grammatical and derivational features]. Moscow, Izd-vo MGU, 1995. 272 p. (in Russian).

21. Nagieva E. B. The dialoguiness means of public lecture in terms of genre specificity. *Communication studies*, 2015, no. 4 (6), pp. 80–87 (in Russian).

22. Kotiurova M. P. *Stilistika nauchnoi rechi* [Academic discourse stylistics]. Perm, Perm. gos. un-t, 2009. 363 p. (in Russian).

23. Kotiurova M. P., Dmitrieva K. V., Solov'eva N. V. Vyrasenie dialogichnosti rechi v nauchnouchebnykh tekstakh [Expressing Dialoguiness of Speech in Scientific and Academic Texts]. *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kultury : materialy XIII Kongressa MAPRYaL : v 15 t. T. 6. Yazyk. Soznanie. Kul'tura* [The Russian language and literature in the world's cultural space : materials of the XIII Congress IATRLL : in 15 vols. Vol. 6. Language. Consciousness. Culture]. Saint Petersburg, MAPRYaL, 2015, pp. 119–123 (in Russian).

24. Antonova Iu. A., Ruzhentseva N. B. International parapolitical narrative of print and electronic media. *Political linguistics*, 2017, no. 4 (64), pp. 44–52 (in Russian).

25. Sorokina Iu. V. Assertive and defensive tactics of self-presentation strategy in lecture discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no.16 (345), pp. 128–131 (in Russian).

26. Girenko L. S. *Plotnost nauchnogo teksta : kompleksnyi podkhod k ee izucheniiu* [Density of the scientific text: an integrated approach to the study]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Perm, Perm gos. un-t, 2006. Available at: <http://www.psu.ru/psu/files/1080/0036.doc> (accessed 15 September 2018) (in Russian).

27. Makarevich T. V. Specificity of oral academic discourse (a case of lectures in major subjects). *Linguo-rhetoric paradigm: theoretical and applied aspects*, 2016, no. 21, pp. 135–138 (in Russian).

28. Danilevskaia N. V. Scientific text in the field of discourse theory. *Language. Text. Discourse*, 2009, no. 7, pp. 37–46 (in Russian).

29. Troianskaia E. S. *Obuchenie chteniiu nauchnoi literatury: v pomoshch prepodavatelii inostrannogo iazyka* [Acquiring academic reading skills: foreign language teacher training manual]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 271 p. (in Russian).

30. Kormilitsyna M. A. Refleksivny v rechevoi kommunikatsii [Reflexive words in speech communication]. *Problemy rechevoi kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 1* [The Issues of Communication: coll. of sci. works. Iss. 1]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, pp. 20–25 (in Russian).

31. Shatilov A. S. Some features of the statements in oral scientific speech. *Proceedings of the Gertsen Russian State Pedagogical University*, 2012, no. 151, pp. 243–250. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti->

postroeniya- vyskazyvaniya- v- ustnoy- nauchnoy- rechi (accessed 15 September 2018) (in Russian).

32. Troianskaia E. S. Polevaia struktura nauchnogo stilia i ego zhanovykh raznovidnostei [The field structure

of the scientific style and its genre varieties]. In: *Obshchie i chastnye problemy funktsionalnykh stilei* [General and specific issues of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 16–27 (in Russian).

Материалы YouTube (дата обращения: 16.09.2018)

A1 Лекции по квантовой механике Шестакова Г. Н. (кафедра теоретической физики Новосибирского государственного университета). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fzJnlAZ-CdA&app=desktop>, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=keRRqQc2zRk&app=desktop>

A2 Lecture of Leonard Susskind's Modern Physics course concentrating on Quantum Mechanics (Stanford University). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JzhlfbWbuQ8&app=desktop>

A3 Алия Хамидуллина «Основы квантовой механики». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a4ScPwArKJA>, Кирилл Половников «Роль наблюдателя в квантовой механике». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=83ryfRWzGIw>, Дмитрий Власенко «Первые секунды жизни Вселенной или чему мы должны быть благодарны». URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ldt6nR3bn4, Ян Поженко «Полимерные и композиционные материалы». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hj17DaBMwtE>, Евгений Гербер «Сверхпроводимость». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1K19jgg15F0>

B1 Станислав Дробышевский «Анатомия гопника». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B7cVMIxad2k>, Сергей Иванов «Поиск Единственной». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oxbUGWkUKf8>

B2 Heather Henitz “Defense against the threat of a rogue AI”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RpZKsHliHXk>, Louie Terrill “Halting Terrestrial Rotation: the benefits”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9suftOAHGdU>, Katherine Read “The Protective Effect of Aesthetic Inadequacy”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cG3wCLPWKvE>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матяшевская А. И. Жанр лекции и его современные разновидности // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 246–253. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253>

For citation

Matyashevskaya A. I. The Genre of the Lecture and its Modern Varieties. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 246–253 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253>

Поступила в редакцию: 19.09.2018 / Принята: 02.12.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 19 September 2018 / Accepted: 02 December 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

УДК 81'38'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

Elena Yu. Viktorova
Saratov, Russia

Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов)

Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use)

В статье представлен анализ речевжанровой природы лекций в стиле TED, определяется их место в речевжанровой иерархии, принадлежность сфере коммуникации, выявляются особенности их хронотопа. Жанрообразующие признаки жанра TED лекции, образующие его модель, анализируются через исследование его дискурсивно-прагматического каркаса, образуемого дискурсивными словами, или дискурсивами, т. е. через выявление особенностей, связанных с организацией дискурса, регулированием отношений между адресантом и адресатом, авторской самопрезентацией. Проводится сравнительный анализ функционирования дискурсивов в TED лекциях и учебных лекциях, а также в TED лекциях, прочитанных мужчинами и женщинами.

Исследование показало, что TED лекция – особый речевой (риторический) дискурсогенный жанр, отличный от других устных научно-популярных жанров и от других типов лекций, реализующийся в реальной коммуникации как первичный и в Интернете как вторичный. Жанровая специфика TED лекции обусловлена ее жестким локально-временным форматом и тщательно подготовленным характером. TED лекциям свойственны компактность, композиционно-структурная и логическая осмысленность, прозрачность и четкость, высокая степень авторизованности, диалогичности, персуазивности.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, научно-популярный стиль, публичная лекция, дискурсивные слова, дискурсивы, речевой жанр, медиа-жанр, жанрообразующие признаки.

The article presents the analysis of the speech genre aspects of TED talks, identifies their place in the speech genre hierarchy, their reference to the communication sphere and specifies their chronotopos peculiarities. Genregenic properties of TED talks, forming their model, are analyzed through the research of their pragmatic framework constituted by discourse markers: through the aspects of discourse organization, the addressor and the addressee's interaction, the author's selfpresentation. The research is based on the comparison of discourse markers' use in TED talks and university lectures, as well as in TED talks of male and female presenters.

The research showed that a TED talk is a separate speech rhetorical genre which is different from other spoken popular science genres and other types of lectures. It is realized as a primary genre in real communication and as a secondary one in the Internet communication. The genre peculiarities of TED talks are defined by their rigid chronotopos and elaborate preparations. TED talks are characterized by compact composition, deliberate structural and logical transparency and preciseness, strong orientation to the addressee's needs, dialogue nature and persuasiveness.

Keywords: popular science discourse, popular science style, TED talks, public lecture, discourse markers, speech genre, media genre, genregenic properties.

Сведения об авторе: Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: helena_v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

About the author: Viktorova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation Theory.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: helena_v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Введение

Английская аббревиатура TED сегодня, кажется, известна любому преподавателю английского языка и любому изучающему английский язык. На сайте <https://www.ted.com>

собрана огромная коллекция (более 3000) лекций на всевозможные темы – от способов идентификации лжецов и борьбы со стрессом до загадок работы мозга и даже создания 3D-принтеров, печатающих индивидуальные таблетированные препараты. TED расшифро-

ываается как Technology. Entertainment. Design и является названием частного американского некоммерческого фонда, который с 1984 года проводит ежегодные конференции в Калифорнии, США. Миссия фонда состоит в распространении уникальных идей: (*ideas worth spreading*). Выступления на этих конференциях проходят в присутствии аудитории в виде так называемых *talks*, которые мы будем условно называть лекциями.

Участие в конференциях регламентировано рядом строгих правил: каждая лекция может длиться не более 18 минут, должна быть заранее подготовлена и тщательно отрепетирована. Участники конференций подают заявку и высылают план лекции организаторам за шесть месяцев до конференции, план корректируется и утверждается, затем пишется и утверждается полный текст лекции, после чего участник приступает к репетициям – сначала самостоятельным, а потом и в студии. Само выступление носит, как правило, монологический характер, но в редких случаях имеет форму интервью. Иногда монолог дополняется ответами участника на несколько вопросов ведущего. Важно, что лекция читается без какой-либо письменной опоры (что и объясняет требуемый особый режим подготовки), иногда сопровождается слайдами с различной количественной или какой-либо другой информацией. Бывает, что лекторы выступают парами, по очереди произнося свой текст. Выступления записываются и выкладываются на сайт фонда. Аудитория во время выступлений ведет себя весьма активно: лекции не только всегда заканчиваются аплодисментами, но и часто ими прерываются. Кроме того, зрители часто реагируют на шутки выступающих смехом и подбадривают их различными возгласами.

Помимо конференций TED, проходящих в США, успешно осуществляется общемировой проект TEDx, в рамках которого отдельные люди или группы людей в разных городах и странах организуют независимые конференции по лицензии TED и в стиле TED. В России такие конференции проводятся регулярно с 2009 года.

Лингвистические исследования TED лекций немногочисленны: они изучаются в рамках научно-популярного дискурса с позиций их лингвокультурологической специфики, применяемых в них речевых стратегий и тактик, реализующихся коммуникативных категорий, взаимодействия лектора с аудиторией, особенностей перевода на другие языки, как разновидность онлайн-лекции и т. д. [1–7]. Гораздо лучше TED лекции исследованы в дидактико-методическом плане в качестве материала для изучения английского языка.

Полноценных исследований TED лекций как особого жанра с анализом его жанрообразующих признаков нам не попадалось.

Целью данного исследования является анализ речезанровой природы лекций в стиле TED, выявление их места в речезанровой иерархии, определение принадлежности сфере коммуникации и особенностей их хронотопы. Анализируются жанрообразующие признаки жанра TED лекции, образующие его модель. Анализ речезанровой специфики TED лекции ведется через исследование ее дискурсивно-прагматического каркаса, образуемого дискурсивными словами, или дискурсивами, т. е. выявление особенностей, связанных с организацией дискурса, регулированием отношений между адресантом и адресатом, авторской самопрезентацией. (Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров уже становились предметом исследования [8].) Для более четкого понимания специфики исследуемого жанра проведен сравнительный анализ функционирования дискурсивов в TED лекциях и учебных лекциях. Кроме того, обращалось внимание на гендерные особенности в употреблении дискурсивов в TED лекциях.

Исследование выполнено на **материале** 10 монологических TED лекций, прочитанных 5 женщинами и 5 мужчинами на английском языке, в текстовом объеме 22000 словоупотреблений (<https://www.ted.com>). Лекции в рамках каждой гендерной группы отбирались методом случайной выборки с учетом принципа тематического разнообразия. Среди исследованных есть лекции нейробиологов, врачей, бизнесменов, лингвистов, политиков, общественных деятелей. В качестве **дополнительного материала** привлекались учебные лекции: использованы материалы сайта British Academic Spoken English (BASE) Corpus (http://www.reading.ac.uk/AcaDepts/II/base_corpus/). Предметные области учебных лекций включают литературу, историю, химию и физику. В ходе исследования применялся **метод** дискурсивного анализа с использованием сравнительных и количественных методик.

Дискурсивно-прагматический каркас TED лекций

Любой дискурс представлен как минимум двумя своими сторонами: основной, коммуникативно-информативной, и вспомогательной, речеорганизующей (метатекстовой [9]) [10]. В центре нашего внимания вспомогательная система дискурса, которую мы сочли возможным обозначить как дискурсивно-прагматический каркас, образуемый дискурсивными единицами, с помощью которых коммуниканты взаимодействуют между собой, создают, вы-

страивают основную коммуникацию и управляют ею. Эти задачи не являются основными задачами коммуникации, но в большой мере обеспечивают ее эффективность. Основные коммуникативные единицы передают фактуальную информацию, а вспомогательные – дискурсивно-прагматическую. В последние десятилетия единицы дискурсивно-прагматического типа принято называть дискурсивными маркерами, дискурсивными словами или дискурсивами [11].

Основное назначение дискурсивов состоит в том, чтобы помочь адресанту и адресату на всех этапах создания, реализации и восприятия дискурса. Говорящему дискурсивы нужны, чтобы грамотно, с учетом сферы, формы и цели коммуникации выстроить свою речь с точки зрения ее композиции и структуры, придать ей цельность, логичность и связность. Единицы, ориентированные на эти цели, мы относим к дискурсивам первой группы – дискурсам-организаторам. Ко второй группе – дискурсивам-регулятивам принадлежат единицы, помогающие говорящему представить свое мнение, выразить отношение к содержанию речи и к своим словам, расставить акценты. Кроме того, дискурсивы-регулятивы ориентированы и на слушающего: они направлены на установление с ним контакта, на его поддержание, на привлечение и стимулирование внимания аудитории [11].

Дискурсивы – это межуровневые, транска테고ориальные единицы коммуникации: к ним относятся как отдельные слова (*because; very; just; only; probably; firstly; then; actually; interestingly; amazingly*), словосочетания и устойчивые обороты (*in terms of; first of all; in fact; at least*), полупредикативные конструкции (*to begin with; to tell the truth; frankly speaking*), формально предикативные конструкции, выполняющие роль вводного элемента (*I/we think; I/we believe; I/we remember; I hope*) и полноценные предикативные единицы (*I want to talk about ...; let's start with some good news; as my colleagues have shown; I will give some examples; I have to admit*). Именно из-за такого структурного разнообразия этих единиц

мы предпочитаем называть их дискурсивами, а не дискурсивными словами.

Мы условно относим к дискурсивам и единицы, которые синкретично выражают дискурсивную и фактуальную информацию: сообщают о каких-то фактах действительности, но одновременно выражают авторское отношение, оценку, выделяют то или иное слово. Такой синкретизм наблюдается в очень частых в английском языке модальных глаголах, как, например, в отрывке из лекции Шерил Сандберг: *Your job **needs** to be challenging. It **needs** to be rewarding. You **need** to feel like you're making a difference*¹. Здесь модальный глагол является обязательным элементом предложения, выступает в роли сказуемого, но его лексическое значение необходимости действия ставит его в ряд субъективно-модальных единиц, традиционно рассматриваемых как дискурсивные маркеры.

Ниже приведена заключительная часть одной из TED лекций, прочитанной Франсисом Коллинзом, врачом и генетиком, посвященной вопросам фармакологии – необходимости лекарств нового типа (все дискурсивные единицы выделены жирным шрифтом): ***So let me sum up. We are in a remarkable moment here. (...) We have made all these discoveries pouring out of laboratories across the world. What do we need to capitalize on this? First of all, we need resources. This is research that's high-risk, sometimes high-cost. The payoff is enormous, both in terms of health and in terms of economic growth. We need to support that. Second, we need new kinds of partnerships between academia and government and the private sector and patient organizations, just like the one I've been describing here, in terms of the way in which we could go after repurposing new compounds. And third, and maybe most important, we need talent. We need the best and the brightest from many different disciplines to come and join this effort – all ages, all different groups – because this is the time, folks. This is the 21st-century biology that you've been waiting for, and we have the chance to take that and turn it into something which will, in fact, knock***

¹К сожалению, вопреки традиции, сложившейся в «Жанрах речи», нам пришлось отказаться от мысли снабдить наши примеры переводом на русский язык по двум причинам. Во-первых, перевод дискурсивов имеет ряд особенностей. Дискурсивы часто переводятся не буквально, а с помощью функционально-ситуативных замен. Кроме того, в ряде случаев при переводе они совсем опускаются или, наоборот, добавляются, поскольку русский и английский языки имеют свою специфику употребления дискурсивов. Например, в английской научной речи их в целом больше, чем в русской, поэтому при переводе с русского на английский дискурсивов становится больше, а с английского на русский – меньше, т. е. грамотный переводчик создает текст с соблюдением лингвокультурных традиций языка перевода (http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Viktorova-E.Yu_.pdf). Во-вторых, на сайте <https://www.ted.com> представлены переводы, сделанные переводчиками-волонтерами, их качество оставляет желать лучшего, а значит, эти переводы нуждаются в существенной доработке. Чтобы дискурсивы были переведены максимально естественно и органично, с учетом лингвокультурной специфики русского языка, это должен делать человек, не специализирующийся на изучении дискурсивов. В ином случае есть опасность, что все дискурсивы будут переведены буквально, что будет противоречить реальному положению вещей.

out disease. That's my goal. I hope that's your goal. I think it'll be the goal of the poets and the muppets and the surfers and the bankers and all the other people who join this stage (...) If you don't believe me, just ask Sam. Thank you all very much (Francis Collins).

В этом фрагменте зарегистрированы дискурсивы-организаторы: сигнал перехода к выводу *so let me sum up*, сигналы очередности и последовательности *first of all, second, third*, логико-связующие сигналы *in terms of, because, if*. Среди дискурсивов-регулятивов отмечены следующие разновидности: акцентивы *in fact, just*, оценочный сигнал *most important*, сигнал снижения категоричности *maybe*, сигналы усиления категоричности, синкретично выполняющие функции авторизующих конструкций *we need*, авторизующие сигналы, содержащие местоимения 1-го лица *I/we/my/our* *I think, I hope, my goal*, сигналы обращенности к адресату (адресации), содержащие местоимения 2-го лица *you/your* и глаголы-императивы (*ask*), этикетный дискурсив *thank you all very much*. Легко заметить, что дискурсивы с регулятивной функцией в этом отрывке как более частотны, так и более разнообразны.

В изученных нами TED лекциях дискурсивы демонстрируют довольно высокую частотность: она приблизительно одинакова в лекциях мужчин и женщин и составляет один дискурсив на 7 словоупотреблений (далее 1:7). Показательно, что в TED лекциях дискурсивы встречаются почти в два раза чаще, чем в исследованных нами учебных лекциях, где их частотность составляет 1:13. Полученные нами количественные данные показывают, что в плане передачи дискурсивно-прагматической информации различия между сравниваемыми жанрами касаются главным образом сферы регулирования отношений говорящего со слушающими и способов авторской самопрезентации. Организационная же сторона дискурса в обоих жанрах в целом имеет много общего, поэтому в этой статье рассматриваться не будет.

В следующем разделе статьи мы рассмотрим, как именно отдельные жанрообразующие свойства TED лекций конструируются их дискурсивно-прагматическим каркасом. Важно отметить, что в реализации речежанровой специфики любого жанра участвуют и основные единицы коммуникации, и вспомогательные. В этой статье представлен анализ только вспомогательных единиц, использующихся в жанре TED лекции, создающих ее дискурсивно-прагматический каркас.

TED лекции как особый речевой жанр

Решение вопроса о принадлежности данного жанра к той или иной сфере коммуникации требует особого осмысления и может быть неоднозначным. Если собственно научные лекции относятся к ядру научного стиля, то остальные рассматриваемые в этой статье лекционные жанры тяготеют к его периферии, образуя вместе с некоторыми другими жанрами его подстили: учебные лекции входят в учебно-научный подстиль научной речи, а публичные лекции на научные темы обычно рассматриваются в рамках научно-популярного подстиля [12]. Что касается публичных лекций на другие темы, например общественно-политические, то они, думается, тяготеют к публицистическому стилю.

Российские лингвисты, используя понятие стиля, расценивают TED лекцию как гибридный жанр, конструируемый на основе научного-популярного стиля с включением характерных признаков художественного, публицистического и разговорного стилей. Итальянские лингвисты, авторы работ, посвященных жанру TED, полагают, что TED лекция является гибридом учебной лекции, доклада на конференции и телевизионного документального фильма [6].

Важно учитывать, что как первичный жанр TED лекция воспринимается очень небольшим количеством слушателей – только теми, кто непосредственно присутствует в зале во время TED конференции. Для всех остальных TED лекция – это интернет-жанр, т. е. вторичный жанр: с одной стороны, он целиком и полностью, без каких-либо изменений переходит из офлайна в онлайн, а с другой стороны, на платформе YouTube и на сайте <https://www.ted.com> он живет уже своей жизнью. Более того, интернет-жанр TED лекции можно отнести к дискурсогенным жанрам (термин Т. В. Шмелевой [13]), способным порождать новые жанры: все TED лекции в Интернете, представленные в видеоформате, сопровождаются текстовой информацией о лекторе, комментариями (иногда их количество составляет несколько тысяч), снабжены текстовыми расшифровками и их переводами на другие языки (количество языков и переводов самых популярных лекций доходит до 62). Таким образом, будучи обычной публичной лекцией, попадая в интернет-пространство, TED лекция становится по существу веб-лекцией, обладающей некоторыми особенностями. В отличие от многих традиционных веб-лекций, проходящих в синхронном режиме [14], коммуникация в рамках этого жанра асинхронна и не подразумевает взаимодействия лектора и слушателей, тогда как слушатели

в комментариях не просто делятся своим мнением по теме лекции, но и обсуждают эту тему друг с другом.

Будучи интернет-жанром, TED лекция благодаря своей полиинтенциональности (особенности которой мы рассмотрим ниже) полностью отвечает критериям медиажанра, предлагаемым Т. В. Шмелевой: этот жанр информирует, разъясняет с опорой на анализ и оценки, убеждает, воздействуя рационально и эмоционально, развлекает, привлекает и побуждает [13]. А. А. Таланина рассматривает TED лекцию в рамках публичной медиалекции [2].

Пользуясь терминологией Т. В. Шмелевой [15], мы можем отметить, что наблюдаем в TED лекции так называемое уплотнение жанров, под которым понимается усложнение и обогащение жанровых качеств текста: публичная лекция научно-популярного или публицистического типа превращается в дискурсогенный медиажанр особого типа.

Жанрообразующие признаки TED лекций

Чтобы выделить жанрообразующие признаки TED лекций обратимся к модели речевого жанра, предложенной Т. В. Шмелевой. Данная модель включает следующие жанрообразующие признаки: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, фактор прошлого и фактор будущего, диктумный компонент и языковое воплощение [16]. Рассмотрим, как некоторые из этих признаков реализуются в TED лекциях.

Согласно классификации Т. В. Шмелевой, по типу коммуникативной цели (интенции) – главному жанрообразующему признаку речевые жанры делятся на информационные, императивные, оценочные и этикетные (ритуальные) [16]. TED лекция призвана в первую очередь решать просветительские задачи, а значит, информировать людей о тех или иных фактах действительности, связанных с научными достижениями, открытиями, социальными процессами и т. п. Поэтому доминирующей интенцией здесь выступает информирующая, на которую ориентированы основные коммуникативные единицы, не являющиеся предметом нашего рассмотрения. Но этот жанр не лишен и трех других интенций: в качестве сопровождающих в той или иной степени в этих лекциях проявлены оценочные, императивные и ритуальные цели. Оценочность проявляется, например, через указание на важность решения тех или иных вопросов в какой-то сфере жизни – в медицине, школьном образовании, на необходимость изменений в социальной сфере, через критику положения дел в тех или иных областях, деятельности отдельных людей, высказывание

эмоционального отношения (радость, сожаление, надежда, ужас). Приведем примеры использования дискурсивов для этих целей: ***The good news is that one thing that hasn't changed in the last century is women's resilience and our commitment to build a better life not only for ourselves, but for generations to come; But perhaps most importantly, I think all of these issues would no longer be seen as "women's issues." They would just be seen as basic issues of fairness and equality that everybody can get behind; But the amazing thing is, even though my mother's own grandmother could not vote in Texas, because under Texas law, "idiots, imbeciles, the insane and women" were prevented the franchise – just two generations later, my mother, Ann Richards, was elected the first woman governor in her own right in the state of Texas; And despite all the research and improvements we've made in medical care - and this is really horrifying to me - the United States now leads the developed world in maternal mortality rates*** (Cecile Richards).

Императивность в TED лекциях выражается в воздействующем эффекте этих выступлений. Воздействие в этом жанре осуществляется хотя и в основном косвенным образом, но с помощью разнообразных средств. Оратор не только информирует, но и убеждает слушателей в своей правоте, в необходимости назревших перемен, в важности того, чем он занимается. Воздействие реализуется как через содержательную (диктумную) сторону коммуникации, так и через ее дискурсивно-прагматическую составляющую. Так, рассказывая о своих идеях, выступающие постоянно апеллируют к слушателям и используют местоимение 2-го лица *you*: *So look at this picture here – a lot of shapes dancing around for you. Now what you need to do, if you're trying to develop a new treatment for autism or Alzheimer's disease or cancer is to find the right shape in that mix that will ultimately provide benefit and will be safe. And when you look at what happens to that pipeline, you start out maybe with thousands, tens of thousands of compounds. You weed down through various steps that cause many of these to fail. Ultimately, maybe you can run a clinical trial with four or five of these, and if all goes well, 14 years after you started, you will get one approval. And it will cost you upwards of a billion dollars for that one success* (Francis Collins).

Частотно использование модальных глаголов со значением необходимости и долженствования (*need, should, have to*), повышающих категоричность речи, усиливающих ее воздействие, помогающих говорящему продемонстрировать свою убежденность в своих идеях: *But you should ask at this point for*

another statistic, and that is, "Tell me about the side effects"; Now, I'm not saying whether you **should** take the statin or not. I'm just saying you **should** have this conversation with your doctor; So **we need** to train ourselves to think ahead to these kinds of situations; And at some point, all of us are going to be in that position, where **we have to** make a very important decision about the future of our medical care or that of a loved one, to help them with a decision (Daniel Levitin).

Как видно из вышеприведенных примеров, воздействие на адресата оказывается не только путем указания на 2-е лицо, но и с помощью использования инклюзивных местоимений 1-го лица (*we, us, our*). И такие примеры многочисленны: **We all need people who will give us feedback. That's how we improve. (...)** **Our teachers deserve better. The system we have today isn't fair to them. It's not fair to students, and it's putting America's global leadership at risk. So today I want to talk about how we can help all teachers get the tools for improvement they want and deserve; Consider the rankings for reading proficiency. The U. S. isn't number one. We're not even in the top 10. We're tied for 15th with Iceland and Poland** (Bill Gates). Императивность данного жанра часто ощущается как завуалированное воздействие инклюзивного характера: лектор не говорит, что слушатели должны что-то сделать, он подчеркивает, что *мы вместе* должны что-то делать. Это своего рода манипуляция адресатом, но в этом жанре имеющая конструктивный характер [17].

В TED лекциях используются и собственно императивы, но большая их часть – это дискурсивы-адресации, ориентированные на установление и поддержание контакта с аудиторией, призывающие ее к совместным действиям, вовлекающие ее в совместные размышления, воспоминания. Такие дискурсивы весьма частотны: **So suppose you go to your doctor and the doctor says, "I just got your lab work back, your cholesterol's a little high"; Remember, our brain under stress releases cortisol, and one of the things that happens at that moment is a whole bunch on systems shut down** (Daniel Levitin); **Let's start by asking who's doing well; Consider the rankings for reading proficiency. The U. S. isn't number one; Let's look at the best academic performer: the province of Shanghai, China** (Bill Gates); **But imagine if women actually had political power. Imagine if we were at the table, making decisions. Imagine if we had our own women's political party that instead of putting our issues to the side as distractions, made them the top priority** (Cecile Richards).

Сила воздействия проявляется и в очень широком применении дискурсивов-акценти-

вов, имеющих выделительное и усилительное значение. Перечислим самые частотные: *just* (общее количество употреблений – 70), *actually* (64), *very* (39), *really* (38), *even* (32), *only* (17) и мн. др. Репертуар акцентивов в TED лекциях весьма объемный и в нашем материале насчитывает порядка 40 единиц. По сравнению с учебными лекциями в TED лекциях эти дискурсивы встречаются в два раза чаще и намного более разнообразны. Сказывается желание продемонстрировать свою увлеченность, привлечь слушателя к своим идеям и показать важность этих идей. Приведем примеры: **And you can actually say things here that have impacts around the world; And I think what we've learned is that, if you're a teacher your words can be meaningful, but if you're a compassionate teacher, they can be especially meaningful; We're looking at some very interesting developments in our work. My state of Alabama, like a number of states, actually permanently disenfranchises you if you have a criminal conviction. Right now in Alabama 34 percent of the black male population has permanently lost the right to vote** (Bryan Stevenson). Более частотными и разнообразными дискурсивы-акцентивы оказались в речи лекторов-женщин: в их речи этих единиц на 20 % больше, чем у лекторов-мужчин, что, возможно, объясняется более высокой эмоциональностью женщин и острыми темами их лекций. Таким образом, императивные цели рассматриваемого жанра не вызывают сомнений.

Что касается этикетной интенции, то она реализуется через следование строгому регламенту проведения конференций, о некоторых аспектах которого речь пойдет ниже. Фрагментами этого формата является обязательная благодарность лектора в конце лекции и аплодисменты зрителей.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод о полиинтенциональности жанра TED лекции с доминированием информационной интенции.

Учет жанрообразующих факторов прошлого и будущего позволяет определить TED лекцию как инициативный жанр, а появившиеся как результат его дискурсивности жанры комментариев и переводов на другие языки как реактивные жанры. Наличие комментариев со сложной, разветвленной структурой и переводов является своего рода перлюктивным эффектом, планируемым результатом жанра.

Особенности взаимодействия с аудиторией в жанре TED лекции

Как показал отсмотренный видеоматериал и исследованные распечатки текстов лекций, жанр TED лекции может рассматриваться в рамках гипержанра «лекция» и его подвида – жанра «публичная лекция». Некоторые из изученных лекций – те, что посвящены научным темам (в области биологии, нейробиологии, медицины), можно отнести к подвиду «научно-популярная лекция». Однако, тематика публичной лекции не всегда научно-популярная, так как она может быть прочитана и на темы, отличные от научных: например, в нашем материале выявлены темы социально-политического характера (почему среди лидеров государств и компаний так мало женщин) или другие социально важные вопросы (о поддержке и обучении учителей США, о справедливости в обществе по отношению к афроамериканцам). Но научно-популярная лекция, как правило, всегда является публичной, т. е. предназначена она не для научного сообщества, а для всех людей, интересующихся наукой. Хотя между этими двумя жанровыми разновидностями лекций нельзя ставить знак равенства, объединяет их характер их аудитории: и в публичных, и в научно-популярных лекциях лектор и аудитория имеют разный статус в отношении уровня понимания темы лекции и объема имеющихся у них знаний в рамках этой темы. По замечанию В. Вахштайна, лектор и аудитория здесь говорят на разных языках, лектор, чтобы быть понятым, вынужден изобретать особый язык – язык «популярной науки» [<https://postnauka.ru/lectures/48851>]. Таким образом, для публичных лекций (и научно-популярных как их подвида) характерна **гетерогенная** коммуникация.

На другом полюсе гипержанра «лекция» находится традиционная научная лекция, предназначенная для сугубо научной аудитории – коллег-ученых, имеющих более или менее равный статус с лектором. Коммуникация во время научных лекций является **гомогенной**.

Тип адресата является одним из дифференцирующих признаков научной и учебной лекции. Учебные лекции читаются чаще всего в вузовской аудитории для студентов обычно в виде цикла лекций, как правило, одним и тем же преподавателем, что определяет специфику этого жанра: интертекстуальность (взаимосвязь, переключки тем, идей, их переход из лекции в лекцию, ссылки на прочитанное ранее, на другие курсы, источники, исследования и т. п.); аудитория лектору хорошо знакома и, как правило, подготовлена к восприятию ма-

териала и заинтересована в получении знаний (после курса лекций следует экзамен); студенты конспектируют речь лектора, а иногда даже пишут под диктовку (сейчас, правда, многие записывают на диктофон), поэтому студенты переспрашивают, а иногда и задают вопросы; речь лектора, как правило, монологична с эпизодическими диалогическими вкраплениями часто фатического характера; лектор опирается на подготовленный текст, частично читает (например, цитаты), следует своему плану, что не исключает отклонений на другие темы, шуток, фрагментов воспоминаний и т. п. В последнее время многие преподаватели прибегают к различным интерактивным технологиям, аудио- и видеоматериалам, призванным разнообразить лекционную монотонность и тем самым повысить эффективность восприятия лекционного материала. Таким образом, в отличие от научной лекции коммуникация во время учебной лекции является **частично гомогенной**, потому что статус преподавателя и студента равным признать нельзя. Но студенты отличаются и от любительской аудитории публичной лекции, поскольку имеют определенную подготовку и знания, соответствующие их профилю и курсу обучения, т. е. являются своего рода юными коллегами лектора, с которыми можно и нужно говорить на одном языке, пусть и немного упрощенном по сравнению с языком, предназначенным для полноценных коллег-ученых.

Итак, образ адресата TED лекции является типичным для публичной лекции с гетерогенным характером коммуникации. Важно отметить особый, тесный контакт TED лектора с аудиторией, который обеспечивается самим форматом выступлений. Поскольку у лектора нет никаких записей, то его зрительный контакт со зрителями не прерывается ни на секунду: он все время лекции смотрит на аудиторию. Кроме того, лектор и зрители ничем не разделены физически – никакой специальной лекционной кафедры (подставки) на сцене не предусмотрено. Весь ораторский пафос выступающего попадает к адресату напрямую.

Роль дискурсивов-адресаций в реализации жанрообразующих признаков TED лекции

Дискурсивы активно участвуют в создании необходимого взаимодействия адресанта и адресата. Дискурсивы-адресации в TED лекциях в шесть раз более частотны, чем в учебных лекциях, что объясняется, на наш взгляд, в том числе рассмотренными выше особенностями жанра TED лекции, а именно: гетерогенным характером коммуникации и вытекающей отсюда необходимостью создания

особой близости между лектором и аудиторией. Говорящий активно, с самого начала и до конца лекции работает над тем, чтобы привлечь внимание к своей идее и чтобы удерживать это внимание до самого конца лекции. Отметим, что в лекциях мужчин адресации на 20 % более частотны, но менее разнообразны.

Как уже говорилось выше, сигналами адресации являются случаи использования местоимений *you/your*, фатических сигналов-императивов типа *remember, suppose, imagine, look*, инклюзивных авторизирующих конструкций с местоимениями *we/us/our* и конструкций *let's...* Кроме того, связь с адресатом устанавливается с помощью вопросительных конструкций: *The top 10 grossing drugs in the United States this year, they only benefit one in four to one in 23 of who take them. That's great if you're number one, but what about everybody else?; I think we can do better. What if we could reimagine ways to help make your medicine-taking easier? To get the right doses and combinations to match you? What if we could move beyond today's literal cutting edge of pill cutters and fax machines, to an era where we could have better outcomes, lower costs, saving lives and space in your medicine cabinet?* (Daniel Kraft).

Для солидаризации с аудиторией используются вопросительные фативы-стимулятивы (*right? all right? okay?*): *Languages also differ in how they describe events, right?; Having count words in your language, having number words, opens up the whole world of mathematics. Of course, if you don't count, you can't do algebra, you can't do any of the things that would be required to build a room like this or make this broadcast, right?* (Lera Boroditsky); *Lucy lost her son to gun violence, and it was because of her experience with the criminal justice system that she realized just how broken it is, and she decided to do something about that. So she ran for office, and this January, she's going to Congress. OK?* (Cecile Richards).

Для акцентуации определенных фрагментов выступления используются адресации *you see, you know*, типичные для разговорного диалога: *But you see, when Mom was coming up in Texas, there weren't a lot of opportunities for women, and frankly, she spent her entire life trying to change that* (Cecile Richards); *We didn't have disease modeling with human cells, so we'd been testing them on cells of mice or other creatures or cells that we engineer, but they don't have the characteristics of the diseases that we're actually trying to cure. You know, we're not mice, and you can't go into a living person with an illness and just pull out a few brain cells or cardiac cells and then start fooling around in a lab*

to test for, you know, a promising drug (Susan Solomon). Дискурсив *you know* полифункционален: выполняет хезитативную, поисковую роль, а также является сигналом коэмпиири – сообщает о том, что данная информация для говорящего и слушающего является совместной, сигнализирует об общем для них знании. Использование для привлечения внимания слушателей элементов разговорного стиля является проявлением категории близости. В TED лекции и других устных научно-популярных жанрах наряду с другими языковыми приемами разговорные слова и выражения, в том числе из разряда дискурсивов, способствуют интимизации общения, помогают создать неформальную атмосферу, которая, сокращая дистанцию между лектором и аудиторией, в целом повышает эффективность восприятия сложных идей (о специфике достижения эффективности в разных научных жанрах см. [18]).

Таким образом, гетерогенный характер коммуникации, присущий TED лекциям, объясняет необходимость для выступающего прилагать особые усилия к созданию доверительных отношений с аудиторией, к проявлению чувств общности, близости и солидарности. Огромную роль в этом играют дискурсивы.

Авторизирующие конструкции и их специфика в TED лекциях

Важным для определения речевых жанровых специфик TED лекции является выявление особенностей выражения образа автора, идущего в одной связке с адресатом. Автор TED лекции отличается от автора обычной публичной лекции. С одной стороны, создатель TED лекции – это тот же специалист, эксперт в какой-то области знаний, но, с другой стороны, его речевая и неречевая деятельность и поведение весьма ограничены, поскольку задаются целым рядом требований, предъявляемых к данному формату. В TED лекции автор в большинстве случаев коллективный. Изначальный замысел, выбор темы и общий план лекции принадлежат самому лектору, а вот корректировка текста, окончательная его доработка как в плане содержания, так и формальной организации, подгонка материала до требуемого формата, даже добавление в текст юмора происходят с помощью организаторов проекта. Тем не менее, лектор – это вовсе не актер, выучивающий наизусть свою роль и произносящий ее со сцены. Тщательная совместная подготовка материала не мешает выступающему проявлять свою индивидуальность. Ни одна TED лекция не похожа на другую. Личность лектора, его профессионализм, манера речи и об-

щения с аудиторией проявлены в каждой лекции как в ее диктумной составляющей, так и в дискурсивно-прагматической. Исследование употребления дискурсивов позволяет оценить такие проявления образа автора в речи как степень ее структурированности, логичности, последовательности, категоричности/некатегоричности, эмоциональности, уровень адресованности, авторизации, импозитивности и некоторых других факторов. В данном исследовании мы не ставим цели исследовать индивидуальные предпочтения авторов в выборе тех или иных дискурсивов, а анализируем общие тенденции в проявлении вышеперечисленных факторов.

В данной статье остановимся на некоторых, самых общих, особенностях употребления дискурсивов-регулятивов. Некоторые типы регулятивов, ориентированных на связь с аудиторией и отражающих такие свойства речи, как адресованность и импозитивность, были уже выше проанализированы. Теперь обратим внимание на степень авторизованности TED лекций, которая на дискурсивно-прагматическом уровне проявляется в первую очередь через использование авторизирующих конструкций, содержащих местоимения 1-го лица *I/me/my* и *we/us/our*. В TED лекциях таких конструкций по сравнению с учебными лекциями больше в три раза. Большая их часть представлена конструкциями во множественном числе (453 *we*-конструкций и 320 *I*-конструкций). В речи мужчин и женщин *we*-конструкции встречаются одинаково часто, а вот «якают» чаще мужчины (ср.: у мужчин *I* встречается 195 раз, у женщин 125), что подтверждает широко известные факты о большей степени корпоративности в женской речи. Чем обусловлено такое большое количество конструкций в единственном числе? Формат TED конференций требует, чтобы выступающий обязательно рассказывал о своем личном опыте, о том, что его привело к тем мыслям, которыми он делится с аудиторией. Поэтому почти во всех лекциях мы встречаем так называемые нарративы – личные истории, воспоминания из детства, юности, из раннего опыта. Считается, что с помощью этих приемов можно сократить дистанцию между лектором и зрителями, показать, что ты такой же, как они, сделать свое выступление более достоверным, получить больше доверия от аудитории. Когда человек откровенен в своей речи, рассказывает что-то личное, часто наблевшее, волнующее его многие годы, при этом не скрывает своих эмоций, переживаний, это всегда вызывает у публики интерес, эмпатию, уважение.

Фрагмент лекции Шерил Сандберг показывает, что чувствует сама выступающая

в ситуации, о которой рассказывает зрителям: *Now, at the outset, I want to be very clear that this speech comes with no judgments. I don't have the right answer. I don't even have it for myself. I left San Francisco, where I live, on Monday, and I was getting on the plane for this conference. And my daughter, who's three, when I dropped her off at preschool, did that whole hugging-the-leg, crying, "Mommy, don't get on the plane" thing. This is hard. I feel guilty sometimes. I know no women, whether they're at home or whether they're in the workforce, who don't feel that sometimes. So I'm not saying that staying in the workforce is the right thing for everyone* (Sheryl Sandberg).

Если местоимение *I* не вызывает вопросов по поводу своего референта (я – это всегда сам говорящий), то с местоимением *we* ситуация намного более сложная. Значение *мы* отличается семантической размытостью [17]. Выше мы приводили примеры использования инклюзивного *we*, когда говорящий включает в него себя и аудиторию. Однако уровни такого включения могут быть разными и определяются дискурсивным и когнитивным контекстом (об интерпретирующей функции когнитивного контекста см. [19]). Имеется в виду, что часто такое *we* – это не только говорящий плюс люди, сидящие в зале. Думается, что инклюзивное *we* всегда подразумевает сидящих в зале, но очень часто присутствующая аудитория объединяется еще и с какой-либо другой общностью людей – начиная от всего человечества в целом до отдельных его групп, например, представителей какого-то государства (в данном случае американцев) или гендера (например, женщин на лекциях, посвященных темам роли женщин в политике).

Однако кроме инклюзивного *we* для TED лекций типично и эксклюзивное *we*, подавляющее большинство случаев употребления которого подразумевает группу ученых, с которой ассоциирует себя лектор. В следующем фрагменте это ученые, разрабатывающие индивидуализированную комбинированную поли таблетку: *I think one of the solutions is to make better use of the polypill. A polypill is the integration of multiple medications into a single pill. And we have these today in common over-the-counter cold and flu remedies. And there have been prevention polypill studies done, giving combinations of statins, blood pressure, aspirin, which in randomized studies have been shown to dramatically reduce risk, compared to placebo. But these polypills weren't personalized, they weren't optimized to the individual. What if we could optimize your personalized polypill? So it would be built for you, based on you, it could adapt to you, even every single day. Well, we're now in the era of 3D printing.*

You can print personalized braces, hearing aids, orthopedic devices, even I've been scanned and had my jeans tailored to fit to me. Эксклюзивное *we* в исследованных TED лекциях составляет примерно половину от всех *we*-конструкций. Его употребление подчеркивает принадлежность говорящего к коллективу ученых, что в целом повышает авторитет лектора как эксперта в своей области, усиливает основательность и значимость его исследования, помогает ему продвигать свои достижения и идеи [4–7]. Конференции фонда TED мыслятся как особое пространство, где ученые имеют возможность это делать. Таким образом, проведенное исследование показало, что авторизирующие конструкции в TED лекциях высоко частотны, разнообразны и полифункциональны.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет подробно остановиться на всех факторах речи, связанных с использованием всех типов дискурсивов-регулятивов. (Некоторые аспекты функционирования дискурсивов устного англоязычного научного дискурса отражены в [20].) Поэтому в данной статье мы ограничились анализом авторизирующих конструкций, адресаций и акцентивов.

Особенности хронотопа TED лекций

Есть еще один признак, который обычно не упоминается как жанрообразующий, но в случае TED лекции признать его таковым, видимо, следует обязательно. Представляется, что специфичной, отличной от других публичных лекций TED лекцию делает присущий ей особый хронотоп. Именно локально-временные характеристики этого жанра определяют многие его описанные выше особенности, а также специфику функционирования дискурсивов. Как уже отмечалось, по правилам проекта такая лекция может длиться не более 18 минут, т. е. она является довольно короткой. Организаторы TED конференций объясняют такой выверенный опыт и психологическими экспериментами хронометраж тем, что 18 минут – это, с одной стороны, достаточно много, чтобы успеть объяснить свою идею, какой бы сложной она ни была, а с другой стороны, достаточно мало для того, чтобы аудитория с интересом, не отвлекаясь, могла удерживать свое внимание и адекватно воспринимать идеи лектора [<https://www.youtube.com/watch?v=mzvsHJGQwfg>]. Такой формат идеален и для удобства использования материалов этих лекций: их удобно послушать во время перерыва, удобно использовать в качестве учебного материала. В коротких лекциях нет ничего лишнего: идеи подаются в предельно сжатой,

но понятной для слушателя форме. Заметим, что многие лекции длятся гораздо меньше 18 минут – 3–5 минут, что правилами не запрещено.

Что касается локальных характеристик жанра лекций в стиле TED, то следует повторить, что все они проводятся в рамках конференций в определенном месте под строгим контролем организаторов, что исключает какую-либо возможность нарушения регламента. Во время выступления участник конференции стоит на сцене и рассказывает по памяти о своих идеях зрителю.

Следует отметить еще одну отличительную черту TED лекций – элементы театральности этого жанра. Многие лекторы в ходе выступления практически превращаются в актеров: активно жестикулируют, используют экспрессивную интонацию, множество художественных выразительных средств, эффектно выстраивают свою речь с точки зрения композиции, шутят, напрямую обращаются к аудитории с призывами, вопросами, артистично рассказывают свои личные истории с включением в выступление прямой речи и разыгрываемых по ролям фрагментов диалога. Артистизм, безусловно, присущ многим публичным лекторам, поскольку это всегда беспроигрышный путь к умам неподготовленной публики, которую нужно не только увлечь своими идеями, но, желательно, и развлечь. Но, поскольку у лекторов на конференции TED очень мало времени, то артистизм ее участников проявляется в концентрированном виде, превращая каждое выступление в своего рода перформанс, подтверждением чему являются аплодисменты, прерывающие речь выступающего. Так, выступление Сесил Ричардс, борца за права женщин и социальную и экономическую справедливость, прерывалось аплодисментами 24 раза (15 раз из них в сочетании с одобрительными возгласами). Это очень много, учитывая, что общий хронометраж этой лекции составил 17 минут. Кроме того, прерывал эту лекцию и смех зрителей (4 раза). Естественно, не все лекции проходят в такой атмосфере. Всё определяется личностью лектора и темой выступления.

Сходство с театральным выступлением придает TED лекции и ее тщательная подготовка и отрепетированность, т. е. ее постановочный характер. Хотя в ней можно обнаружить и элементы спонтанности, например, иногда встречающиеся *hesitations* *well, you know, so, now, kind of, sort of*, но их, во-первых, очень мало, во-вторых, они могут использоваться намеренно, для имитации непринужденной беседы со зрителем в качестве средства интимизации общения. В публичной лекции для подачи материала

очень важна легкость. Даже очень серьезные темы воспринимаются легче и полнее, если о них рассказывать доступным, близким к разговорному языком в непринужденной манере.

Заключение

На основе проведенного анализа мы можем заключить, что TED лекции представляют собой особый речевой жанр, отличный от других устных научно-популярных жанров и от других типов лекций. TED лекция – это риторический жанр [21], который является одновременно первичным, поскольку реализуется в присутствии живой аудитории в рамках регламентируемого и институализированного сложного речевого события [22] – TED конференции, и вторичным, так как существует в виде записей на сайте <https://www.ted.com>, где обретает новую непрерывающуюся жизнь, дает начало другим жанрам. Поражает количество просмотров некоторых лекций: например, лекция педагога Кена Робинсона «Убивает ли школа креативность?» насчитывает более 56 миллионов просмотров, а количество комментариев составляет более 4600. Эта лекция была записана в 2006 году, а люди в комментариях до сих пор продолжают ее обсуждать. Все это доказывает высокий уровень эффективности как самого жанра, так и работы его создателей – тех, кто придумал идею конференций, самих лекторов, организаторов конференций, создателей сайта. Во время конференции эффективность коммуникации подтверждается аплодисментами во время и после лекции, смехом, подбадриваниями со стороны аудитории.

Представляется, что жесткий локально-временной формат TED лекции и ее тщательно подготовленный характер во многом объясняют и конструируют речевую специфику этого жанра: необычайную плотность текста (термин М. П. Котуровой [23]) лекции с точки зрения его содержания, его компактность, композиционно-структурную и логическую осмысленность, прозрачность и четкость, а также концентрированное употребление языковых (речевых) единиц, составляющих дискурсивно-прагматический каркас анализируемого жанра, – дискурсивов. В отличие от других типов лекций коротким TED лекциям свойственна большая степень авторизованности, диалогичности, персуазивности, логической связности.

Популярность TED лекций как материала для изучения английского языка связана не только с тем, что в них представлен живой, настоящий, современный английский язык и предлагаются актуальные, интересные, волнующие зрителей темы, а также с тем, что TED лекции являются прекрасным

образцом эффективной коммуникации [18], блестящим примером персуазивного дискурса, используемого в целях популяризации науки. Большинство лекторов обладают очень высоким уровнем коммуникативной компетенции, они мастерски сочетают в себе профессиональные, ораторские и актерские качества и демонстрируют образец того, как и о чем надо говорить с непрофессиональной аудиторией, чтобы получить от нее отклик. Успех этих лекций заключается в органическом сочетании важных и актуальных для современного общества научных идей и личной истории открытий и изменений. Нет сомнений, что ясное и доступное изложение сложных научных идей в увлекательной форме способствует внедрению науки в жизнь и деятельность человека. Доказательством этого является необычайная растущая востребованность научно-популярного дискурса вообще и в России, и в других странах, огромная мировая популярность TED лекций, переводы этих лекций на большое количество других языков, набирающие популярность конференции TEDx.

Конечно, не стоит забывать, что TED конференция – это американский проект, TED лекция – англоязычный жанр, а лекторы – в подавляющем большинстве носители английского языка. В этом жанре отражены особенности именно и только англо-саксонского научного стиля, которому, по мнению В. Е. Чернявской, свойственны подчеркнутая диалогичность, стиль, толерантный к адресату, повышенное внимание к форме изложения. Популяризация изложения характерна не только для устных, но и для письменных англоязычных научных жанров [24]. Как пишет О. Л. Заболотнева, для американских лекций, даже университетских, свойственны атмосфера возвышенности и приподнятости, особый торжественный стиль, церемонность и эстетическая оформленность [25]. Популяризация научных идей, озвученных англоязычными учеными, способствует распространению не только знаний, но и англоязычного научного коммуникативного стиля и даже культурных ценностей, не всегда понятных и принимаемых за пределами англоязычного мира. Все это следует иметь в виду при изучении этого жанра и использовании его при изучении английского языка.

Перспективы исследования видятся в продолжении начатого изучения жанрообразующих и прочих признаков TED лекций, их дискурсивно-прагматического каркаса, в дискурсивно-прагматическом анализе упомянутых в этой статье реактивных по отношению к TED лекции жанров – комментариев и переводов на другие языки, в сравнительном изучении TEDx лекций на английском и рус-

ском языках, сравнительных исследованиях этих лекций и других типов публичных лекций, других жанров устного научного дискурса

(например, околонучных разговоров, в терминологии А. И. Матяшевской [26]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нечаева Н. В. Популярная публичная лекция жанра TALK: особенности языка и стиля // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2016. № 180. С. 17–22.
2. Таланина А. А. Онлайн-лекция как жанр интернет-дискурса // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 17–22.
3. Носова О. Е., Медведева А. В. Лингвокультурологическая специфика коммуникативных стратегий и тактик в жанре публичной научной лекции (на материале английского языка) // Russian Journal of Humanities. 2018. Vol. 10, № 4–3. P. 179–194.
4. Scotto di Carlo G. New trends in knowledge dissemination: TED Talks // Acta Scientiarum Language and Culture. 2014. № 36, iss. 2. P. 121–130.
5. Scotto di Carlo G. Pathos as a Communicative Strategy for Online Knowledge Dissemination: The Case of TED Talks // 3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2015. Vol. 21, iss. 1. P. 23–34.
6. Caliendo G. The popularization of science in web-based genres // The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models / ed. by G. Bongo and G. Caliendo. Bern: Peter Lang, 2012. P. 101–132.
7. Caliendo G., Compagnone A. Expressing epistemic stance in university lectures and TED talks: A contrastive corpus-based analysis // Lingue e Linguaggi. 2014. № 11. P. 105–122.
8. Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 42–49.
9. Харламова Т. В. Текстобразующие средства в устной речи: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.
10. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.
11. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016. 617 с.
12. Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 168 с.
13. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 8: Памяти К. Ф. Седова. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26–44.
14. Цицицина Л. Ю. Веб-лекция как жанр устной интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3(23). С. 215–226.
15. Шмелева Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4(20). С. 270–276.
16. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–99.
17. Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 80–87.

18. Сиротинина О. Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. С. 269–275.

19. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникации. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 32–42.

20. Викторова Е. Ю. Специфика русской научной речи сквозь призму употребления в ней дискурсивов (опыт сравнения русского и англоязычного научного дискурса) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 83–100.

21. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 2. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 26–31.

22. Дубровская О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 2. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 97–102.

23. Котюрова М. П. Плотность научного текста: подходы к ее изучению // Стереотипность и творчество в тексте / под ред. М. П. Котюровой. Вып. 11. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2007. С. 142–155.

24. Чернявская В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.

25. Заболотнева О. Л. Лингвокультурологические и социолингвистические особенности лекции: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 194 с.

26. Матяшевская А. И. Вариантность и вариативность устного научно-популярного жанра // Жанры речи. 2017. № 2(16). С. 220–225.

REFERENCES

1. Nechaeva N. V. A popular public lecture of the genre TALK: language and style aspects. *Proceedings of Russian State Pedagogical University named after A. I. Hertsen*, 2016, no. 180, pp. 17–22 (in Russian).
2. Talanina A. A. An online lecture as an Internet genre. *The World of the Russian Word*, 2018, no. 2, pp. 17–22 (in Russian).
3. Nosova O. E., Medvedeva A. V. Linguocultural aspects of communicative strategies and tactics in the genre of a public academic lecture (based on the English language). *Russian Journal of Humanities*, 2018, vol. 10, no. 4–3, pp. 179–194 (in Russian).
4. Scotto di Carlo G. New trends in knowledge dissemination: TED Talks. *Acta Scientiarum Language and Culture*, 2014, no. 36, iss. 2, pp. 121–130.
5. Scotto di Carlo G. Pathos as a Communicative Strategy for Online Knowledge Dissemination: The Case of TED Talks. *3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 2015, vol. 2, iss. 1, pp. 23–34.
6. Caliendo G. The popularization of science in web-based genres. In: G. Bongo, G. Caliendo (eds.). *The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models*, Bern, Peter Lang, 2012, pp. 101–132.

7. Caliendo G., Compagnone A. Expressing epistemic stance in university lectures and TED talks: A contrastive corpus-based analysis. *Lingue e Linguaggi*, 2014, no. 11, pp. 105–122.
8. Sherstianikh I. V. Discourse markers as a means of speech genre organization (based on the analysis of the lexeme Pravda). *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 42–49 (in Russian).
9. Kharlamova T. V. *Tekstoobrazuiushchie sredstva v ustnoi rechi* [Text forming means in the spoken discourse]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2000. 241 p. (in Russian).
10. Andreeva S. V. *Konstruktivno-sintaksicheskie edinitsy ustnoi russkoi rechi* [Constructive-syntactic units in Russian spoken discourse]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. 192 p. (in Russian).
11. Viktorova E. Yu. *Vspomogatel'naia sistema diskursa: problemy vydeleniia i funktsionirovaniia* [Satellitic discourse system: problems of identification and use]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2016. 617 p. (in Russian).
12. O. B. Sirotinina (ed.) *Funktional'nye stili i formy rechi* [Functional styles and forms of discourse]. Saratov, Izd-vo Saratov un-ta, 1993. 168 p. (in Russian).
13. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoi mediasfere [Genre in modern media sphere]. *Zhanry rechi: sb. nauch. statei* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 8. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–44 (in Russian).
14. Shchipitsina L. Yu. Web-lecture as a genre of spoken Internet communication. *Speech Genres*, 2019, no. 3(23), pp. 215–226 (in Russian).
15. Shmeleva T. V. Condensation of genres as a trend in media sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4(20), pp. 270–276 (in Russian).
16. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [A speech genre model]. *Zhanry rechi: sb. nauch. statei* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 1. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 88–99 (in Russian).
17. Markasova E. V., Tian' Ven'tszuan' Manipulative function of the pronoun *my* in Russian and Chinese. *Speech Genres*, 2016, no. 2(14), pp. 80–87 (in Russian).
18. Sirotinina O. B. Are there any peculiarities in making academic texts more effective? *Philology in the XXI century*, 2019, special iss. pp. 269–275 (in Russian).
19. Boldyrev N. N. Interpretiruiushchaia funktsiia kognitivnogo konteksta [Interpreting function of the cognitive context]. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsii* [Language, conscience, communications]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 32–42 (in Russian).
20. Viktorova E. Yu. Spetsifika russkoi nauchnoi rechi skvoz' prizmu upotrebleniia v nei diskursivov (opyt sravneniia russkogo i angloiazynchnogo nauchnogo diskursa) [Specificity of Russian academic discourse through the lens of discourse markers' use in it]. M. A. Kormilitsyna (ed.). *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of Speech Communication: coll. of sci. art.]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016, iss. 16, pp. 83–100 (in Russian).
21. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshleniia po povodu terminov "rechevoi zhanr" i "ritoricheskii zhanr" [Some speculations on terms "speech genre" and "rhetorical genre"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. statei* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).
22. Dubrovskaia O. N. Slozhnye rechevye sobytiia i rechevye zhanry [Complicated speech events and speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. statei* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 97–102 (in Russian).
23. Kotiurova M. P. Plotnost' nauchnogo teksta: podkhody k ee izucheniiu [Density of the academic text: approaches to the research]. M. P. Kotiurova (ed.). *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and Creativity in the Text]. Perm', Perm. gos. nats. issled. un-t, 2007, iss. 11, pp. 142–155 (in Russian).
24. Cherniavskaia V. E. *Kommunikatsiia v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskii i sotsiokul'turnyi analiz* [Communication in science: norms and deviations. Linguistic and socio-cultural analysis]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 240 p. (in Russian).
25. Zabolotneva O. L. *Lingvokul'turologicheskie i sotsiolingvisticheskie osobennosti lektsii* [Linguo-cultural and socio-linguistic aspects of lectures]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Cheliabinsk, 2007. 194 p. (in Russian).
26. Matiashevskaiia A. I. Variation and variability of a spoken popular science genre. *Speech Genres*, 2017, no. 2(16), pp. 220–225 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>

For citation

Viktorova E. Yu. Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use). *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 254–266 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>

Поступила в редакцию: 19.02.2019 / Принята: 19.04.2019 / Опубликована: 02.12.2019

Received: 19 February 2019 / Accepted: 19 April 2019 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-267-272>

А. В. Абросимова
Новосибирск, Россия

Alesya V. Abrosimova
Novosibirsk, Russia

Отчёт о производственной практике как речевой жанр

Practical Training Report as a Speech Genre

Предлагаемая статья посвящена исследованию речевого жанра «отчет о производственной практике». Рассматривается вопрос о принадлежности жанра к профессиональному субстилю учебно-научного подстиля, даётся характеристика основных жанрообразующих признаков отчёта о производственной практике. Анализируются языковые особенности данного жанра, особое внимание уделяется его структуре. Практическая ценность исследования видится автору в возможности использования результатов исследования в работе по моделированию жанров речевой коммуникации, а также в практической деятельности, связанной с обучением составлению отчёта о производственной практике на этапе вузовской подготовки студентов.

Ключевые слова: отчёт, отчёт о производственной практике, научно-учебный подстиль, профессиональный субстиль, жанрообразующие признаки.

The article presents a research of the speech genre “a practical training report”. The genre is studied within an educational-academic professional substyle. The author describes essential genre forming features of the genre, its basic linguistic properties and structure.

The author sees the practical value of the research in the applicability of its results to speech genres modelling as well to practical aspects connected with teaching students to make up a practical training report as a part of their university education.

Keywords: practical training report, educational and academic substyle, professional substyle, genre forming features.

Сведения об авторе: Абросимова Аlesia Вячеславовна, старший преподаватель кафедры русского языка НГАСУ (Сибстрин), аспирант кафедры русского языка НГТУ.

Место работы: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (НГАСУ) (Сибстрин), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)

E-mail: abrosimova@corp.nstu.ru / eyx276@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6303-0854>

About the author: Abrosimova Alesya Vyacheslavovna, Senior Lecturer, Department of Russian Language, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Graduate Student, Department of Russian Language, Novosibirsk State Technical University.

Place of employment: Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Novosibirsk State Technical University.

E-mail: abrosimova@corp.nstu.ru / eyx276@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6303-0854>

Введение

В современном мире отчёт стал неотъемлемой частью межличностной коммуникации. Составляются отчёты о проведении международных конференций, о работе форумов, о финансовой деятельности предприятий, о проведённых мероприятиях, о встречах глав государств, корпоративные, научные отчёты и другие. В зависимости от профессиональной сферы отчёты бывают разными по форме, структуре, содержанию. Отчёт как речевой жанр исследователи соотносят с официально-деловым или публицистическим стилями [1–3; 4: 59]. Отчёт определяют как текст, содержащий сообщение своих действий, деятельности, работы [5], как «линейный эвристичный сложный жанр офи-

циально-делового стиля, в развёрнутой форме отражающий итоговые результаты обработки и анализа статистических данных, характеризующих выполнение какого-либо вида работы за продолжительный период времени» [4: 59].

Среди исследований, посвященных анализу и изучению языковых, стилистических, структурных особенностей жанра «отчёт», можно наметить два основных направления: лингвистическое и лингводидактическое.

К лингвистическому направлению целесообразно отнести исследования экономического или журналистского отчётов, в которых объектом изучения является его языковая специфика, выявляются и описываются прагматические, стилистические, лексические характеристики отчёта [6–10].

Второе направление исследования жанра «отчёт» продиктовано лингводидактическими потребностями в обучении специалистов и неспециалистов составлению отчёта для их успешной научно-учебной и профессиональной коммуникации. На усвоение бакалаврами жанровых характеристик информационного и аналитического отчетов направлена работа Р. П. Баканова [11]. Проблеме обучения иноязычному письменному дискурсу в жанре «введение к отчёту об экспериментальном исследовании» посвящена работа Н. Л. Никольшиной и Т. В. Мордовиной. Предлагаемая авторами модель обучения жанру базируется на интегрированном подходе, предполагающем рассмотрение структуры научного текста с двух ракурсов: риторической модели и жанровой модели [12].

Об основных особенностях составления консолидированной финансовой отчётности (КФО) и о необходимости разработки методики анализа КФО с опорой на концепцию собственника и концепцию предприятия говорится в работе К. Ю. Котовой, О. Ю. Снигиревой [13].

Об отсутствии каких-либо рекомендаций по составлению диагностического отчёта пишут Н. А. Батулин и Н. Н. Мельникова. Исследователями разработана модель диагностического отчёта, в которой важным параметром при выборе структуры, содержания и способа подачи является адресат. От адресного назначения зависит вид диагностического отчёта: основной или ознакомительный [14].

Цель настоящей статьи в том, чтобы охарактеризовать жанр отчёта о производственной практике как РЖ. В ходе исследования нами было проанализировано более 80 отчётов о производственной практике, составленных студентами строительного университета (НГАСУ (Сибстрин))¹, а также нормативная документация по организации и проведению практик.

Основная часть

Отчёт о производственной практике, являясь информативным жанром, возникает в условиях учебной коммуникации, которую В. Е. Чернявская, Ю. В. Ванников [15] относят к разновидностям научной. Как любой научный текст, отчёт о производственной практике характеризуется логичностью построения, наличием и однозначностью использования терминов, особой структурой и функцией передачи информации, отобранной и нацеленной на усвоение адресатом – студентами разных курсов и направлений обучения. Данное наблюдение

позволяет отнести отчет о производственной практике к учебно-научному подстилю, в котором реализуются такие жанры, как учебно-методические материалы, учебник, учебное пособие, лекции, сборник задач, реферат, курсовая работа и другие.

Отчёт о производственной практике целесообразно отнести к профессиональному субстилю учебно-научного подстиля по ряду параметров. Во-первых, в отличие от текстов общеобразовательного цикла (математики, физики, черчения и т. д.) предоставляемая учебная информация текста отчёта о производственной практике является основой для формирования не общеобразовательной, а общепрофессиональной компетенции. Во-вторых, содержательная сторона отчёта о производственной практике включает язык определённой профессиональной области, в нашем случае, подъязык архитектуры и строительства, отражающий базовые архитектурные и строительные понятия, имеющий структурно-функциональные особенности.

При определении интересующей нас жанровой специфики отчета о производственной практике мы опирались на параметры «модели речевого жанра», предложенной Т. В. Шмелёвой: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого; образ будущего; диктумное содержание, языковое воплощение [16: 88–98].

Одним из главных жанрообразующих признаков является коммуникативная цель, то есть намерение, цель, замысел говорящего. Отчёт о производственной практике относится к информативным жанрам, поскольку его коммуникативная цель, согласно индивидуальному заданию, – предъявление информации о проделанной работе за период прохождения практики на производстве. С позиции автора-составителя, отчёт обладает информативной функцией и содержит информацию об объёме производства; о состоянии основных производственных фондов; о номенклатуре изделий, выпускаемых на производстве; о стандартах и технических условиях на производстве; о порядке и методах контроля производственного процесса, о методах производства работ и др. Однако составлению любого отчёта всегда предшествует определённое коммуникативное намерение адресата, которое в случае с отчётом о производственной практике выражается в необходимости проверить у студента знания, полученные за период обучения на определённом курсе университета и за время прохождения производственной практики.

¹Сибстрин – одно из первых названий университета, сохраненное в виде приписки к современному названию. Своеобразная дань памяти первому сибирскому строительному институту. Далее в статье будет использована аббревиатура НГАСУ (Сибстрин).

Следовательно, отчёт о производственной практике выполняет две функции: информативную и контролируемую, которые зависят от коммуникативной ситуации (автор/адресат). Наличие данных функций даёт основание говорить об отчёте о производственной практике как о «жанре-реакции» на требования, предъявляемые к автору со стороны адресата (преподавателя/заведующего кафедрой/декана/ректора). Предшествующим жанру отчёта является жанр приказа ректора университета об утверждении Положения о практиках студентов НГАСУ(Сибстрин), согласно которому информация доходит до исполнителя, автора. Взаимодействие участников коммуникации происходит на условиях адресата, при которых автор является исполнителем. Автор – студент-бакалавр, хорошо знакомый аудитории, что при условии устного выступления (защиты отчёта) представляется очень важным, поскольку даёт возможность сформировать к себе положительное или отрицательное отношение со стороны адресата. Адресат – официальное лицо, преподаватель, профессионал, оценивающий качество полученной информации. Общение между коммуникантами происходит в официальной учебной обстановке. Изложение информации не предполагает выраженной субъективную оценку: 1) *Контроль показателей качества арматуры производят в соответствии с требованиями стандартов на определённый вид арматуры.* 2) *ОАО «Аэропортстрой» – строительная организация, в состав которой входят завод металлоконструкций и проектное бюро* (Из отредактированных отчётов студентов). К отчёту автора адресат предъявляет требования, согласно Положению о практиках и Программе учебных и производственных практик по направлению 08.03.01 «Строительство». Взаимодействие субъектов происходит при неравном соотношении статусов.

Поскольку отчёт о производственной практике как информативный жанр содержит информацию, обязательную для предъявления преподавателю-специалисту, в условиях учебной коммуникации он является зачётным документом при переводе студента на следующий курс обучения. Коммуникативное будущее жанра «отчёт о производственной практике» выражается в «оценке» (положительной/отрицательной) работы студента руководителем практики.

Диктумное содержание данного речевого жанра содержит письменное или устное сообщение о выполнении работы с учётом индивидуального задания. Информация может отражать результаты по сбору, обработке и систематизации полученных практических данных или наблюдений за технологией ка-

кого-либо сегмента строительного производства. Это может быть описание наблюдений за производством строительных материалов или конструкций, изучение технологий их изготовления, свойств и областей применения изделий: 1) *За время прохождения практики на базе компьютерной программы Auto CAD мной была выполнена раскладка наружных стеновых панелей здания.* 2) *Изучение монтажа гипсокартона позволило выявить следующие свойства: способность поддерживать в помещении влажность воздуха; низкие показатели горючести, технологичность (легко режется).* 3) *Во время прохождения практики нас познакомили с новым программным комплексом трёхмерного моделирования “Hyper Steel”, позволяющим вести объект от предпроектной стадии до файлов для станков с ЧПУ (числовое программное управление) на производстве* (Из отредактированных отчётов студентов).

Особенность жанра «отчёт о производственной практике», с одной стороны, в его ретроспективном характере: автор говорит о событиях в прошлом (где проходил, что изучил, что узнал нового): *Производственная практика проходила на Новосибирском авиационном заводе имени В. П. Чкалова. Во время прохождения практики мной было изучено: нормативная документация предприятия; организационно-распорядительная документация; каталог форм, действующих на предприятии...* (Из отредактированных отчётов студентов).

Однако временная форма глагола меняется, когда речь идет о характеристике объекта, его функциях, свойствах: *Железобетонные лотки применяются в промышленном и гражданском строительстве для прокладки трубопроводов различного назначения...* (Из отредактированных отчётов студентов).

Предприятие уделяет большое внимание природоохранным мероприятиям. В соответствии с графиком работ проводится контроль содержания вредных веществ в стоках и выбросах... На предприятии действует аттестованная ФБУ «Новосибирским центром стандартизации и метрологии» испытательная лаборатория экологии и промышленной санитарии (Из отредактированных отчётов студентов).

Тексты повествовательного характера сменяются описательными, в которых в определённой последовательности раскрываются свойства, признаки объекта, явления, сопоставляются характеристики предметов. Для текстов учебно-научного подстиля при описании характерно использование предиката в настоящем времени.

Один из важных параметров жанра – языковое и структурное воплощение [16: 88–98]. В научном стиле существуют определённые правила текстовой композиции, структура текста научного стиля многомерна и многообразна. Каждый жанр научного стиля имеет свои структурные и собственно языковые особенности. Отчёт о производственной практике относится к жанрам с жесткой композиционной структурой, включающей титульный лист, введение, основную часть, заключение, библиографию, приложения в виде таблиц и чертежей. Подробнее остановимся на каждой части отчёта о производственной практике.

Титульный лист оформляется по определённому образцу и отражает общую информацию: наименование общеобразовательного учреждения, в котором обучается студент; название ведущей кафедры, на которой будет проходить защита отчёта; наименование объекта прохождения практики или тема, выданная руководителем практики; данные о студенте (курс, группа) и о преподавателе.

Во введении отражается актуальность выполненной студентом работы, постановка цели и задачи. Субжанр² «Актуальность» изобилует профессиональными терминами и речевыми клише: *Изучение структуры проектной организации является актуальным направлением в работе бакалавра архитектурно-строительного профиля. Анализ производственных факторов, влияющих на качество строительно-монтажных работ, – важное направление в сфере строительства. Именно это определяет актуальность выполненной работы* (Из отредактированных дневников студентов). Формулирование цели предполагает информацию о том, что должно быть достигнуто в процессе производственной практики: *Цель прохождения производственной практики на предприятии ОАО ЛЗ «Радуга» – иметь представление о структуре предприятия, производственных должностях; знать технологию приготовления смесей для акриловых красок* (Из отредактированных дневников студентов). Задачи конкретизируют цели, что выражается с помощью слов: изучить, определить, выявить, обобщить, апробировать и т. д. [17: 180].

Основная часть представлена двумя составляющими: описанием своих должностных обязанностей во время практики; анализом теоретических основ технологии, организа-

ции, планирования, управления строительством и др. Основная часть изобилует профессиональными терминами и терминологическими сочетаниями со значением: технологических приёмов (*обжиг, сжим, расплав, нагрев*); объектов деятельности (*силовая форма, мостовой кран, виброплощадки*), средств деятельности (*арматурная сталь, ячеистый бетон, стержневая горячекатанная арматура*) и др. Наблюдается частое использование конструкции с предлогом «для»: *прогоны предназначены для применения в строительстве общественных зданий...; дорожные плиты предназначены для устройства покрытий дорожных одежд автомобильных дорог ...* (Из отредактированных отчётов студентов). В текстах преобладают пассивные конструкции с предикатами, выраженными краткими причастиями (*посты оборудованы устройствами...; для вывоза продукции предусмотрены вывозные тележки; пролёты оснащены бетоноукладчиками*), пассивные конструкции с постфиксом -ся (*транспортные операции осуществляются мостовыми кранами*), а также неопределённо-личные конструкции (*данные плиты изготавливаются из бетона...*).

Заключение представляет собой обобщение основных этапов прохождения практики, выражение оценочного отношения автора к полученному практическому и теоретическому знанию.

Библиография и приложения в виде рисунков и чертежей оформляется согласно стандарту ГОСТ 7.32–2001.

Выводы

Итак, рассмотрение жанровых особенностей отчёта о производственной практике как инвариантной разновидности отчёта [18] позволяет сделать вывод о том, что данный жанр выполняет две функции: информативную и контролирующую, – возникает в условиях учебно-научной коммуникации, что даёт основание отнести его к учебно-научному подстилю, профессиональному субстилю, включающему профессиональный подязык, характеризующийся терминологической насыщенностью, частотностью употребления профессиональных терминов. Представленные жанровые характеристики отчёта о производственной практике могут послужить лингводидактическим целям, а также опорой для коммуникативного моделирования жанра отчёт.

²Под субжанром, вслед за Н. И. Колесниковой и В. А. Салимовским, мы понимаем «коммуникативный блок», но в качестве «минимальной единицы построения научных жанров. Субжанры также актуализируют некоторую систему комплексных коммуникативно-познавательных действий, соответствующих типовому авторскому замыслу (конкретному жанру)» [17: 170–171].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 696 с.
2. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
3. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: ФЛИНТА; Наука, 2003. 432 с.
4. Токарев Г. В. Документная лингвистика: учеб. пособие. Тула: Арт-принт, 2010. 125 с.
5. Большой толковый словарь существительных. М.: АСТ-Пресс Книга. Бабенко, 2009. 864 с.
6. Садовская М. В. Лингвопрагматическое описание экономических текстов: автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2010. 25 с.
7. Довбыш О. В. Английская финансовая терминология и проблемы ее перевода на русский язык (на материале годовых финансовых отчетов зарубежных компаний): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 186 с.
8. Евтушенко О. В. Отчётность: информационно-контролирующая составляющая административного дискурса // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. 2014. № 5(61). С. 211–215.
9. Быкова М. В. Отчёт о деятельности предприятия как тип экономического текста // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. №1–2. С. 257–262.
10. Оходова Е. В., Абсальмова Р. А. Лексические особенности немецких отчетов о деятельности предприятия (на основе отчёта предприятия Siemens) // Актуальные проблемы лингвистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов и молодых учёных. Тюмень: Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 2013. С. 128–130.
11. Баканов Р. П. Основы журналистской деятельности: новостная журналистика: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 116 с.
12. Никулшина Н. Л., Мордовина Т. В. Обучение иноязычной письменной речи в научном контексте: написание введения к отчёту об экспериментальном исследовании // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. 2009. № 2. С. 135–143.
13. Котова К. Ю., Снигирева О. Ю. Консолидированная отчетность: методы составления и аналитические возможности // Иннов: электронный научный журнал. 2017. № 4(33). С. 23–41.
14. Батурилин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов: часть IV // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. 2010. Вып. 11. С. 13–28.
15. Редкина О. Ю. Функциональный подход к типологии жанров дидактического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2017. 202 с.
16. Шмельова Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Деметьева. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
17. Колесникова Н. И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: дис. ... д-ра пед. наук. Орел, 2009. 450 с.
18. Абросимова А. В., Колесникова Н. И. Речевой жанр «отчёт» и его варианты (лингводидактический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. С. 225–228.

REFERENCES

1. M. N. Kozhina (ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka. 2-e izd., ster.* [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language. 2nd ed., corr. and supp.] Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 696 p. (in Russian)
2. Tertichny A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodical presse]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 312 p. (in Russian).
3. Matveeva T. V. *Uchebnyi slovar': russkii yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Learner's dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 432 p.
4. Tokarev G. V. *Dokumentnaya lingvistika* [Document linguistics]. Tula, Art-print Publ., 2010. 125 p. (in Russian).
5. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sushchestvitel'nykh* [The Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns]. Moscow, AST-Press Kniga Publ. Babenko, 2009. 864 p. (in Russian).
6. Sadovskaya M. V. *Lingvopragmaticheskoe opisanie ekonomicheskikh tekstov* [Linguistic-pragmatic description of economic texts]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2010. 25 p. (in Russian).
7. Dovbish O. V. *Angliiskaya finansovaya terminologiya i problemy ee perevoda na russkii yazyk (na materialе godovykh finansovykh otchetov zarubezhnykh kompanii)* [English financial terminology and problems of its translation into Russian (a case study of annual financial reports of the foreign companies)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 186 p. (in Russian).
8. Evtushenko O. A. Reporting: informative-controlling component of the administrative discourse. *Scientific notes of Orel State University*, 2014, no. 5(61), pp. 211–215 (in Russian).
9. Bykova M. V. Report on enterprise activity as a type of economic text. *Bulletin of the Saint Petersburg University. Ser. 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2007, no. 1-2, pp. 257–262 (in Russian).
10. Oxodova E. V., Absalyamova R. A. Leksicheskie osobennosti nemetskikh otchetov o deyatelnosti predpriyatiya (na osnove otcheta opredpriyatiya Siemens) [Lexical peculiarities of German reports on enterprise activity (case study of Siemens report) Actual problems of linguistics]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. aspirantov i molodykh uchenykh* [Proceedings of All-Russia research and practical conference of postgraduates and young scientists]. Tyumen, Tyumen. gos. neftegaz. un-t, 2013, pp. 128–130 (in Russian).
11. Bakanov R. P. *Osnovy zhurnalistkoi deyatelnosti: novostnaya zhurnalistika. 2-e izd., pererab. i dop.* [Foundations of journalism: news reporting. 2nd ed., revised. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2015. 116 p. (in Russian).
12. Nikulshina N. L., Mordovina T. V. Teaching Types of Foreign Language Scientific Discourse: writing the introduction to the report on experimental research. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2009, no. 2, pp. 135–143 (in Russian).
13. Kotova K. Yu., Snigireva O. Yu. Consolidated financial statements: methods of compiling and analytical capabilities. *INNOV.ru*, 2017, no. 4(33), pp. 23–41. (in Russian).
14. Baturin N. A., Melnikova N. N. Technology of test development: Part IV. *Bulletin of Yuzhnouralsk State University. Ser. Psychology*. 2010, iss. 11, pp.13–28 (in Russian).
15. Redkina O. Yu. *Funktional'nyi podkhod k tipologii zhanrov didakticheskogo diskursa* [Functional approach to

typology of genres of didactic communications]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2017. 202 p. (in Russian).

16. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : coll. of sci. arts]. Iss. 1. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997. pp. 88–98 (in Russian).

17. Kolesnikova N. I. *Lingvodidakticheskaya kontseptsiya formirovaniya zhanrovoi kompetentsii uchashchikhsya*

v sisteme nepreryvnogo yazykovogo obrazovaniya [Linguo-didactic concept of forming genre competence of Learners in the System of Continuing Linguistic Education]. Diss. Dr. Sci. (Pedag.). Orel, 2009. 450 p. (in Russian).

18. Abrosimova A. V., Kolesnikova N. I. Speech genre of "report": and its variants (linguodidactical aspect). *World of science, culture, education*, 2018, no. 2, pp. 225–228 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Абросимова А. В. Отчёт о производственной практике как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 267–272. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-267-272>

For citation

Abrosimova A. V. Practical Training Report as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 267–272 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-267-272>

Поступила в редакцию: 17.06.2018 / Принята: 01.07.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 17 June 2018 / Accepted: 01 July 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

УДК 811.161.1'276.1'373.4

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-273-280>

В. К. Харченко
Белгород, Россия

Vera K. Kharchenko
Belgorod, Russia

Литота в речевом жанре бытового разговора

The Litotes in the Speech Genre of a Life-talk

Статья посвящена функционированию литот в речевом жанре бытового разговора в русском языке. Обсуждается термин «литота», уточняются его значения, в качестве главных признаков литоты автор принимает, во-первых, заведомое преуменьшение признака, действия, силы, во-вторых, то, что именно в речевом жанре бытового разговора литота является оптимальным вариантом, противостоящим гиперболе. Предлагается классификация литот по манере их выражения. Литоты делятся на лексические, фразеологические, «двойного отрицания», метафорические и структурные. Последние, в свою очередь, делятся на суффиксальные (с суффиксом -OVAT-) и префиксальные, включающие в себя глаголы с префиксом ПРИ- и глаголы с префиксом ПОД-. Всё это широко иллюстрируется записями разговорной речи. Применительно к глагольным литотам проводится сопоставление их с литотами, зафиксированными в книжных стилях, причем максимум примеров приходится на глаголы с префиксом ПРИ-. Выделяются иллокутивные функции литот, значимые для речевого жанра бытового разговора: смягчение требований, обращение к окказионализмам и комическому эффекту, чем отчасти объясняется приверженность разговорного дискурса к глагольным литотам с префиксом ПОД-. Анализ литот также отчасти помогает прояснить динамику речевого жанра бытового разговора в составе разговорного дискурса.

Ключевые слова: литота, лексика, метафора, «двойное отрицание», глаголы с префиксами, смягчение требований, комический эффект, реплика, речевой жанр.

The article deals with the functioning of the litotes in the Russian life-talk. The author discusses the term "litotes", adduces different points of view on this term are, and offers the conclusion that, firstly, the main feature of the litotes is the obvious diminishment of some property, action or force, and secondly, in everyday conversation the litotes is the ideal device opposed to the hyperbole. The article presents the classification of the litotes based the manner of its expression. Litotes are divided into lexical, phraseological, those "with double negation", metaphorical and structural ones. The latter are subdivided into those with the suffix (with suffix -OVAT-) and those with the prefix, including verbs with prefix PRI- and verbs with prefix POD-. The material is illustrated by samples of colloquial speech. Verb litotes are compared with the litotes in literary styles, it is marked that verbs with prefix PRI- constitute the majority of the litotes. The author defines illocutionary functions of the litotes important for the everyday conversation: softening of demands, occasional words and comical effect. This viewpoint explains the frequent use of the verbal litotes with prefix POD- in colloquial discourse. The analysis of the litotes helps clear out the dynamic nature of the life-talk genre within the colloquial discourse.

Keywords: litotes, vocabulary, metaphor, "double negation", verbs with prefixes, softening of demands, comical effect, remark, speech genre.

Сведения об авторе: Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

About the author: Kharchenko Vera Konstantinovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Russian Literature.

Place of employment: Belgorod State National Research University.

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

Многолетнее наблюдение над живой разговорной речью, особенно интенсивное в периоды 2005–2006 и 2012–2015 гг., ещё раз подтвердило, что разговорная речь представляет собой живой, удивительный, постоянно меняющийся фрагмент культуры, в котором высвечиваются подчас самые неожиданные

аспекты. В книжной сфере речи они встречаются несколько реже, а здесь щедро играют всеми своими красками. Такой яркостью особенностью является, в частности, использование литот. В своей статье мы будем опираться в основном на отражённый в нашей «Антологии разговорной речи» материал (2012–2015).

Разумеется, будем снабжать его и более ранними (2004–2006 гг.), и более свежими наблюдениями и цитатами [1, 2], нацеленными на выделение особенностей речевого жанра бытового разговора.

Приведём известные определения. Литота – троп, имеющий значение преуменьшения или нарочитого смягчения. По-другому её называют обратной гиперболой. Литота (в переводе с греч. простота, малость, умеренность) – это образное выражение, состоящее в преуменьшении силы, величины, значения изображаемого явления. В учебных изданиях иногда даётся ещё более узкое определение: «Литота: отрицание признака, не свойственного объекту, отрицание отрицания: *Не без помощи*. Мейозис (разновидность литоты): преуменьшается существующее свойство: *терпимая, сносная погода. Как дела? Ничего*» [3: 73]. Мы приводим эти дефиниции, чтобы показать, что понятие «литота» в учебной литературе трактуется подчас весьма узко.

Есть ещё одно определение. Литотой (иначе: антенантиозис или антенантиоз) также называется троп смягчения, то есть стилистическая фигура нарочитого смягчения выражения путём замены слова или выражения, содержащего утверждение какого-то признака, выражением, отрицающим противоположный признак, то есть предмет или понятие определяется через отрицание противоположного. Например: «*умен*» – «*не глуп*», «*согласен*» – «*не возражаю*», «*холодный*» – «*не тёплый*», «*низкий*» – «*невысокий*», «*известный*» – «*небезызвестный*», «*опасный*» – «*небезопасный*», «*хорошо*» – «*неплохо*». В этом значении литота выступает как одна из форм эвфемизма.

Будучи альтернативой преувеличению, «литота» как преуменьшение требует более широкого спектра и более гибкого подхода к квалификации языковых и речевых фактов. Не случайно в обиходной речи можно услышать от лиц далёких от филологии про литоту: «Это гипербола!». Адекватного обозначения преуменьшения в спонтанной речи не зафиксировано. Отчасти это объясняется особенностями национального менталитета, склонного к полярности, резкости [4]. Русско-му языковому сознанию постоянно требуется преувеличение и интенсификация. Есть интересное наблюдение: «В наших обстоятельствах спасаются преувеличениями...» [5].

Оговорим сразу, что мы будем использовать термин «литота» во всех трёх смыслах (и как собственно литоту, и как мейозис, и как троп смягчения – антинантиозис), то есть использовать литоту всегда как альтернативу гиперболе. Можно считать, что мейозис и антинантиозис – разновидности литоты.

На основании исследования речевого жанра бытового разговора мы выделяем шесть способов передачи литотного значения: через специальные слова, через двойное отрицание, через метафоризацию размерного признака, через фразеологизмы. Пятый способ – суффиксальный. И, наконец, шестой способ, тоже структурный, наиболее мощный способ, это префиксальный способ, вбирающий в себя глаголы с префиксами ПРИ- и ПОД-.

О специальных словах обычно говорят как о контекстуальном сопровождении, эскорте литоты. На первом месте здесь стоит использование наречия «чуть-чуть».

[Водитель троллейбуса женщина лет 40 по сотовому телефону напарнице:] А в рабочие дни ну *будешь ездить чуть-чуть медленнее!* Ну, посигналят сзади... (07.10.2012). [В коридоре проректоры 45 л. и 55 л. о теленовостях:] Меня возмутил этот министерский тон: «по объективным причинам у нас нет основания для повышения цен! Я бы убила! – Я тоже! Только я *чуть поглубже бы высказался!*» (19.09.2013).

Чувствуется, что «чуть-чуть» характерно для разговорной речи, в книжных стилях чаще встречается спокойное, сдержанное наречие «немного». Более широкую группу здесь составляют слова разных частей речи, преимущественное значение которых – передача действия, выраженного словами *шевелиться, утюгом повозиться, ползать* в значении «действовать», «гладить», «ходить». Это особый пласт литот с использованием глаголов и образованных от них имён существительных, семантика которых не подходит под «правильное прочтение» за счёт чего и создаётся комический эффект наряду с эффектом иронии.

[Водитель, лет 40, водителю:] Завтра около девяти народ *будет шевелиться*. Кто на парад, кто куда! (08.05.2012). [Реализаторы лет по 45 рано утром:] Столько стирки, что вообще караул! Вчера стирала, позавчера постирала. И ещё лежит! – А я погладить не могу, лежит уже с... – А я не глажу! – Но постельное всё равно *утюгом повозить-то надо!* (08.12.2013). [Учительница 57 л. в гостях о возвращении экзамена в виде сочинения:] Пока *лёгонькое шевеление*, этот выпуск ещё не попадает! Они ещё учат по стандартам-шаблонам (05.01.2014). [О ремонте тротуара возле дома и необходимости аккуратно ходить] Скоро мы уже *не будем здесь ползать!* (06.10.2018).

Следующую выразительную группу в речевом жанре бытового разговора составляют литоты-эвфемизмы, значительная часть которых выстраивается по принципу двойного отрицания. Кстати, «официальная речь» в последнем примере из нижеследующих, как и в некоторых других, тоже включает в себя элемент бытового разговора.

[Продавщица покупательнице:] И ещё захватите! Семья *будет голодной!* (07.05.2012). [Бывший ректор 62 г. о том, как отдавал овчарку на стажировку:] *Неплохие* деньги берут! (24.06.2013). [Ученый совет института. Доцент лет 45:] Очень плохо, что с этого года магистранты не могут обучаться на базе специалитета. Это *не очень хорошо!* (20.11.2013).

Обратим внимание: вместо «Семья *не будет голодной!*» говорится: «Семья *будет неголодной!*»

Третью группу (нумерация наша условная!) составляют литоты-метафоры. Они распространяются преимущественно на «размерные» существительные: *капелька, каплюшка, граммулька, секундочка, копейка*, что вызывает некоторый эффект несоответствия, но сама мысль об уменьшении признака представляется важнее.

[Продающая творог лет 60:] Пробуйте! Вот этот плотней, вот этот *капельку* мягче. А этот суше! (03.03.2013). [Торгующая творогом лет 60:] Что ж Вы такую *каплюшку* взяли? Не распробовать так! (18.08.2013). [Заправка картриджа. Компьютерщик:] Они же не заправляют как положено. *Грамульку* впрыснут, и всё! (05.06.2013). [Водитель такси лет 60 своим коллегам:] Здравствуй, Игорёчек! Дай *копейку*. Есть *копейка?* (12.04.2012). [Женщина, лет 25, по сотовому:] Сейчас поморосил немножко, *секундочку*, и перестал... (18.07.2012). [Пенсионерка, в прошлом инженер, 57 л.:] Так-то оно так, родила и родила! Но она молодая, кого-то найдёт. А кто будет этого ребёнка растить? Кому нужен этот ребёнок *за три копейки?* (30.08.2012). [Нищая лет 45 с ребёнком:] Женщина, подайте *копеечку* ради Христа! (20.08.2013). [Декан о профессоре на аттестационной комиссии:] У неё много административных обязанностей, но какой-то *мизер* она вносит в развитие кафедры стоматологии (20.06.2013). [Работница кулинарии лет 38:] Лариса! Выйди *на пять секунд!* (07.05.2014). [Женщины лет 55 встретились в маршрутке:] Иди! Иди сюда! Хотя *граммочку* поболтаем. Тебе до «Областной», а мне через одну выходить. Вот Бог послал, встретились! (26.05.2014). [Работница кулинарии лет 35 напарнице:] Мигом! Мигом продали! *Меньше секунды* произошло (20.12.2014). [В раздевалке Клуба моржей женщина лет 58 о похудении:] Я, правда, говорит, не выдержал: *три солинки* в рис положил и *каплю масла* брызнул! (18.04.2015).

Сказанное относится, как видим, к существительным, однако имеет место и «размерные» прилагательные, как в следующих примерах.

[Тверь. Свободная дискуссия на защите докторской диссертации. Профессор:] Я здесь даже герменевтику увидела *в гомеопатических дозах* (смеётся) (12.11.2013). [Ректор при обсуждении бюджета:] *На молекулярном уровне* (надо) понять себестоимость одного студента... (23.12.2013). [Декан на планёрке о подготовке статей в журналы Scopus:] Дайте название статьи! Не обязательно, чтобы была *миллиметровая* точность... (15.04.2014).

Четвёртую группу образуют литоты-фразеологизмы. Примечательно использование фразеологизмов как приёма литоты, однако фразеологизация бывает весьма привычной, поэтому в бытовом разговоре говорящие «сочиняют» фразеологизмы.

[Попутчица лет 65:] Я в геологии работала 16 лет на Итурупе, 21 год на Сахалине. Дороги делают, а весной опять плохо! – Воруют? – Воруют! И морозов ведь не было. *Считанные часы* было минус 25, посчитать можно было! (27.10.2012). [Работница оптового склада в троллейбусе рассказывает о выпечке в буфете. Её знакомая, библиотекарь:] – Так надо ведь ещё что-то взять. – Да! *Хоть на один зуб!* (07.10.2013).

Второй класс литот в речевом жанре бытового разговора образуют структурные литоты. Здесь выделяются пятая группа – это прилагательные, наречия, слова категории состояния с суффиксом: -ОВАТ- (-ЕВИТ-, -ЕВАТ-).

[Соседка у подъезда лет 80:] Там он женился. И ещё дочка родилась. Она сейчас уже *большевитая!* (17.04.2012). [Муж жене, лет 45, на рынке:] Да какие-то они *большеватые*. – Да ты просто привык к тому размеру! (17.07.2012). [Мама лет 35 дочке лет 10 на улице:] Тебе те ботинки *большеватые?* (30.07.2012). [В маршрутке женщины, лет 40:] Ты морковку рано сажаешь? – Рано. В начале апреля, как тепло стало. *Сыровато* ещё было... (08.05.2012). [Доцент 55 л. о знакомом, американском писателе Рэе 80 лет:] Какие-то факты он просто фотографировал, какие-то комментировал... какие-то пересказывал. Он успел описать восемь из пятидесяти штатов. Но это *сложновато* читать: названия племён, речек, это всё ведь индейское! (08.08.2012). [Женщина в прошлом инженер 57 л. об интернете:] Не работает под этим! Это, наверное, *староватый!* Там ни камеры, ничего нет. Потом говорит: я тебе верну Linux (04.10.2012). [Тверь. Гости и хозяйин, инженер, шутиливо:] На сайт мало заходят, народ больше игры любит. – Народ у нас *гниловатый!* (12.11.2013). [Учительница 57 л. о сочинениях:] Вот я с 11-м классом работаю, я им даю, хотя они у меня *лениноватые*, стараются поменьше писать, но, тем не менее... (05.01.2014).

Литота в речевом жанре здесь связана с тем, что контекст вполне допускает уменьшенный формат ситуации: было *сыровато* *сложновато* читать, *староватый* (о компьютере).

Шестую, самую большую по нашим наблюдениям группу, образуют глагольные литоты [6]

Приставка ПРИ-, как и приставка ПОД-, в плане потенциального глаголообразования более свойственна разговорному жанру И в художественных текстах нами зафиксированы следующие глаголы с «потенциальным» и/или «оригинальным» префиксом ПРИ- преимущественно в речи персонажей

А. Волос: приискать. **Ф. Абрамов:** привернул (на луга). **Л. Карелин:** примедлить (шаг). **С. Н. Есин:** приболел, припутешествовала,

прикормил, пришептывая. **В. Пьецух:** приболевший. **Л. Петрушевская:** прикопать (овощи в подвалах). **В. Распутин:** приобнимает (мать). **А. Слаповский:** призабыть, прижалеть. **Вл. Волков:** пригасли. **Ю. Давыдов:** притопленной (в щеках пуговкой – о форме носа), прихмурился. **А. И. Солженицын:** присидеться: *А уж меня, Людочка, извините, я – за стол. Это пусть не будет официально. Просто я к месту присиделся* («Раковый корпус»).

[На защите диссертации:] Председатель совета: Завтра можно провести защиту на 10-м этаже, в конференц-зале! Профессор: Да мы уж здесь *присиделись...* (2004). [О маленькой дочери] Только она *приуснёт* у меня на плече... (2004). [Преподаватель о секретаре:] Люда меня *приозорила...* [Студентка студентке на лестнице:] Я *прибалдела*, короче! (весна 2004). [Преподаватель 55 лет о своей докторской:] Но материал по психологии я все же *присобрала* (осень 2004). [Аспирантка о работе, сомнениях:] Если *прикопнуться* – нормально! (осень 2004). [Аспирантка о куртке:] Это ж песец! Она теплая такая! Они мне решили *придарить...* (12 дек. 2004). [О сборе детских высказываний:] Я *притишу* еще! [допишу, когда вспомню] (декабрь 2004). [Преподаватель о сыне, собирающемся в Аргентину:] Мы с мужем чуть *приуспокоились*, что не один он там будет! (январь 2005) [Доцент о поэте-любителе:] Он своими стихами уже всех *притомил* (17 февр. 2005). [О подготовке банкета:] Она мужа своего *припрягла*. Муж ездил со мной на оптовку, на рынок, а сестра – здесь (4 мая 2005). [О вспышке интереса к творчеству В. В. Розанова:] Это был гений. И когда все началось... интерес к этому... началось возрождаться, а сейчас опять тишь! Ни публикации, все тихо, гладко, *припаражено...* (15 сент. 2005). [Проводница:] Мы *призадержались*. В Ржаве стояли 30 минут, туалет закрыли, а в Сареве разрешали, а так штраф 500 рублей, если вода из вагона! (17 сент. 2005).

В ряде примеров можно разглядеть в структуре речевого жанра следы возможной контаминации: *приуснула* (прилегла + уснула), *придарить* (присмотреть + дарить).

[Профессор о своих студенческих годах и преподавательнице:] Мне говорили: она тебя *прилюбливает...* (30.01.2012). [В гостях, собираются уходить:] Пойдём, Наташ! А то *приснём!* (07.05.2012). [Профессор, г. Курск, о свекрови:] Она *приустала* немножко! (23.05.2012). [Пенсионерки, лет 70, торгуют у подземного перехода, одна другой:] Я думаю, она *приболела* чего-нибудь... (25.07.2012). [Женщина, в прошлом инженер, 57 лет:] Меня про малышка (ударное окончание!) немного *припугало!* (16.08.2012).

«Поставщиками», выразителями литот в речевом жанре бытового разговора становятся, как показало наше исследование, в первую очередь глаголы с префиксами не только ПРИ-, но и ПОД-.

Значение приставки ПОД-: «совершить действие с незначительной интенсивностью». Художественный дискурс: **С. Есин:** подворошить,

поддежуриваю, поддиктовываю, поддула, поджениться, подчитываю. Заметим, что абсолютное большинство примеров у Сергея Есина почерпнуты нами из дневников поэта. Отсутствие «авторского разнообразия» уже показатель. В художественных текстах потенциальные глаголы с ПОД- скорее редкость, нежели «типаж» в списках приставочных «инноваций». Речевые же жанры бытового разговора отдают явное предпочтение приставке ПОД-

[Зав. редакцией, г. Москва, по телефону:] Мы можем цитаты *подкурсивить* (06.2005). [О заранее известных соискателю вопросах на защите. Преподаватель по телефону предположительно:] Это элементарно: *подпросить* членов совета (10.2005). [Попутчик, 52 г., о матери:] У нее за калиткой участок такой. Она там *подпушит...* (12.10.2005). [На совещании:] Мы *подуспокоились*, мы подумали, что уже всё! (12.2004). [Парикмахерша клиентке:] *Подтущите* у виска – и хорошо будет! (25.03.2006). [На заседании редакционно-издательского отдела о реферативном журнале:] *Подсобрать* все эти выпуски и отправить! (28.04.2006).

Обратим внимание: неполноты действия в нижеследующих примерах будто бы и нет, скорее имеет место ласковость, деликатность в разговорном «прочтении» действия.

[На зачете в филиале ОРАГС бухгалтер признается:] Вчера, например, пришлось на работу выходить, *поддывать...* (12.2004). [О подготовке квартиры ко дню рождения трехлетнего ребенка:] Ночью шары *подразвесили...* (04.03.2006). [Пенсионерка, в прошлом инженер-гидролог:] Летом у меня мусора нет! Я все очистки, все, что *подгнило*, я на огород! (30.03.2006). [Аспирантка 25 л.:] Я *подраспечатала...* (03.02.2012). [Ректор:] В завершение, что мне хотелось сказать, я вас *подутолил* немножко... (14.05.2012). [Пенсионер, в прошлом механик на флоте, г. Курск:] Немного *подразгрузили*, сделали одностороннее движение, так машин-то прибавилось! (22.05.2012). [Реализатор, лет 40, жалуетея коллеге:] Я убежала, *подзабрала* всё, а ей другой цвет [подавай!] (30.05.2012). [Врач 71 г., г. Харьков, об умершем брате:] И ещё пил те таблетки, что, когда укол ему делали (давали). Я приехала, говорю: ну как дела? Он говорит: ты знаешь, ну иногда *поддавливает* (сердце) (27.08.2012). [Студентка-заочница лет 23:] Вы не подскажите, где тут библиотека. Я тут *подзаблудилась* чуть-чуть (24.12.2012). [Покупательница и продавщица лет 45 о блузе:] Не мала? Посмотрите! – Нет, это такой материал. Она ещё *подразносится!* (04.01.2013). [Профессор и методист лет 35:] Здравствуй, Вероника! – Здравствуйте! Я Вас не *подузнала!* (14.01.2013). [Женщина 58 л., музыкальный работник, об артрите и магнитном пластуре:] Таблетки я тоже *подпиваю!* (12.04.2013). [По телефону профессор 57 лет:] Я тут *подразболелась* чуть-чуть! (09.05.2013). [Мать и сын:] Я терпела! – Но в июле ты шипела, *подшипывала...* (24.08.2013). [Студентка преподавателю:] Я шла на Вашу лекцию, немного на подругу *подобиделась*, а сейчас уже отпустило! (23.10.2013). [О настраивании детей:] Им это

даже нравится: что-то *подпридумать*, чтобы матери понравиться! (26.01.2014). [Декан на планёрке:] Официально мы прошли, что утверждено, однако надо *подразобраться* с этим (18.02.2014). [Хозяин на рынке лет 45:] Надо *Подзапрячься!* Лёш, ты *подспрашивай*, запусти удочку, что сарафанное радио говорит... (2.03.2014). [Аспирантка 27 л. о компьютере:] Что он, *подтупливал?* (15.10.2014). [Женщина-морж лет 55 в Клубе закаливания:] Мне огурцы *поднадоели!* (11.04.2015).

Дети усваивают литотное значение речевого жанра и уверенно употребляют его в своей речи, например: *А потом, когда у меня подзакончились силы, я сказала папе: «Дай воды!», и силы прибавились* (5 л.10 м.).

Наблюдая над материалом, мы одновременно наблюдали и за собой, и потому самый последний способ передачи литотного значения (структурный с префиксом ПОД-) у нас, так получалось, явно преобладал, что свидетельствовало о развитии самого жанра. В русском языке начало семантически сильнее остальной части слова, и литотное значение часто передавалось на приставочном уровне.

Взглянем теперь на весь собранный материал с несколько иных позиций. Рассмотрим, как формируется особый жанр бытового разговора в границах заявленного разговорного дискурса.

Выделим сначала отдельные характеристики реплик, отражённые системно и последовательно и в предыдущих, и в нижеследующих примерах.

Первой такой характеристикой является диалогизм реплики. Практически все реплики – это или ответ собеседнику, или пояснение своего поведения.

[Тверь. О строительстве дома напротив:] Все окошки на север. Это плохо. Это будет *вечная прохлада!* Солнце не попадает (12.11.2013). [Женщина лет 35 в троллейбусе по телефону:] Ну а так, в общем, ничего. Я посмотрю по обстоятельствам. И Наташка боится, ей *жутковато* одной... (18.11.2013). [Водитель водителю в маршрутном такси:] За краску отдал! Да его легче сварить! Швеллер же приварённый! Говорит: «Давай, *подломись*, порешаем?» За что? Что я тебе? Ну, нет этих денег... (18.12.2013). [Учительница 57 л. в гостях:] Фильм художественный. Вообще это два часа в космосе! И конечно, очень обаятельного актёра подобрали, очень похож на Гагарина, и характер человека, который умеет в трудную минуту вспоминать из жизни хорошие эпизоды! Как он в космосе вспоминал. Там же *очень непростой* был полёт! (05.01.2014). [Молодой человек девушке у бордюра катка:] Знаешь, почему я стою здесь? Я чувствую себя высоким на *твоем детском уровне!* (05.01.2014). [Воронеж. Профессор о зяте:] А тот говорит: что толку, что профессор, если зарплата *три копейки!* (26.01.2015). [Водитель троллейбуса лет 25 по сотовому:] А у тебя шо, нормально всё? *Слабовато, да?* (05.02.2015). [Доцент о сыне:] Даша ничего, а у Дани температура и такой противный кашель. Как

по мне, так уж должно было пройти, пять дней – это *долговато!* (17.02.2015).

Диалогизм свойственен каждой реплике, однако в представленном в статье материале он несколько особенный. Отмечается идея «середины» действия или признака. Реплика создана затем, чтобы специально обговорить размер. Почему *жутковато*? Почему надо *подломиться*? Почему *очень непростой был полёт*? И т. д.

Во-вторых, заметно, что ведущее значение в речевом жанре бытового разговора принадлежит отнюдь не уменьшению признака или действия, хотя это тоже присутствует, а некоторому смягчению совета или требования: *надо подзапрячься, ты подспрашивай, а вас не поддузнала, подтупил, подделывать* и мн.др. Добавим здесь ещё один блок примеров.

[На совете университета кто-то из членов совета:] З-й? Он просил *подускориться* в этом вопросе! (30.05.2014). [В маршрутке женщина лет 40 знакомой (о муже?):] Говорит: приезжай! У тебя проблем не будет. Правда, говорит, здесь *жарковато...* (07.10.2014). [Попутчик лет 50 по сотовому:] Ничего, мам, едем *по-тихому*. Будь на связи! (11.10.2014). [Декан 46 л. на планёрке:] Кураторы наши *не очень часто* ходят в общежитие (21.10.2014). [Тверь. Соискатели перед началом защит накрывают столы:] Просто после каждой *чуть-чуть* покушать, чтобы народ не оголодал. – А потом навалятся! (13.10.2014). [Застолье. Гостя 65 л. и хозяин:] Воды! – Сока! Сейчас я, девочки, *малолетним* сочку! Ну, давайте! С новорожденным, ура! (присутствующим за столом было тридцать и более лет) (13.10.2014).

Корректировка поведения, как видим, выглядит приглушённо, дипломатически: не *редко* ходят, а *не очень часто* ходят; не *ускориться*, а *подускориться*; не *жарко*, а *жарковато*. Речь-то идёт о бытовом жанре и о людях примерно равных социально, поэтому заблаговременно обеспечивается «снятие травмы» [7].

В-третьих, интересно посмотреть на собранный материал с позиций более привычного и менее привычного, узуальных образований и образований окказиональных. С одной стороны, это вполне ожидаемые слова: *сложновато, будет шевелиться, прикупить, присобрала*, а с другой – слова, тяготеющие к окказионализмам: *будет неголодной, подтупливал, подспрашивай, подразносится, подраспечатай, лениноватые, гниловатый* и мн.др. Как видим, разговорная речь смело покушается на привычные формы, делая их непривычными и потому более выразительными, почему столь преобладают глаголы с префиксом ПОД- в литотном значении.

[Инженер о дочери:] Она *подотстала...* (10.11.2013). [На лавочке в сквере вечером молодой человек лет 18 весело девушке и другу:] Ты понимаешь, в чём фигня? Там нас *чутка* (чуть-чуть) скинули

с бортика (21.07.2014). [Проверяющая лет 37 проверяемым о своей позиции:] Тогда вы предъявите твёрдые требования, чтобы *каждый миллиметр* был прописан! (24.10.2014). [Проверяющая кафедру заведующей:] Но у вас есть, просто надо *подсобирать!* (24.10.2014). [Профессор 52 л.:] У меня аспирант *странноватый!* Он из Ханты-Мансийского филиала Уфимского вуза. Там за него даже заплатили, чтобы избавиться! (08.12.2014). [Разговор о Нино Бурдзанадзе:] А Нино? – Да она отошла на второй план, её-таки *подзадвинули!* (10.12.2014). [Начальница управления иронично о Мерседесе:] Машина *немного отличается* от вчерашней! (11.12.2014).

Если глаголы с префиксом ПОД- легко ассоциируются с окказионализмами, то к некоторым словам и оборотам приходится применять термин «семантический окказионализм»: *каждый миллиметр* прописан, машина *немного отличается* от вчерашней.

Наконец, в-четвёртых, слова *подраспечатай, будет неголодной, повозить утюгом, подспрашивай* и т. п. утоляют извечную нашу тоску по комическому эффекту. Приведём ещё ряд примеров на комический эффект.

[Мужчина лет 79 бежит на речку:] Дело к лету! *Холодает по чуть-чуть!* [смеётся]. (25.09.2012). [Разговор о путешествиях с женщиной лет 65:] Но нам с Белгорода сколько до той границы ехать? – Ну, *чуть-чуть далековато!* (27.10.2012). [Профессор о курсах по медиаобразованию, об интерактивной доске:] Он рассказывал. Потом нам *подрезали* подойти-потыкать. Нас учили, как нарезать видеофильмы (07.05.2013). [Старый Оскол, водитель:] «Красная Поляна»? Неплохо там. Ну, здание, может быть, *подустарело*. А кормят как всегда. На убой! (23.05.2013). [На пляже мужчина лет 65 знакомому:] Сашок! Саша! У меня уже на турнике получается. *Тяжеловатей* там. Давление передавливают. Но дышки нет. А ты уже со штангой! А когда ты уже почувствовал, ты уже не вернёшься уже, когда получается... (11.06.2013). [Грузчик грузчику, обоим лет 45:] А чего твоего напарника нет? – Выходной! Законный! *Малолетка...* (01.09.2013). [У вокзала женщина лет 40 по телефону:] Саш, *шевелись*, говорю, давай! (13.09.2013). [Профессор женщина 72 г.:] Мой характер: я бы пошла и *подшевелила!* Начинать (пленарное заседание) надо вовремя! (31.10.2013). [Муж с женой, оба лет 25, едут на дачу в электричке. Муж говорил по сотовому телефону и поясняет жене:] Где они? – На насосной станции ящики делают. – Ящики делают? Из чего, из сосны? – Из сосны, из фанеры. Меньше проблем было привезти их. – Наверно, хотя *поковыряться!* Ну ладно тогда! До следующих выходных! (10.11.2013). [Инженер 64 г. рассказывает гостье об истории дома на ул. Желябова:] Но на несколько лет разрешили оставить. Она успела *подрастить* детей. И я нашла документ рукописный за подписью Калинина: разрешить оставить этот дом вдове красноармейца Л. А. Герцевой с пятью детьми (10.11.2013). [Застолье. Женщина коллеге о пиве в банке:] *Полтора глотка* сделай! (21.11.2014). [Учительница 59 л. о конкурсе «Учитель года» и директрисе:] Если она не подала заявку, то я пойду *немного посканда-*

лю... (23.11.2014). [Мать сыну:] Какая вкусная гречка! Наталья Дмитриевна готовила? [Сын 34 л.:] А я *подготовливал!* (доваривал) (04.12.2014).

Мы получаем, таким образом, вполне конкретный материал, позволяющий фиксировать речевой жанр бытового разговора с коррекцией поведения. Поведения своего или чужого – зависит от ситуации, это непринципиально, но коррекция практически всегда присутствует или подразумевается.

Казалось бы, диалогизм, смягчение требования, окказионализмы и комизм нового слова – вещи отнюдь не однопорядковые, но здесь одно помогает другому: тяготение к смешному наталкивается на нарушение привычного приставочного образования, а смягчение требований дипломатически снимается, снижается комизмом нового слова. Подтвердим это подсчётами:

Всего фактов литоты – 109
Диалогизм – 106
Смягчение требования – 76
Окказионализм – 70
Комизм – 87

Речевой жанр бытового разговора с коррекцией поведения, минимальной по форме, но важной и существенной по содержанию, охватывает 70–80% от общего числа зафиксированных реплик. Этот жанр украшен комическим эффектом, обусловленным нередко ещё и окказиональным словоупотреблением.

Факты другого плана: *Я немного устал. Чуть похолодало. Дела более-менее ничего* и подобные тоже выражают литотное значение и тоже относятся к речевому жанру бытового разговора, однако они более стандартны.

Теперь поставим вопрос о динамике речевого жанра. Для этого нужны тексты, самостоятельно нами собранные. Мы располагаем большим количеством монологов (2012–2015 гг.), среди авторов которых люди различных профессий [8]. Представим авторов списком, выделяя только тех, кому от 50 лет и старше.

Инженер 64 г., доцент 56 л., доцент-германист 55 л., академик-москвич лет 60, психолог 64 г., профессор-философ 52 г., профессор 65 л., доцент 51 г., учительница-словесник 55 л., в прошлом учительница-словесник 80 л., бывший ректор 61 г., водитель служебной машины 50 л., директор филиала из Старого Оскола лет 60, менеджер из Казани 59 л., профессор из Пскова 78 л., пенсионерка из Южно-Сахалинска лет 73, профессор-филолог 51 г., учительница их Харькова 51 г., филолог 53 л., врач 71 г., завуч школы 51 г.

И вот что интересно: на вопрос о том, как этот жанр бытового разговора с возможной коррекцией поведения формируется, мы даём... по существу отрицательный ответ. Да,

жанр формируется, но постепенно, в репликах людей, которым ещё не так много лет, а в развёрнутых монологах (подчеркнём это!) тех, кому 50 лет и выше, таких фактов почти не зафиксировано. Представим один из исследованных монологов.

[Профессор-филолог 51 г.:] Я что, ИУДА или ГИТЛЕР – закопать? С этим зверинцем... Но без них было бы очень скучно. Они дают столько положительных эмоций! Я их так и зову: «СОБАЧКИ ГОВОРЯЩИЕ!». Я слышу: она жалуется: «Бабушка обижала! Кошка обижала! Есть не давали!» Особенно я видела, как две ласточки третью клевали, выталкивают! Как люди вообще! Варвара троих родила! Цвета ТОПЛЁНОГО МОЛОКА! У нас котёнок был Вареник, а потом оказалось девочкой Варешкой. А та кошка была Оглашенная! А потом стала Глашей! Ну, тот флегма, как все большие, пушистые. <...> И начинается: «Провокатор! ИСТЕРОИД! Не лай!» А на людей лает так визгливо, по-щенячь, БАБЬИМ голосом. И настолько богатая интонация! Когда я ПРИХОЖУ В НЕРВЕ... Зоопсихология. И ещё я увидела, как мыши молятся на котов. Я читала об этом. Кошка ловит мышь. Мышь уже не может, и вот кошка её поднимает. Мышь садится и складывает лапки, трёт и начинает пищать. Выглядит очень картинно. Сидит в классической, простите, католической позе и пищит каким-то человеческим голосом. – *А деревья?* – Процент тридцать не приживается. Почва неподходящая. Я с ними договорилась так: ГОСПОДА! КОМУ НАДО – ТОТ ВЫРАСТЕТ! КОМУ НЕ НАДО... Но всё равно (жалко), когда погибает. Вишня. Четыре года. Столько удобрений! А участок на склоне. Ветры бешеные. И такое чувство, что ветер вытягивает всю воду! Чистое поле! Деревья не растут в ЧИСТОМ ПОЛЕ! Посадила любимое белгородцами дерево – каштан. А соседка: А зачем ты его посадила? От него столько мусора! – *А птицы?* – Удоды! Щеглов видела в этом году. Ну, ласточки. Ласточки облепили все стены! Ещё с возрастом она (кошка) стала лохматая! Мама называет: ВАЛЕНОК НА НОЖКАХ! МЕХОВОЙ КЛУБОК! Взгляд у неё такой, КАК У СОВЫ. Пронзительный. Все говорят: «Ой!», реакция: «Ой!». Николай Фёдорович надо мной смеётся, когда я начинаю ЗАЛИВАТЬ про котов. Говорит: «Самое занятие для докторов наук!» Я им на жизнь жалею, они – мне! ЧИСТАЯ КЛИНИКА! (23.05.2013) [8: 154–155].

Речевая выразительность этого монолога видна невооружённым глазом, однако примеров бытового разговора с возможной коррекцией поведения здесь нет, как нет их и в других подобных монологах, см. [8]. Получается, что этот жанр формируется... не столь отдалённо, буквально на наших глазах, формируется из реплик, более свойственных молодым людям и постепенно проникающих в общую стихию разговорного стиля речи. Вот почему столь распространены в современном общении такие переносные значения слов, как *неслабый* (о зарплате: хороший), *шевелись* (больше работай), *надо подсуетиться* (надо начать действовать).

Выводы:

1. В речевом жанре бытового разговора литота представлена различными способами. Можно выделить лексический и фразеологический способы, способ «двойного отрицания», метафорический способ а в плане структурного своеобразия выделяются структурно-суффиксальный способ и структурно-префиксальный. Способы выражения литоты не разграничены китайской стеной: частично они могут объединяться, наслаиваться. Лексический способ добавляет литотного значения к метафорическому или к структурно-суффиксальному способам.

2. Больше всего примеров приходится на структурные способы, то есть на выражение литотного значения посредством специфических приставок и суффиксов. Сопоставление способов передачи значения литоты с книжными стилями речи показывает, что литотное значение в разговорном жанре тяготеет к структурно-префиксальному способу. В книжных стилях явно преобладают примеры на префикс ПРИ- в литотном значении.

3. В рамках разговорного жанра бытового разговора достаточно часто наблюдается формирование особого смысла. Значение уменьшения признака отходит на второй план или исчезает вовсе, а использование литоты связывается с желанием уменьшить требование, сделать его более желательным, смягчить свой совет.

4. Речевой жанр бытового разговора постепенно вырабатывает свои собственные формальные показатели, и не последнее место занимают окказиональные слова и обороты речи.

5. Речевой жанр бытового разговора ярко свидетельствует и о стремлении к комическому изображению ситуации, что снижает остроту требования, делая его более человеческим.

6. Постепенно бытовой разговор с возможной коррекцией поведения вырабатывает в системе разговорного дискурса свои характерные черты: диалогизм, смягчение требования, окказионалистские формы и комический эффект, что придаёт этому жанру своеобразия, делая его востребованным в живой разговорной речи, что можно пронаблюдать и по отрицательному материалу – высказываниям с отсутствием заявленного уточнения.

7. На примере литоты как яркого приёма, таким образом, можно пронаблюдать, как в границах речевого жанра зарождается, формируется, упрочивается как особый – речевой жанр бытового разговора с возможной коррекцией поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харченко В. К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп., М.: ЛКИ, 2010. 184 с.
2. Харченко В. К. Антология разговорной речи: Некоторые аспекты теории: в 5 т. Т. 2. М.: ЛЕНАНД, 2016. 232 с.
3. Ганеев Б. Т. Язык: учебное пособие. 2-е изд. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 272 с.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
5. Ласкин А. Высокий и Толстой: Повесть // Нева. 2012. № 8. С. 76–121.
6. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
7. Гусейнов Г. Язык и травма освобождения // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (94). С. 130–147.
8. Харченко В. К. Антология разговорной речи: Некоторые аспекты теории: в 5 т. Т. 5. М.: ЛЕНАНД, 2016. 184 с.

REFERENCES

1. Kharchenko V. K. *Sovremennaya povsednevnyaya rech. 2-e izd., pererab. i dop.* [Modern Spoken Language.

2nd ed., rev. and add.]. Moscow, LKI Publ., 2010. 184 p. (in Russian).

2. Kharchenko V. K. *Antologia razgovornoj rechi. Nekotoruye aspektu teorii: v 5 t. T. 2.* [Anthology of Modern Speech. Some Aspects of the Theory: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 232 p. (in Russian).

3. Ganeev B. T. *Yazyk. 2-e izd.* [Language. 2nd ed.]. Ufa, Isd-vo BGPU, 2001. 272 p. (in Russian).

4. Lotman Yu. M. *Kultura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Gnozis, Progress Publ., 1992, 272 p. (in Russian).

5. Laskin A. *Vusokiy i Tolstoy: Story. Neva*, 2012, no. 8, pp. 76–121 (in Russian).

6. Krongauz M. A. *Pristavki i glagolu v rysskom yasuke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and Verbs in Russian: Semantic Grammar]. Moscow, Schola “Yasyki russkoy kultury”, 1998. 288 p. (in Russian).

7. Guseynov G. *Language and Trauma Release. New Literary Review*, 2008, no. 6(94), pp. 130–147 (in Russian).

8. Kharchenko V. K. *Antologia razgovornoj rechi. Nekotoruye aspektu teorii: v 5 t. T. 5* [Anthology of Modern Speech: Some Aspects of the Theory: in 5 vols. Vol. 5]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 184 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Харченко В. К. Литота в речевом жанре бытового разговора // *Жанры речи*. 2019. № 4 (24). С. 273–280. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-273-280>

For citation

Kharchenko V. K. The Litotes in the Speech Genre of a Life-talk. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 273–280 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-273-280>

Поступила в редакцию: 11.10.2018 / Принята: 15.12.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 11 October 2018 / Accepted: 15 December 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 811.111'38'42

ББК 81.2Англ-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-281-287>

С. Н. Плотникова
Д. Ю. Заболотняя
Иркутск, Россия

Svetlana N. Plotnikova
Daria Yu. Zabolotnyaya
Irkutsk, Russia

Дискурсивное конструирование
возможных миров в жанре экологической
рекламы

The Discourse Construction of Possible Worlds
in the Genre of Ecological Advertisements

В статье основные положения теории дискурсивного конструирования мира применяются к анализу дискурсивного конструирования возможных миров в жанре экологической рекламы. Дается определение дискурсивного конструирования мира и объясняется его отличие от альтернативного понятия когнитивного конструирования мира. Установлено, что дискурсивное конструирование возможного мира определяется когнитивной процедурой трансфера знаний и находит выражение в полимодальных способах семиотической репрезентации. Сделан вывод, что в жанре экологической рекламы осуществляется референтное и аксиологическое дискурсивное конструирование возможных миров. Референтально объекты возможного мира соотносятся, эксплицитно либо имплицитно, с объектами реального мира на основе трансфера знаний. Аксиологическое конструирование осуществляется посредством объективации в полимодальном дискурсе ценностных концептов, формирующих мнение адресата по проблемам экологии.

Ключевые слова: дискурсивное конструирование, когнитивное конструирование, социальный мир, возможный мир, когниция, трансфер знаний, жанр экологической рекламы.

The article lays down the foundations of the theory of the discourse formation of the world which are then applied to the analysis of the discourse formation of possible worlds in ecological advertisements. The authors offer the definition of the discourse formation of the world and explain its difference from the alternative notion of the cognitive formation of the world. The discussion centers on several key aspects, including cognition, knowledge transfer and multimodal semi-otic representations, as they function as part of the discourse world formation process. It is proved that in ecological advertisements possible worlds are formed both referentially and axiologically. Objects of possible worlds referentially refer explicitly or implicitly by the procedure of knowledge transfer to objects of the real world, and they axiologically expose social values embedded in multimodal discourse and employed to influence the addressee's view of ecological issues.

Keywords: discourse construction, cognitive construal, social world, possible world, cognition, knowledge transfer, genre of ecological advertisements.

Сведения об авторах: Плотникова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии.

Место работы: Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: snplotn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3595-6857>

Заболотняя Дарья Юрьевна, аспирант кафедры английской филологии.

Место работы: Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: Daria-Zabolotnyaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4352-5216>

About the authors: Plotnikova Svetlana Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology.

Place of employment: Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University.

E-mail: snplotn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3595-6857>

Zabolotnyaya Daria Yuryevna, Post-graduate Student.

Place of employment: Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University.

E-mail: Daria-Zabolotnyaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4352-5216>

На современном этапе развития когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике среди предлагаемых новых понятий и терминов все более утверждается и разрабатывается понятие дискурсивного конструирования мира. Главным образом оно развивается в отечественной и британской школах дискурсивного анализа [1–4].

Цель данной статьи – углубить общетеоретическое представление о дискурсивном конструировании мира и сопоставить особенности дискурсивного конструирования реального социального мира и возможного вымышленного мира на материале англоязычного дискурса экологической рекламы.

Д. Эдвардс, один из представителей британской школы дискурсивного анализа, обосновывает сущность дискурсивного конструирования мира, отграничивая его от лингвистического конструирования мира, под которым он понимает подход к языку Э. Сепира и Б. Уорфа, а именно их идею о том, что категории языка создают мир для его носителей, поскольку определяют восприятие ими мира. Д. Эдвардс анализирует пример Б. Уорфа о ситуации в мире, когда человек курит рядом с пустыми бочками из-под бензина, наполненными взрывоопасными газами, чем вызывает пожар. Это поведение сконструировано языком – значением слова «пустой»; в таких ситуациях людям необходимо преодолевать конструирующее влияние языка на их восприятие мира. В противоположность этому, событие в мире «пропажа жены Папы Римского» сконструировано не языком, как таковым, а дискурсом; здесь идет речь не о лингвистическом, а о дискурсивном конструировании, создании факта с помощью дискурса [5].

Мы рассматриваем репрезентацию подобных событий как дискурсивное конструирование возможных миров, т. е. возможных жизнеустройств, совокупностей опыта, альтернативных реально наблюдаемой действительности [6, 7]. Автор теории множественности миров Д. Льюис постулирует, что реальный мир не требует какого-то сложного философского определения – реальный мир просто «этот», «наш» мир (*this, our world*), по отношению к которому все остальные миры осмысливаются как «другие», «возможные» (*other, possible worlds*) [8]. С этой точки зрения, очевидно, что событие «пропажа жены Папы Римского» относится не к реальному, т. е. «нашему» миру, а к возможному миру, в котором такое жизнеустройство, что главе католической церкви разрешено вступать в брак. Однако сам Д. Эдвардс трактует свой пример иначе – как шутку, вскрывающую истину о конструировании мира прессой, способной сделать для нас любое событие подлинным.

Понимание дискурсивного конструирования у представителей британской школы опирается на идею Дж. Остина о перформативности – интенциональном, осознанном создании положений вещей в социальном мире с помощью слов, как это происходит, к примеру, в случае объявления войны, составления завещания и т. п. [9]. Разрабатываемая в этом ракурсе теория дискурсивного конструирования мира предполагает, что каждый раз в дискурсе создается субъективная картина социального мира, объективная репрезентация в принципе невозможна, даже в фактуальном описании.

Примером анализа в рамках данного подхода служит статья К. Макмиллан и Д. Эдвардса об освещении британской прессой смерти принцессы Дианы [3]. Авторы доказывают, что в прессе была дискурсивно сконструирована вина папарацци, преследовавших машину Дианы: папарацци были представлены, во-первых, как не имеющие отношения к СМИ и, во-вторых, как нецивилизованные люди (*freelance, cameramen, yobs, cowboys – внештатные работники, люди с кинокамерами, хулиганы, ковбои*). Обвинение прессы в смерти принцессы Дианы, выдвинутое ее братом графом Спенсером, было переформулировано и тем самым было сконструировано новое содержание его жалобы: ее причина (*Spencer's grief – горе Спенсера*) и ее несостоятельность, объясняемая сконструированными личностными качествами брата принцессы (*irrational, impulsive – не способный мыслить здраво, импульсивный*).

Утверждая о невозможности объективной дискурсивной репрезентации действительности, К. Макмиллан и Д. Эдвардс в то же время вскрывают необъективное, искаженное изображение описываемого события, фактически следуя подходу критической лингвистики, в которой не принимается их взгляд на невозможность противостояния тотальному конструированию действительности в СМИ. С точки зрения критической лингвистики, искажение, предвзятость, необъективность медиасообщений зависит, в первую очередь, от пишущего. Как отмечает видный представитель критической лингвистики Р. Водак, журналист знает, как написать объективный репортаж, отделить его от выражения своего мнения и от того, о чем «позволено» говорить редакцией. В объективном сообщении журналист должен соблюдать нейтральность, дистанцироваться от освещаемого события, воздерживаться от собственных оценок [10: 75].

Если следовать британскому подходу, объективная репрезентация действительности, по сути, невозможна, и не только в прессе, но и в дискурсе в целом, в частности, в обычной беседе [11]. В качестве основ-

ной причины этого называется сам принцип «сборки» фактуальных описаний, благодаря которому они становятся фактуальными (*how factual descriptions are assembled and made factual*); этот принцип изначально предполагает «подрыв» фактуальности из-за соединения фактов с концептуальными позициями, мотивами и интересами авторов дискурса (*various kinds of stake, motive or interest are marshalled in ways that undermine factuality*) [3: 153].

Мы придерживаемся иного подхода к пониманию дискурсивного конструирования мира, согласно которому этот феномен тоже мыслится как неустрашимый: любая дискурсивная репрезентация действительности является дискурсивным конструированием этой действительности. Однако при этом мы выделяем различные типы дискурсивного конструирования в зависимости от формата продуцирующей дискурс когниции в процессах концептуализации и категоризации мира [12].

В формате восприятия, т. е. перцептивной когниции, дискурсивное конструирование мира основывается на его когнитивном конструировании, в понимании этого понятия Р. Лэнкером и его последователями [см., в частности: 13]. Данная теория знаменует собой отказ от идеи отражения мира в языке как в зеркале. Это теория «портретирования» мира в языке: окружающий нас мир предстает в том виде, в каком он был сконструирован сознанием – каким мир был воспринят, увиден человеком [14: 37].

В теории перцептивной когниции анализируются различия в восприятии и, соответственно, концептуализации мира человеком-наблюдателем. Отмечается, что одну и ту же ситуацию в мире разные люди могут описывать по-разному (например: *The picture is above the sofa* и *The sofa is under the picture* – *Картина над диваном* и *Диван под картиной*). В качестве фокуса внимания разных наблюдателей выступают разные объекты (*picture vs sofa* – *картина vs диван*), что отражает разную направленность их взгляда в формате восприятия и обусловленную этим концептуализацию ситуации на основе разных базовых концептов [13].

При анализе когнитивного конструирования мира изучаются такие понятия, как внимание, распределение внимания, точка зрения, селекция, фокусирование, фигура, задний план, перспективизация и т. д. Акцент делается на креативном использовании языка каждым индивидом, каждым отдельным концептуализатором. Вместе с тем, как отмечает Е. С. Кубрякова, характеристика любого высказывания как творчески изображающего осмысление человеком события или ситуации в акте восприятия игнорирует роль конвенциональных

способов репрезентации необходимого содержания и роль в когниции коллективного разума. «При всей субъективности происходящего процесса и того несомненного факта, что каждый индивид преследует в своем конструировании свои собственные цели и отражает при этом собственное видение мира, все же его креативная жилка проявляется, прежде всего, в **выборе** неких форм из числа готовых» (выделено автором) [14: 74].

Е. С. Кубрякова подчеркивает, что различия в когнитивном конструировании мира различными индивидами состоят в возможности использования ими в описании одного и того же события или ситуации альтернативных языковых средств. Несмотря на то что употребляются альтернативные средства, в языковом описании изображается одна и та же картина мира.

В нашем понимании когнитивное конструирование мира служит основой дискурсивного конструирования мира, дающего его объективную репрезентацию. Перцептивная когниция человека, наблюдающего за той или иной ситуацией, определяет выбор объектов, подвергающихся дискурсивизации и становящихся дискурсивными референтами, и хотя каждый наблюдатель имеет свой ракурс восприятия и помещает в фокус внимания разные объекты, тем не менее, все эти объекты заданы самой ситуацией, самой картиной мира, представляющей себя к восприятию. Так, альтернативные высказывания *The picture is above the sofa vs The sofa is under the picture* (*Картина над диваном vs Диван под картиной*) дискурсивно конструируют одну и ту же картину мира, увиденную наблюдателями в разных ракурсах. Чем больше людей наблюдают за одной и той же картиной мира и описывают увиденное в альтернативных высказываниях, тем более точное и объективное дискурсивное отображение эта картина получает для тех, кто не воспринимал ее сам.

СМИ конструируют не только вымышленные события (типа пропажи жены Папы Римского) и не только фейки; нельзя преуменьшать роль СМИ в передаче точной информации о значимых событиях в мире. В частности, во многих репортажах о смерти принцессы Дианы содержалась чисто фактуальная, объективная информация о произошедшем, без оценочных суждений, поэтому нельзя сказать, что конструирование того типа, о котором ведут речь К. Макмиллан и Д. Эдвардс, является единственным способом репрезентации содержания в медиасообщениях.

Вместе с тем, подобная субъективная репрезентация мира в формате оценочной когниции, т. е. оценочной концептуализации и категоризации, превалирует в СМИ. На это

впервые обратил внимание М. Маклюэн, который ввел понятие «изготовление новостей» (*making the news*); оно означает, что пресса о новостях не только сообщает, она их делает [15], т. е. конструирует. М. Маклюэн также впервые использовал понятие «мир» в трактовке, близкой к современному пониманию дискурсивно сконструированного мира. Он пишет, что пресса освещает и мир, где реально произошли те или иные события, и мир вымышленных событий (*a world of actions and fictions alike*). Читателю бывает трудно понять, не является ли изображенный мир чьей-то индивидуальной «поделкой» (*do-it-yourself kind of the world*) [15]. Именно этот тип мира мы называем возможным миром.

Мир, описываемый в формате перцептивной и перцептивно-оценочной когниции, является реальным («этим», «нашим») социальным миром, поскольку он воспринимается и конструируется в дискурсе коллективно. М. Маклюэн подчеркивает объединяющую функцию прессы, которая отражает коллективное участие всего общества (*communal participation*): освещаемые события отбираются благодаря вниманию к ним каждого человека. В результате отбора событий пресса создает мозаичную картину мира, но эта картина не индивидуальная, а коллективная (*communal mosaic image*) [15].

В отличие от картины реального мира, конструирование которой имеет направленность от сенсорного восприятия к концептуализации, конструирование возможного мира имеет противоположную направленность – от концептуализации к восприятию [2]. Возможный мир конструируется в сознании отдельного человека и является его индивидуальной «поделкой», созданным им когнитивным продуктом. Предъявление этого продукта к восприятию осуществляется в дискурсе, чаще всего полимодальном, включающем не только вербальный, но и невербальный иконический компонент (фотографии, рисунки), что обеспечивает сенсорное восприятие сконструированного возможного мира.

Рассмотрим, каким образом происходит конструирование возможных миров в дискурсе англоязычной экологической рекламы.

Используя термин В. В. Дементьева, жанр экологической рекламы можно назвать наглядным примером «представления речевой картины современности: культуры, коммуникации, общества» [16: 80]. Этот жанр возник вместе с появлением в мире в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. экологического движения. Экологическая реклама – это «реклама, в которой экологические характеристики товаров и услуг («экологическая чистота», «экологическая безопасность», «экологическое производ-

ство» и т. п.) выступают в качестве основного аргумента обращения» [17: 156–157].

Как показывает анализ, экологическая реклама строится на изображении событий и в реальном мире, и в возможных мирах. Примером описания угрожающих природе действий человека в реальном мире является, в частности, реклама, иконический компонент которой изображает идущую женщину, волочащую за собой по земле меховую шубу, оставляющую выжженный след. Вербальный компонент содержит следующий текст:

It takes up to 40 dumb animals to make a fur coat. But only one to wear it. If you don't want animals gassed, electrocuted, trapped or strangled, don't buy a fur coat (На производство одной меховой шубы уходит до 40 бесплодных животных. И только одна из вас будет ее носить. Если вы не хотите, чтобы животных убивали газом, электрошоком, с помощью капкана или удушья, не покупайте себе меховую шубу).

Данный текст передает фактуальную информацию в виде ассертивов о положении вещей в реальном мире, касающемся изготовления меховых шуб, и эмоциональный призыв к женщинам не покупать меховые шубы и тем самым спасти животных, выраженный с помощью речевого акта директива (*don't buy a fur coat – не покупайте себе меховую шубу*). Перечисление в одном ряду разных промышленных способов убийства животных (*газом, электрошоком, с помощью капкана или удушья*), использование словосочетания (*dumb animals – бесплодные животные*), передающего смысл о беззащитности животных, которые сами не могут рассказать о своих страданиях, и вместо них это делает экологическая реклама – все эти средства репрезентируют реальную ситуацию в социальном мире, относящуюся к производству меховых изделий.

Наряду с изображением реального мира в экологической рекламе с помощью полимодального дискурса конструируются многочисленные и разнообразные возможные миры. Основной когнитивной операцией при этом выступает трансфер знаний, под которым понимается передача от одного индивида к другому любых сведений по принципу «от известного к неизвестному» [18: 29].

Поскольку возможный мир отсутствует в действительности, т. е. не воспринимается органами чувств, он не может быть когнитивно сконструирован путем непосредственного наблюдения. В связи с этим первостепенную значимость приобретает невербальный компонент; в нем с помощью иконической модальности представлена картина возможного мира, которую как будто видят авторы рекла-

мы. Эта картина конструируется на основе трансфера имеющихся у них знаний о ситуациях реального мира на ситуации мира возможного.

Так, с помощью рисунка представлена следующая картина мира: в офисном помещении со стандартным набором предметов (рабочий стол с компьютером, стеллажи с папками) к компьютеру подходит пингвин и выключает его. Трансфер знаний состоит в переносе общеизвестного знания о ситуации работы человека в офисе на ситуацию возможного мира, в котором все предметы те же самые, что и в нашем мире, только вместо человека в офисе распоряжается пингвин. В теории возможных миров А. П. Бабушкина это «мир чужих ролей» [19], поскольку роль, которую должен играть человек (сохранять природу и электроэнергию), выполняет животное.

Текст, сопровождающий данный рисунок, относится по своему содержанию и к реальному миру, и к возможному:

If you don't preserve nature by switching off your computer, who will? Today, with simple everyday actions, everyone can help preserve the environment and save power at the same time (Если вы не будете охранять природу, почаще выключая свой компьютер, кто тогда будет это делать? Сегодня, совершая простые ежедневные действия, каждый может помочь в сохранении природы и сбережении электроэнергии).

Речевой акт призыва (*If you don't preserve nature by switching off your computer – Если вы не будете охранять природу, почаще выключая свой компьютер*) обращен к человеку из реального мира, к любому из нас. Речевой акт вопроса (*who will? – кто тогда будет это делать?*) устанавливает связь между мирами, передавая смысл о том, что неподчинение призыву сохранять природу приведет к миру без человека. Исчезновение человека концептуализируется как его ролевая замена на животное. Хотя такой мир иррационален, алогичен, а посему «невозможен», с точки зрения устройства нашего мира, его изображение становится иллюстрацией утверждения о значимости в нашем мире ежедневных усилий по сохранению окружающей среды. Образная репрезентация мира, параллельного нашему миру, в котором пингины мудрее и ответственнее людей, выступает мощным средством коммуникативного воздействия на адресата, фокусируя его сознание на концепте *ответственность* в отношении соблюдения экологических требований.

Встречаются примеры экологической рекламы, когда один и тот же текст сопровождается разными рисунками – репрезентациями картин разных возможных миров. Например:

You can help! Stop Global Warming! Animals around the world are losing their habitats due to climate change. By recycling glass, cardboard and paper you can help prevent this. Take action right now (Ты можешь помочь! Останови глобальное потепление! Животные по всему миру теряют свои привычные места обитания из-за изменений климата. Перерабатывая стекло, картон и бумагу, ты можешь защитить их. Действуй сейчас!).

Данный текст выступает как вербальный компонент рекламных сообщений со следующими невербальными компонентами/рисунками: грязная улица, разваливающиеся дома, мусор, общее запустение (рисунки однотипные, но несколько отличаются друг от друга). В центре каждого такого рисунка – животные: сидящий на тротуаре, прислонясь к стене дома, просящий милостыню белый медведь; семья пингинов у горящего мусорного бака; спящий на уличной скамье тюлень.

В вербальном компоненте анализируемых рекламных сообщений дискурсивно конструируются и возможные миры, и реальный социальный мир. В возможных мирах высказывания (*You can help! Stop Global Warming! – Ты можешь помочь! Останови глобальное потепление!*) написаны на вывесках, рекламных баннерах, дорожных знаках. Высказывания (*Animals around the world are losing their habitats due to climate change – Животные по всему миру теряют свои привычные места обитания из-за изменений климата*) располагаются в нижней части рисунков в виде подписи под ними, сделанной авторами рекламы. Как и в ранее проанализированном примере, с помощью вербального компонента устанавливается связь между мирами: возможным и реальным. Возможный мир представлен как катастрофическое последствие действий человека в реальном мире. И этот мир-катастрофа посылает сообщение людям в реальном мире, что его возникновение необходимо предотвратить.

Рассматриваемые возможные миры – это тоже миры чужих ролей, в которых животное играет роль человека, а именно бездомного. Референтное конструирование возможных миров основано на концептуальных метафорах: белый медведь – это бездомный, который просит милостыню; пингины – бездомные, у которых нет своего очага, и им приходится греться у горячей бочки с мусором; тюлень – бездомный, у которого нет своей кровати, и он спит на уличной скамье.

Одновременно с предметным, референтным конструированием возможного мира осуществляется его аксиологическое конструирование, представляющее собой формирование возможного мира посредством объективации особых структур знания, ценностных концеп-

тов. Концепт *дом* можно отнести к ценностным концептам, отражающим общечеловеческие ценности, придающие предметам значимость должного, хорошего, достойного для всех членов социального сообщества [20]. Благодаря концептуальным метафорам проводится параллель между отсутствием у человека дома как одной из главных его ценностей и уничтожением в результате глобального потепления самого ценного для животных – среды их обитания.

В целом возможный мир, дискурсивно конструируемый в экологической рекламе, концептуализируется, с одной стороны, как отделенный от реального мира и не совпадающий

с ним по составу и ролевому поведению участников, но, с другой стороны, как соположенный с реальным миром и являющийся его продолжением. Конструируемый возможный мир наделяется антиценностными параметрами, что влечет за собой отторжение адресатом предполагаемого развития событий и переосмысление существующих ценностных ориентиров. В плане коммуникативного воздействия негативная аксиологизация возможного мира в жанре экологической рекламы позволяет адресату осмыслить аспекты существующего бытия, ведущие к экологической катастрофе, и занять гражданскую позицию по отношению к необходимости защиты окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы*. М.: Гнозис, 2006. Вып. 1. С. 66–81.
2. Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое Понятие // *Известия ВГПУ*. 2014. № 5. С. 41–46.
3. MacMillan K., Edwards D. Who killed the Princess? Description and blame in the British Press // *Discourse Studies*. 1999. № 1(2). P. 151–174.
4. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism // *Handbook of Constructionist Research* / ed. by J. A. Holstein, J. F. Gubrium. N. Y.: Guilford, 1998. P. 275–293.
5. Edwards D. Whorf's empty gasoline drum and the Pope's missing wife // *Journal of Pragmatics*. 1994. № 22. P. 215–218.
6. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. 190 с.
7. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 446 с.
8. Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p.
9. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. L.: Oxford University Press, 1971. 167 p.
10. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
11. Potter J. *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction*. L.: Sage, 1996. 253 p.
12. Плотникова С. Н. Понятие конструирования мира: когнитивный vs дискурсивный подход // *Когнитивные исследования языка*. Тамбов, 2016. Вып. XXVI. С. 73–75.
13. *Language and the Cognitive Construal of the World* / ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. 406 p.
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
15. McLuhan M., Lapham L. H. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge: The MIT Press, 1994. 389 p.

16. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 78–107.
17. Власова М. В., Павловская Е. Э. К истории экологической рекламы // *Архитектон: известия вузов*. 2012. № 37. С. 156–166.
18. Демьянков В. З. Когнитивные техники трансфера знаний // *Когнитивные исследования языка*. 2016. Вып. XXVI. С. 29–32.
19. Бабушкин А. П. *Возможные миры в семантическом пространстве языка*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 86 с.
20. ВЭФ. *Всемирная энциклопедия: Философия* / под ред. А. А. Грицанова. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

REFERENCES

1. Plotnikova S. N. Kognitivno-diskursivnaia deiatel'nost': nabliudenie i konstruirovanie [Cognitive-discursive activity: observation and construction]. *Studia Linguistica Cognitiva. Iazyk i poznanie [Metodologicheskie problemy i perspektivy]* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and cognition: methodological problems and prospects]. Moscow, Gnozis Publ., 2006, iss. 1, pp. 66–81 (in Russian).
2. Plotnikova S. N. Discursive construction as theoretical knowledge. *Izvestiia VGPU*, 2014, no. 5, pp. 41–46 (in Russian).
3. MacMillan K., Edwards D. Who killed the Princess? Description and blame in the British Press. *Discourse Studies*, 1999, no. 1(2), pp. 151–174.
4. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism. In: Holstein J. A., Gubrium J. F. (eds.). *Handbook of Constructionist Research*. New York, Guilford, 1998, pp. 275–293.
5. Edwards D. Whorf's empty gasoline drum and the Pope's missing wife. *Journal of Pragmatics*, 1994, no. 22, pp. 215–218.
6. Tselishchev V. V. *Filosofskie problemy semantiki vozmozhnykh mirov* [Philosophical problems of possible world semantics]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1977. 190 p. (in Russian).
7. Khintikka Ia. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniia* [Logical-epistemic Studies]. Moscow, Progress Publ., 1980. 446 p. (in Russian).
8. Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford, Basil Blackwell, 1986. 276 p.

9. Austin J. L. *How to do things with words*. London, Oxford University Press, 1971. 167 p.
10. Vodak R. *Iazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 139 p.
11. Potter J. *Representing Reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction*. London, Sage, 1996. 253 p.
12. Plotnikova S. N. Constructing the world: cognitive vs. discursive perspective. *Cognitive Language Studies*, 2016, no. 26, pp. 73–75 (in Russian).
13. Taylor J. R., MacLaury R. E. (eds.) *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin, Moutonde Gruyter, 1995. 406 p.
14. Kubriakova E. S. *V poiskakh sushchnosti iazyka: Kognitivnye issledovaniia* [Looking for language nature: Cognitive researches]. Moscow, Znak Publ., 2012, 208 p. (in Russian).
15. McLuhan M., Lapham L. H. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge, The MIT Press, 1994. 389 p.
16. Dementyev V. V. “Speech genre” theory and actual processes in contemporary speaking. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
17. Vlasova M. V., Pavlovskaja E. E. On the history of ecological advertisement. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2012, no. 37, pp. 156–166 (in Russian).
18. Dem’iankov V. Z. On cognitive techniques of knowledge transfer. *Cognitive Language Studies*, 2016, iss. 26, pp. 29–32 (in Russian).
19. Babushkin A. P. *Vozmozhnye miry v semanticheskom prostranstve iazyka* [“Possible worlds” in semantic aspect of language]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2001. 86 p. (in Russian).
20. Gritsanova A. A. (ed.) *VEF. Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofii* [World thesaurus: Philosophy]. Moscow, AST, Minsk, Kharvest, Sovremennyi literator Publ., 2001, 1312 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Плотникова С. Н., Заболотная Д. Ю. Дискурсивное конструирование возможных миров в жанре экологической рекламы // *Жанры речи*. 2019. № 4 (24). С. 281–287. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-281-287>

For citation

Plotnikova S. N., Zabolotnyaya D. Yu. The Discourse Construction of Possible Worlds in the Genre of Ecological Advertisements. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 281–287 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-281-287>

Поступила в редакцию: 11.10.2018 / Принята: 15.12.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 11 October 2018 / Accepted: 15 December 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

УДК 821.161.1.09-32+929Шарапов
 ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44-8ШараповВ.В.
 DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-288-293>

М. Н. Крылова
 Зерноград, Россия

Maria N. Krylova
 Zernograd, Russia

**Жанр короткого рассказа в сборнике
 В. В. Шарапова «Доля ангелов»**

**A Short Story About a Simple Russian Man
 in the Works of a Contemporary Writer Vadim
 Sharapov**

В статье рассматриваются короткие рассказы современного российского писателя-фантаста Вадима Шарапова. Подчёркивается, что в настоящий момент короткие рассказы как жанр становятся всё более востребованными, так как соответствуют потребности читателя в восприятии кратких сообщений. Целью статьи стало описание содержательной и проблемно-тематической специфики рассказов Вадима Шарапова (на материале сборника «Доля ангелов»), а также раскрытие особенностей героя – обычного русского человека. В ходе исследования применялись описательный и рецептивный методы анализа текста. Герой рассказов Вадима Шарапова – работающий, спокойный, немало испытавший в жизни мужчина, для которого встреча со странным и ужасным – обычное дело и которого ничто не может удивить – ни чудовища, ни конец света, ни поход за грибами в Преисподнюю, ни очередное спасение мира. Это образ праведника, проповедующего всей своей жизнью невозмутимое спокойствие при встрече с неприятностями, справедливость, трудолюбие, оптимизм, способность преодолеть любые трудности. В коротких рассказах В. В. Шарапова об обычном русском человеке тесно переплетаются ordinарное и необычное, причём удивительное подаётся как рядовое, и это создаёт особую атмосферу рассказов.

Ключевые слова: жанр, короткий рассказ, проза, Вадим Шарапов, сетевой писатель, герой, персонаж.

The article deals with short stories of the modern Russian science fiction writer Vadim Sharapov. It is emphasized that nowadays a genre of short stories is becoming highly demanded, as they correspond to the reader's needs in the perception of short messages. The article focuses on the description of the content and problem-thematic aspects of the stories of Vadim Sharapov (the collection of "The Share of Angels"), as well as the characteristics of the hero – a simple Russian man. The author resorted to descriptive and receptional methods of text analysis. The hero of Vadim Sharapov's stories is a hardworking, calm man who has experienced a lot in his life, for whom a meeting with strange and terrible things is an ordinary affair and nothing can surprise him – neither a monster, nor the end of the world, nor the journey to the Underworld, nor the regular salvation of the world. This is the image of a righteous person who with his whole life preaches an unruffled calm when facing troubles, the ability to overcome any difficulties, justice, hard work, optimism. In V. V. Sharapov's short stories about a simple Russian person the ordinary and the unusual are closely interwoven, and the surprising is submitted as the usual, and this creates a special atmosphere of the stories.

Keywords: genre, short stories, prose, Vadim Sharapov, network writer, character, hero.

Сведения об авторе: Крылова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков.

Место работы: Азово-Черноморский инженерный институт – филиал Донского государственного аграрного университета.

E-mail: krylovamn@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0231-4778>

About the author: Krylova Maria Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages.

Place of employment: Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of Don State Agrarian University.

E-mail: krylovamn@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0231-4778>

Введение

Короткий рассказ – прозаический жанр, позволяющий автору сказать много небольшим количеством слов; передать интересную историю, которая выражает глубокий смысл и одновременно занимает очень мало места. Для

данного жанра характерны «единство структуры и сюжета, техника компрессии сюжетной линии повествования, лиричность, тональность, объективация откровений персонажа» [1: 311]. Короткие рассказы любят читатели, получающие через них молниеносный креативный посыл автора. В то же время создавать ко-

роткие рассказы для писателей невыгодно и невыигрышно, так как результат творческого поиска и целостной художественной стратегии, достойный романа, может занимать всего несколько страниц.

Несомненно, у жанра короткого рассказа прекрасная литературная история. Великолепным мастером короткого рассказа был А. П. Чехов, во времена которого писать кратко было новаторством. Л. Н. Асташкина замечает по этому поводу: «Краткость смущала всех. Краткость противостояла тому, что более всего ценили, чем особенно дорожили в те времена – пространному многотонному роману» [2: 11]. В русской литературе XX века жанр короткого рассказа развивался в творчестве И. А. Бунина [3], В. М. Шукшина [4], Л. С. Петрушевской [5] и других писателей. В зарубежной литературе были свои представители жанра короткого рассказа, в числе наиболее известных – А. Азимов, Г. Бёлль, В. Борхерт, Г. Воман, О. Генри, С. Б. Ликок, С. Мозм, Э. А. По, Р. Шекли и др.

На настоящем этапе развития общества появились основания для прогресса жанра короткого рассказа. Как отмечает К. О. Миттельман, «в современном мире – системе огромных объёмов информации, скоростей, стрессов и нехватки времени – у людей остаётся всё меньше возможностей прочитывать и анализировать большие романы» [6: 91]. Исследователи говорят об «измельчании» современного романа и прозаической формы вообще [7]. Скорость современной жизни, её динамика побуждают писателей создавать короткие рассказы, а читателей – испытывать к ним всё большее тяготение.

Короткие рассказы (*short story*) изучаются на материале современной зарубежной литературы: немецкой [8], японской [9], канадской [10], арабской [11] и др. Исследователи отмечают композиционные, художественные и языковые достоинства данного жанра; считают, что короткому рассказу свойственны «глубина мысли, чёткость замысла и его воплощения, законченность и совершенство формы при краткости изложения» [6: 91]. Особо рассматриваются разновидности короткого психологического рассказа [12], проблема связности текста короткого рассказа [13], юмористический потенциал данного жанра [14] и другие вопросы. Зарубежные исследователи отмечают в современном коротком рассказе «минимализм» [15], пытаются прогнозировать будущее коротких рассказов, например, на основе анализа китайской литературы [16].

Предметом данной статьи являются короткие рассказы современного российского писателя из Тюмени В. В. Шарапова (1975). Вадим Шарапов – активный сетевой писатель,

рассказы которого представлены в нескольких электронных ресурсах: Livejournal [17], журнале «Самиздат» [18], социальной сети ВКонтакте [19] и др. Однако его произведения уже начали издаваться и в традиционной печатной форме [20], демонстрируя писательскую стратегию автора: движение от сетевой литературы к традиционной.

Цель данной статьи – рассмотреть жанр короткого рассказа на материале сборника «Доля ангелов» (2017) Вадима Шарапова [21], сконцентрировав внимание на рассказах об обычном русском человеке, выявив их проблемно-тематическое своеобразие, охарактеризовав героя, наиболее распространённые сюжеты, идейные посылы текста.

1. Проблемно-тематическое своеобразие коротких рассказов Вадима Шарапова

Предметом нашего рассмотрения являются рассказы В. В. Шарапова, в которых речь идёт о необыкновенных событиях магического характера, происходящих с героем – обычным русским человеком. Рассказы повествуют об этих магических, странных и загадочных событиях, воспринимаемых героем буднично, как нечто обыденное.

Рассмотрим для примера один из рассказов об обычном русском человеке из сборника «Доля ангелов» – «Старики такого не видели». Герой рассказа – потомственный лесничий Севастьян Макеев. Действие происходит зимой, когда температура на улице опускается до пятидесяти восьми градусов. Лесничий топил в своей избушке печь, пьёт крепкий чай, носит из колодца воду и готовится париться в бане. И вот в такой лютой мороз Севастьян спасает упавшего с неба и замёрзшего в снегу до состояния статуи ангела: *«Ввалившись в избу, Макеев с размаху бухнул статую на дощатый пол в сенках, потом обмахнул её метёлкой и занёс в комнату. Покрутил головой, примериваясь, куда поставить, да так и прислонил к печке»*. Ангел оттаивает, и оказывается, что намерения у него совсем не мирные: *«...Я пришёл возвестить конец мира! <...> И я стану пламенем, пожравшим весь мир!»*. Разобравшись в ситуации, лесничий нисколько не удивляется и реагирует мгновенно, спасая всё человечество: *«Совершенно не задумываясь, Севастьян Макеев поднял старый, но любовно вычищенный «зауэр» и разрядил в затылок крылатому оба ствола»*. Севастьян понимает, что злого ангела надо заморозить и, выбив окно, вываливается вместе с ним на улицу, а когда тот замерзает, быстро соображает, что с ним делать дальше: *«Я тебя потом в подпол на ледник отволоку. Там у меня что зимой,*

что летом – одним цветом, полкабана вон второй год уже не отмерзает. Полежишь, покуль не придумаю, што с тобой, с гадом, делать». Лесничий не думает о своём поступке как о подвиге, он просто делает то, что необходимо было сделать в данный момент. Справившись со спасением мира, Севастьян Макеев спокойно идёт принять баню.

Мы видим в этом произведении развитие сюжета, характерное для коротких рассказов В. В. Шарапова об обычном русском человеке. Герой встречается с немислимыми явлениями и невероятным существом, но не пугается и спокойно, словно между делом, спасает себя, а заодно и весь мир, как будто всю жизнь только такими подвигами и занимался.

В коротких рассказах Вадима Шарапова чётко видна определённая авторская стратегия. Прежде всего писатель развивает интересную и глубокую философскую мысль: наша обычная жизнь настолько ужасна, что злые ангелы, нечисть, бесы, грациозники и прочие ужасные или странные существа по сравнению с нею совершенно нестрашны и заурядны. Мысль эта звучит во многих рассказах. Стоматолог Сергей Иванович (рассказ «Чисть»), пролечив «пасть» нечистому, заявляет, что бояться не собирается: *«Я даже в Ямбурге не отступал, а уж там-то контингент был, я вам скажу, совсем не сахар. Правда, без щупалец, зато с ног до головы в синих картинках. Тут, знаете, даже непонятно, что лучше».* Герои рассказа «Грибное место» весьма буднично воспринимают новость о том, что теперь можно сходить в ад посредством открывшихся при (Почте России) филиалов: *«Многие просто не поверили, а остальные, вскормленные-вспоенные кризисами, смутными временами и каналом Рен-ТВ, и не такое видали».* Фантастические ужасы, по В. В. Шарапову, не идут ни в какое сравнение с абсурдностью нашей реальной действительности, и простым гражданам нашей страны, выдержавшим немало неприятностей, живущим нелёгкой жизнью, уж точно не страшны. Кроме того, странные, нереальные истории учат важным вещам: *«Вот ведь удивительно: вроде бы, душа – пар, а оказывается, её тоже можно износить, как майку-алкоголичку»* («Хорошая сделка»). Для писателя важно ненавязчиво научить чему-то читателя – спокойствию, философскому отношению к жизни, уменью достойно принимать все её сюрпризы, превалированию действия над словом, заботе о своей душе.

Наиболее важной составляющей анализируемых коротких рассказов, концентрирующей их проблематику, определяющей тематику и сюжет, являются их герои, образы которых тщательно прорабатываются автором.

2. Обычный русский человек как герой коротких рассказов В. В. Шарапова

Герой Вадима Шарапова – обычный русский человек, например, пенсионер Захар Васильевич Просветов из рассказа «Грациозник», *«буровой мастер на пенсии Иван Николаевич Редько»* из рассказа «Хорошая сделка», *«пермский столяр Иван Петрович Корытов»* («День Страшного Стыда»), *«пенсионер и садовод-любитель Семен Петрович Телегин»* («Держи краба»), *«пожилой сантехник Василий Потапович Мирошниченко»* («Не в первый раз») и другие. Герой, как правило, мужчина; он может быть и образованным человеком, как, например, подполковник в отставке Савва Степанович («Солнце над морем»), патологоанатом Никита Иванович Глазунов («Большой грех»), стоматолог Сергей Иванович, пишущий диссертацию и лечащий полость рта страшной нечисти («Чисть») или *«Сан Саныч Зябликов, капитан дальнего плавания в отставке»* («Грибное место»), но чаще это представитель рабочей профессии, не обладающий высшим образованием.

Вадим Шарапов находит удовольствие в том, чтобы называть героев, в соответствии с русскими традициями, по имени, отчеству и фамилии (примеры выше), хотя прибегает и к другим традиционным в России антропонимам – наименованию просто по отчеству, как например, *Петрович* («Грибное место»), *Петрович, Григорыч, Матвевна* («Чисть») или по имени с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Санька* Самойлов, *Вовка* Кузнецов и т. п. (Там же), *Стёпка* Андрощук («По науке»). Правда, автор сам же порой иронизирует над некоторыми особенностями русской антропонимики: *«Сергей начал подозревать, что в этих краях отчества рождаются прежде людей»* («Чисть»). И всё же имя героя для него исключительно важно: писатель выделяет этот элемент текста, акцентирует на нём внимание, например: *«Такая уж привычка была у полковника Осенева, для соседей – Сергея Петровича, а для старинных друзей просто – Петровича», «...Иван Данилович Стрельцов, он же Данылыч или Стрелец»* («История, где всё как надо»).

Герой обладает качествами совсем не героическими, зато такими же, как у миллионов обычных русских мужчин: *«Ну да, выпить буровой мастер был не дурак, и крепкого словца не чурался»* («Хорошая сделка»). Да и живёт он в городе или селе с обычным русским названием, например, Дальнередькинск (бывший Дальнехренск), Большепикулинск, Федотовка или Красный Перегон. С этим обыкновенным героем, обитающим не в фэнтезийном, а в нашем обычном мире, происходят удивитель-

ные события. К примеру, Захар Васильевич Просветов («Грациозник») встречает странное существо грациозника, Иван Николаевич Редько («Хорошая сделка») продаёт душу Дьяволу, Иван Петрович Корытов («День Страшного Стыда») становится Пятым Всадником апокалипсиса, патологоанатом Никита Иванович Глазунов спокойно и деловито расправляется с зомби в своём морге («Большой грех»), Семён Петрович Телегин встречает с электричке своего бывшего ангела-хранителя («Держи краба»), а Петрович («Грибное место») просто отправляется в ад, посмотреть «как оно там всё».

Вадим Шарапов очень изобретателен в создании странных и ужасающих персонажей, входящих в жизнь его обычных героев. Они могут быть нестрашными, как грациозник: *«Это была толстая зверушка, покрытая короткой пушистой шерстью бело-розового цвета. Настороженно торчащие вверх уши заканчивались кисточками, а длинные усы топорщились во все стороны. Зверушка, глядя на Просветова круглыми золотистыми глазами, вытянула длинный хоботок в розовой щетинке, и забулькала в чашке, допивая последние капли чая»*. А могут быть ужасными, как чудовище, увиденное стоматологом не где-нибудь, а в стоматологическом кресле: *«В кресле сидело... нечто. Все ОНО было покрыто короткими шевелящимися щупальцами, над которыми раскачивались десятки больших шаров-глаз на длинных стебельках. Еще у НЕГО была широкая пасть, утыканная длинными кривыми зубами, напоминавшими железнодорожные костыли, которыми рельсы крепятся к шпалам. С зубов стекала какая-то вязкая жидкость, целая лужа которой уже скопилась на чисто вымытом кафеле»*.

При создании персонажей нечистой силы, с которыми сталкиваются в жизни его герои, Вадим Шарапов одновременно и проявляет авторскую фантазию, и использует ресурсы фольклора и художественной литературы самых разных народов. Например, в рассказе «Солнце над морем» в гости к имениннику Савве Степановичу приходят разные «нелюди», с которыми свела его судьба за годы былой военной службы, – боевой дельфин, «старый ниндзя Хаттори Хандзо, о котором писали, что скончался в XVI веке», «целый отряд Глубководных», вампир Влад Владыч со звездой Героя на груди и др. Никто и ничто не могут удивить заслуженного одного ветерана: *«Мелькали белые и чёрные лица, мохнатые хари и совсем уж несообразные шипато-складчатые рыла с глазами на стебельках. Замыкало нестройную колонну гостей привидение в красивом крас-*

ном платье, расшитом золотом». Со всеми он встречался в своей былой полной подвигами жизни и со всеми готов выпить, вспомнившая молодость. Сантехник Василий Потапович из рассказа «Не в первый раз» вспоминает многое, с чем ему пришлось столкнуться в своей «профессиональной» деятельности: шогготов, которые *«притасовались – людей досуха высасывать»*, василисков, с которыми когда-то справился *«зеркальцем от бритвы и паяльной лампой»*, оживших мертвяков, которых *«сливами растревожило»*. А конец света сантехнику и его молодому ученику Серёге Беляеву после пережитого не страшен, да и специальная инструкция у сантехников на этот случай есть: *«В случае наступления Конца света и сопутствующих ему катаклизмов, знамений и явлений, необходимо...»*.

Обычные герои и странные существа, с которыми они встречаются, контрастируют в тексте рассказов, что проявляется в том числе с помощью описаний. Для характеристики персонажей очень важны их простые русские имена и заурядные профессии, а также портреты, полные знакомых каждому подробностей внешнего вида немолодого русского человека: *«На Петровиче, выбритом досиная, был старый потёртый пиджак, синяя рубашка без галстука, серые брюки со стрелками, по-стариковски заправленные в офицерские хромовые сапоги, и спортивная сумка через плечо»* («Грибное место»). Описания же нечисти и чудовищ полны многочисленных удивительных и ужасающих деталей. Контраст между героями и встреченными ими удивительными персонажами, между героями и окружающим их миром оказывает мощное эмоциональное воздействие на читателя.

Герои Вадима Шарапова спокойны и невозмутимы, они философски принимают всё, что приносит им жизнь, даже если это встреча со странными, страшными и пугающими окружающими событиями, явлениями, персонажами. Например, стоматолог Сергей Иванович («Чисть») не теряется, не пугается, он сразу понимает, что чудовище в его стоматологическом кресле просто нуждается в помощи дантиста. Способствуют созданию образа занятого любимым делом стоматолога в рассказе специальные термины и профессионализмы: *«кариес, пульпит, периостит, детрит с перфухой, экзостозы – все эти заболевания находит и вылечивает Сергей Иванович у странного больного. Оказывается, в кабине завелась не нечисть, а «Зубонечисть Вульгарис! То есть, обыкновенная»*. Ключевое слово – *«обыкновенная»*. Для героев Вадима Шарапова все удивительные события и загадочные герои – обыкновенны. Это

мир спокойных людей, умеющих не удивляться и просто действовать.

Обычные герои попадают в трансформированную реальность, элементами которой являются, в первую очередь, странные существа, которых они встречают, а также странные события, например, открытие филиалов ада при отделениях «Почты России»: «...Отделения преисподней одновременно открылись во всех российских городах с населением больше ста тысяч человек» («Грибное место») или Конец света («Не в первый раз»). Впрочем, сами герои воспринимают подобные события как обыкновенные. Они немало пережили в жизни, и такие «мелочи» не могут их удивить.

Заключение

Короткие рассказы современного писателя Вадима Шарапова демонстрируют высокую востребованность жанра короткого рассказа в современном художественном пространстве. Писатель создаёт в своих коротких рассказах оригинального героя – обычного русского человека, обладающего силой духа, цельностью характера, высокой нравственностью, жизнерадостностью, невозмутимостью. Герой такого типа позиционируется как обыкновенный, не обладающий эксклюзивностью, хотя при этом писатель, конечно, лукавит. Внешняя ординарность сочетается в его персонаже с внутренней оригинальностью. Попадая в странные и страшные ситуации, встречаясь с необычными, ужасающими объектами, герой не удивляется, сохраняет выдержку и оптимизм. Обыденное и реальное тесно переплетаются, об удивительном повествуется как о естественном. Для рассказов Шарапова характерен сильный моральный посыл: воспеваются ценность праведной жизни, хорошего поступка, философского отношения к жизни, труда, щедрости, душевного богатства, ироничного отношения к неприятностям, оптимизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина Е. В. Проблема дефинирования короткого рассказа в междисциплинарной перспективе исследования // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 12 (64). С. 308–312.
2. Асташкина Л. Н. Жизненное кредо Чехова. «А. П. Чехов – мастер короткого рассказа» // Инновации в современной науке: материалы X Междунар. осеннего симпозиума. М.: Перо, 2015. С. 11–18.
3. Лазарева А. В. Методика описания композиционно-речевой структуры короткого рассказа И. Бунина «Качели» // Новый университет. Сер. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 11–12 (68–69). С. 90–93.
4. Бодрова Л. Т. Поэтическая ономастика в коротком рассказе В. М. Шукшина: имена и «характеры» //

Проблема характера в советской литературе: межвуз. сб. науч. тр. Челябинск: Юж.-Урал. гос. гуманитарно-пед. ун-т, 1988. С. 102–121.

5. Белякова И. Е. Семантическая «девальвация» эстетической ценности прекрасного в рассказах о любви Л. С. Петрушевской // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 1. С. 92–98.
6. Миттельман К. О. Короткий рассказ как объект лингвистического и литературоведческого анализа // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2008. № 2. С. 91–96.
7. Орбий С. П. Романы и романоиды // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/116-12348>.
8. Лапчинская Т. Н. Многомерная модель интерпретации текста немецкого короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 21 с.
9. Хронополо Л. Ю. Короткий рассказ в творчестве современного японского писателя Акагава Дзиро // Модернизация и традиции: XXVI Междунар. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки»: тез. докл. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. С. 400–401.
10. Васильева А. И. Жанр канадского короткого рассказа // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2015. № 5–3. С. 133–136.
11. Мухиддинова Д. З. Жанр «очень короткого рассказа» в современной арабской литературе // Социосфера. 2015. № 3. С. 57–60.
12. Щирова И. А. Лингвистические сигналы адресованности в коротком психологическом рассказе // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 1996. № II. С. 101–106.
13. Винокурова И. Ж. Языковой механизм связности зачина и концовки в тексте короткого рассказа // Вестн. Сев.-Вост. фед. ун-та им. М. К. Аммосова. 2007. Т. 4. № 1. С. 79–85.
14. Васюкова А. Ю. Юмористический потенциал композиционной структуры короткого рассказа // Иностранные языки в высшей школе. 2007. № 5. С. 104–105.
15. Razi A., Rosta S. Minimalism in the modern short story // Textual Criticism of Persian Literature. 2009. Vol. 1, № 3. P. 77–90.
16. Liu Jue. A Future for the Short Story // The World of Chinese. 2014. Vol. 4, № 1. P. 88–91.
17. Leit. URL: <http://leit.livejournal.com/> (дата обращения: 28.12.2017).
18. Шарапов Вадим Викторович. URL: http://samlib.ru/s/sharapow_w_w/ (дата обращения: 25.12.2017).
19. Вадим «Лейтенант» Шарапов. URL: https://vk.com/leit_vadim (дата обращения: 25.12.2017).
20. Шарапов В. В. Нездоровый смех: рассказы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
21. Шарапов В. В. Доля ангелов: рассказы и миниатюры. М.: Издательские решения, 2017. 444 с.

REFERENCES

1. Kalinina E. V. The Problem of Defining a Short Story in the Interdisciplinary Perspective of Research. *Humanitarian Scientific Research*, 2016, no. 12(64), pp. 308–312 (in Russian).
2. Astashkina L. N. Zhiznennoe kredo Chehova. «A. P. Chehov – master korotkogo rasskaza» [Life credo of Chekhov. “A. P. Chekhov – master of a short story”]. *Innovacii v sovremennoj nauke: materialy X Mezhdunar.*

osenego simp. [Innovations in modern science : Proceeding X Intern. autumn simp.] Moscow, Pero Publ., 2015, pp. 11–18 (in Russian).

3. Lazareva A. V. The Technique of Describing the Compositional-Speech Structure of I. Bunin's short story "Swing". *New University. Ser. Actual problems of the humanities and social sciences*, 2016, no. 11–12(68–69), pp. 90–93 (in Russian).

4. Bodrova L. T. Pojeticheskaia onomastika v korotkom rasskaze V. M. Shukshina : imena i "haraktery" [Poetic onomastics in a short story by VM Shukshin : names and "characters"]. In : *Problema haraktera v sovetskoj literature : mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Problem of character in Soviet literature : Interuniv. sat. sci. tr.]. Cheljabinsk, Juzn.-Ural. gos. gumanit.-ped. un-t, 1988, pp. 102–121 (in Russian).

5. Beljakova I. E. Semantic "devaluation" of the aesthetic value of beauty in stories about the love of LS Petrushevskaya. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. Humanitates*, 2013, no. 1, pp. 92–98 (in Russian).

6. Mittel'man K. O. Short story as an object of linguistic and literary analysis. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. Philology. Theory of language. Language education*, 2008, no. 2, pp. 91–96 (in Russian).

7. Orobij S. P. Novels and Romanoids. *Modern problems of science and education*, 2014, no. 2. Available at: <http://www.science-education.ru/116-12348> (in Russian).

8. Lapchinskaja T. N. *Mnogomernaja model' interpretacii teksta nemeckogo korotkogo rasskaza* [A multidimensional model of the interpretation of the text of the German short story]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tjumen', 2012. 21 p. (in Russian).

9. Hronopulo L. Ju. Korotkij rasskaz v tvorcestve sovremennogo japonskogo pisatelja Akagava Dziro [A short story in the works of the modern Japanese writer Akagawa Jiro]. *Modernizacija i tradicii : XXVI Mezhdunar. konf. «Istotnikovedenie i istoriografija stran Azii i Afriki» : Tez. dokl.* [Modernization and traditions : XXVI Intern. Conf.

"Source study and historiography of Asian and African countries" : tez. doc.]. Saint Petersburg, S.-Petersb. gos. un-t, 2011, pp. 400–401 (in Russian).

10. Vasil'eva A. I. Genre of the Canadian Short Story. *New Science : Theoretical and Practical View*, 2015, no. 5–3, pp. 133–136 (in Russian).

11. Muhiddinova D. Z. Genre of a "very short story" in modern Arabic literature. *Sociosphere*, 2015, no. 3, pp. 57–60 (in Russian).

12. Shhirova I. A. Linguistic signals of addressing in a short psychological story. *Studia Linguistica (Saint Petersburg)*, 1996, no. II, pp. 101–106 (in Russian).

13. Vinokurova I. Zh. The language mechanism of connection of the beginning and endings in the text of a short story. *Vestnik of the Northeastern Federal University. M. K. Ammosov*, 2007, vol. 4, no. 1, pp. 79–85 (in Russian).

14. Vasjukova A. Ju. Humoric potential of the compositional structure of the short story. *Foreign languages in higher education*, 2007, no. 5, pp. 104–105 (in Russian).

15. Razi A., Rosta S. Minimalism in the modern short story. *Textual Criticism of Persian Literature*, 2009, vol. 1, no. 3, pp. 77–90.

16. Liu Jue. A Future for the Short Story. *The World of Chinese*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 88–91.

17. *Leit*. Available at: <http://leit.livejournal.com/> (accessed 28 December 2017) (in Russian).

18. *Sharapov Vadim Viktorovich*. Available at: http://samlib.ru/s/sharapow_w_w/ (accessed 25 December 2017) (in Russian).

19. *Vadim "Lejtenant" Sharapov*. Available at : https://vk.com/leit_vadim (accessed 25 December 2017) (in Russian).

20. Sharapov V. V. *Nezdorovyj smeh : rasskazy* [Unhealthy laughter : stories]. Moscow, AST : AST MOSKVA Publ., 2009. 317 p. (in Russian).

21. Sharapov V. V. *Dolja angelov : rasskazy i mini-atjury* [The share of angels : stories and miniatures]. Moscow, Izdatel'skie reshenija Publ., 2017. 444 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Крылова М. Н. Жанр короткого рассказа в сборнике В. В. Шарапова «Доля ангелов» // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 288–293. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-288-293>

For citation

Krylova M. N. A Short Story About a Simple Russian Man in the Works of a Contemporary Writer Vadim Sharapov. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 288–293 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-288-293>

Поступила в редакцию: 06.02.2018 / Принята: 31.05.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 06 February 2018 / Accepted: 31 May 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

ЖАНРЫ СМИ

УДК 811.161.1'38:070

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-294-299>**А. Р. Котаева**
Москва, Россия**Alena R. Kotaeva**
Moscow, Russia**Очерки в прессе и на ТВ: сравнительный
речезанровый анализ****Comparative Analysis of Newspaper
and TV Essays**

Данная статья посвящена изучению самого сложного по своим признакам и свойствам жанра публицистики – очерка. Природа очерка определяется тем, что он функционирует и в публицистике, и в художественной литературе. Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть различия между газетным и телевизионным российскими очерками, выявить и проанализировать художественную и публицистическую специфику рассмотренных произведений.

Ключевые слова: жанр, очерк, взаимопроникновение жанров, художественность.

This article presents a study of the most difficult in its characteristics and properties genre of journalism – an essay. The nature of the essay is determined by the fact that it functions both in journalism and in fiction. The paper aims at the research of the differences between newspaper and television Russian essays, and the analysis of the artistic and journalistic aspects of the reviewed essays.

Keywords: genre, essay, interpenetration of genres, artistry.

Сведения об авторе: Котаева Алена Рутеновна, аспирантка.

Место работы: Российский университет дружбы народов, Москва.

E-mail: alena-kotaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1694-9838>

About the author: Kotaeva Alena Rutenovna, Post-graduate Student.

Place of employment: Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

E-mail: alena-kotaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1694-9838>

Введение

Природа очерка определяется тем, что он несет в себе черты, характерные и для публицистики, и для художественной литературы. Это оперативный художественно-публицистический жанр, точно изображающий социально важные факты и типичных представителей определенных социальных групп общества.

Мы будем рассматривать разновидности газетного и телевизионного очерка и сравним их. Для примера мы взяли документальный фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2014 года на телеканале «Россия», и очерк Игоря Черняка «И морщатся от этого агенты ЦРУ 24. Звезда Голливуда Стивен Сигал говорит о том, кто стоит за событиями на Украине», опубликованный 27 марта 2014 года в «Российской газете». Для сравнения разновидностей очерка нами был выбран один и тот же информационный повод – присоединение Крыма к России.

Основная часть

В мировой журналистике первоначальные прототипы очерка возникли в XVIII столетии в Великобритании. Корреспонденты Р. Стил

и Д. Аддисон, печатавшиеся в журналах «Spectleater» и «Tatties» («Зритель» и «Болтун»), издававшихся в 1709–1712 годах, были их первыми авторами. Это были бытовые, нравоописательные сценки английской жизни того времени. Похождения единичной персоны стали предметом писательского и репортерского отображения. В первой трети XIX столетия в очерковом жанре трудились такие знаменитые писатели, как Л. Бернс, Г. Гейне, В. Гете и др.

Происхождение очерка исследователи связывали с так называемой литературой путешествий. Известно, что «путешествие» как самостоятельный жанр вошло в литературу в XVIII–XIX веках. В России первым очерком называли «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Современные исследователи относят данное произведение к жанру литературного «путешествия», ссылаясь на мнение И. А. Гончарова, который отметил, что «путешествие – это либо специальное учение, либо просто систематическое описание со строго определенным содержанием» [1: 9].

В 40-е годы XX века под очерком понимали «короткое житийное произведение, главной целью коего является образная картина или

образная информация» [2]. Эта точка зрения подверглась критике, потому что приближала задачи очерка к элементарному информированию, пускай даже образному.

В 50-е годы развернутую характеристику данного жанра попытался дать Б. Полевой. Он считал, что «очерк является самостоятельным литературно-художественным жанром, находящимся на вооружении газеты. В отличие от других жанров публицистики, он содержит элементы художественного, образного описания; в отличие от литературных жанров он основывается на конкретных фактах, содержит элементы публицистики, исследования» [3: 150]. Очерк, как видим, выделяется в самостоятельный жанр, в нем подчеркивается наличие разнородных содержательных элементов, но ничего не говорится об особенностях их внутрижанрового взаимодействия.

В 60-е годы разгорелась полемика по поводу отличий очерка от других малых литературных форм. Например, многие литературоведы характеризовали данный жанр как один из видов «эпической повествовательной литературы, который отличается от других видов (роман, повесть, рассказ) достоверностью, то есть тем, что в очерке более или менее точно изображаются события, происходившие в реальной жизни» [4: 142]. Подобная точка зрения отразилась и в словаре русского языка С. Н. Ожегова: «Очерк – небольшое литературное произведение, краткое описание жизненных фактов» [5: 376]. Причисляя очерк к небольшому литературному жанру, литературоведы всегда отмечали его фактологическую основу, а ключевую функцию очерка приближали к надежному описанию фактов с образной трактовкой. Подобной точки зрения держался и ряд теоретиков журналистики.

Более продуктивной оказалась концепция Е. И. Журбиной. Она считала, что «очерк при ярких публицистических приметах и публицистической направленности одновременно остается неотъемлемой частью художественной литературы» [6: 11]. Говоря о функциях очерка в публицистике и литературе, Е. И. Журбина справедливо отмечает, что очерк вышел «за пределы существующих в литературе жанровых форм во имя очерчивания новых явлений и постановки новых проблем жизни» [6: 13]. Тем самым впервые определяется не только новая область исследования, но и ставится проблема взаимодействия публицистических и художественных начал в очерке.

В 80-е годы основным центром исследования становится специфика отображения личности в публицистике. Помимо этого, ученые действительно говорят о результативном взаимодействии очерка с художественной литературой, наукой и искусством.

Особенности, роднящие его с художественной литературой, выражаются в очерке, согласно взгляду ученых, и в образном осмыслении фактов, и в особых методах актуализации авторской оригинальности, и в проявлении разных художественных начал, и сопряженных с ними приемов, с методом образного изучения мира и поэтикой документальной корреспонденции. Как отмечает Н. М. Щудря, «Художественность – не дополнительный штрих и литературное оформление содержания в публицистике, а внутренне присущее качество в этом виде журналистской деятельности» [7: 8].

Таким образом, мы наблюдаем взаимопроникновение элементов теории публицистики и теории литературы. Например, В. И. Шкляр выдвигает перед исследователями ряд задач, требующих комплексного всестороннего и глубокого изучения динамики и корреляции творческих процессов, закономерностей и особенностей развития стилевых направлений, диалектики и тенденций жанрообразования, стилизирующих фактов, системы идейно-выразительных и образных средств, инструментария публицистической поэтики. При этом он пишет, что «особенностью современного публицистического процесса является интенсивное взаимодействие с литературой» [8: 13]. По мнению ученого, в публицистике 80-х годов закрепляются следующие художественные тенденции: психологизм, лиризм, единство эмоционально-образных и рационально-понятийных средств повествования. Именно поэтому «своеобразие современного литературно-публицистического творчества надо искать не в порубежье печатной публицистики и художественной литературы, а в интеграции их творческих процессов на паритетных началах» [8: 14].

Очерковая публицистика взяла на вооружение не только художественные методы отображения действительности. «Творческая деятельность публициста, – замечает Н. М. Щудря, – основана на единстве рационального и эмоционального восприятия, их нерасчлененности». Неправомерны суждения, согласно которым логические процедуры мышления составляют «содержательный костяк», а эмоции служат лишь его «фундаментальной оболочкой» [7: 11].

Очерк интегрируется и с искусством слова, т. е. с той его частью, которая связана с поэтикой. По определению В. В. Виноградова, поэтика – «наука о формах, видах, средствах и способах организации произведений словесно – художественного творчества, о структурных типах и жанрах, литературных типах и жанрах литературных сочинений» [9: 188]. Традиционно разновидностей жанра

очерка выделяется три: путевой, портретный и проблемный.

В XIX веке в России особенно был распространён **путевой очерк**. Значимость «путешествий» в становлении очерка неопределима, так как, собственно, в недрах данных творений начали оформляться те массивные и структурные элементы, которые со временем сформировали несущие установки такого рода разновидности художественно-изобразительного очерка, как путевой.

Авторами, прославившими путевой очерк как жанр русской литературы и журналистики в XIX в., стали А. С. Пушкин («Путешествие в Арзрум»), Н. И. Новиков («Отрывок путешествия в И***Т***»), А. Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), А. А. Бестужев («Поездка в Ревель»), А. П. Чехов («Остров Сахалин»), И. А. Гончаров («Фрегат «Паллада»). Много прекрасных путевых очерков было создано публицистами советского времени, например, И. А. Ильфом и Е. П. Петровым, И. Г. Эренбургом, М. А. Шагинян, М. Е. Кольцовым, Ю. Смулом, В. В. Маевским, В. М. Песковым и другими журналистами.

После путевого интенсивно начал развиваться **портретный очерк**. Здесь основное положение занимает биография. Адресовавшись к ней, журналист имеет возможность приобрести разнообразные данные о наиболее важных для человека стадиях жизни, о его житейском опыте, о житейских ценностях и целях и т. п. Согласно данному индивидуальному материалу и воссоздается в окончательном результате история жизни отдельного человека.

Истинный портретный очерк появляется в итоге образного анализа личности, опирающегося на анализ различных ее сторон (нравственной, умственной, созидательной и пр.), т. е. в итоге раскрытия характера героя. Образец – портретные очерки М. Горького.

Самой распространенной разновидностью жанра одно время являлся **проблемный очерк**. Данный вид очерка нацелен на раскрытие сложных и противоречивых человеческих взаимоотношений. Центральное место здесь занимает проблемная или конфликтная ситуация. Проблема и конфликт, по мнению Л. Э. Варустина, понятия не идентичные. «И конфликт, и проблема, – отмечает исследователь, – отражают противоречия жизни. Проблема, однако, понятие более широкое, чем конфликт. В форме логического обобщения она выражает мысль, сущностную природу конфликта или ряда конфликтов, определяет его место в системе определенных социальных связей и отношений общества» [10: 87]. К проблемному очерку можно отнести очерк Валентина Распутина «Байкал, Байкал».

С развитием СМИ очерковый жанр расширяет свои возможности и области функционирования, поэтому возникает вопрос о необходимости проследить, какие особенности приобретает он на телеэкране по сравнению с печатной прессой. Для сравнительного анализа особенностей очерка в прессе и на телевидении нами был выбран для чистоты эксперимента один и тот же информационный повод четырехлетней давности, который вызвал в нашей стране очень глубокий резонанс – присоединение Крыма к России, произошедшее мирным путем и сопровождавшееся референдумом, на котором большинство крымчан высказалось за присоединение полуострова к нашему государству.

Очерк, которого мы коснемся для рассмотрения разновидностей данного жанра в прессе, написан в 2014 году Игорем Черняком. Название достаточно оригинальное: «И морщатся от этого агенты ЦРУ 24. Звезда Голливуда Стивен Сигал говорит о том, кто стоит за событиями на Украине» [11].

Предметом изображения стал конкретный человек, его взгляды и мысли относительно нашей темы.

Первый абзац очерка выглядит так: «Стивен Сигал, звезда Голливуда, сейчас находится в Румынии, где идут съемки очередного фильма с его участием. Актер снимает многокомнатный съют в лучшем отеле Бухареста. Он ни на минуту не остается один – туда-сюда снуют помощники, охранники, водители, секретари. Жена опять же – очаровательная Элли с пятилетним сыном – старается все время быть рядом» [12].

Автор красочно описывает все происходящее вокруг него в течение одного дня из жизни голливудского актера.

В следующем абзаце мы читаем краткую биографию Сигала, там рассказывается о его творчестве, о фильме, в котором он снимается на данный момент. «Актеры всегда играли весомую роль в американской политике – достаточно вспомнить Рональда Рейгана или Арнольда Шварценеггера. Стивен Сигал сегодня в мире не менее популярен и авторитетен. В Бухаресте он третью неделю, снимается в боевике «Абсолютен» – о секретном агенте, «киллере американского правительства», которого отправили в Восточную Европу для уничтожения «плохого парня» – торговца людьми. Съемки идут ежедневно с утра до вечера, но, узнав, что речь пойдет о ситуации с Украиной, Стивен нашел время ответить на вопросы» [12].

Далее идут вопросы журналиста, на которые актер честно отвечает. Он высказывает свою точку зрения на происходящее на Украине. Рассказывает про встречу с Путиным, про

то, что у них много общего. И внезапно интервью прерывается по «производственным» причинам.

«Садимся в две машины – он на черном “мерседесе”, мы – сзади на микроавтобусе. Фильм снимается в старинном мрачном особняке а-ля Дракула в самом центре Бухареста. На улице Менделеева, между прочим. Ждем, пока снимут очередной эпизод. Толпа киношников, зевак. Сигал с пистолетом поднимается по лестнице, чтобы спасти девушку в откровенном платье. “Мотор!”. И вдруг оглушительный выстрел, многие затыкают уши. Первый, второй дубли. Снято» [12].

Существенную роль в данном очерке играет интервью – диалог героя материала с автором. Прежде всего, это прямое свидетельство очевидца какого-то важного события, явления, что усиливает документальность публицистического произведения.

Исследователь очерка М. С. Черепанов выделяет несколько функций диалога: «Во-первых, он является средством индивидуализации героев. Любое словечко, особенно синтаксис речи, пристрастие к какому-то необычному обороту помогают закрепить образ в сознании читателя. Во-вторых, при помощи диалога разъясняются события, происшедшие до начала действия очерка или рассказа, происходящие и предстоящие. Диалог, таким образом, играет определенную роль в развитии сюжета, в “толковании” событий. Он порой служит началом конфликта, спора. Диалог передает настроение героя» [13: 92].

Стивен сравнил ситуацию в Крыму с ситуацией, когда, якобы, Россия напала на Грузию. «В Крыму все точно так же, как было, когда Россия напала на Грузию. Но, может, наконец, сказать людям правду? Разве не грузины вторглись в Южную Осетию, расстреляв российских миротворцев? И только после этого Россия приняла ответные меры».

«Сила воздействия очерка состоит в том, что полюбившийся читателям герой очерка живет среди них, у него есть конкретный адрес, ему можно написать письмо, позвонить, обменяться мыслями. Между героем очерка и аудиторией устанавливается прямая связь, которая может продолжаться многие годы» [14: 320].

Если говорить о разновидностях жанра, данная работа сочетает в себе проблемный и портретный очерки. И лишь кое-где мы можем заметить черты путевого очерка.

Данный очерк связан с голливудским актером, автор дает описание его творческой деятельности, мы практически оказываемся на съемочной площадке, знакомимся с его женой и дочкой, которые не расстаются с ним. Автор раскрывает нам Стивена Сигала не толь-

ко как актера, не только как любящего отца и верного мужа, но и как человека, которому не безразлична политическая жизнь мира, который делает правильные выводы относительно проблемы России и Украины. Это признаки портретного очерка.

Данный очерк можно отнести к проблемному, т. к. автор выясняет причины возникновения той или иной проблемы, пытается определить ее дальнейшее развитие, выявить пути решения.

К разновидности жанра путевого очерка мы можем отнести данное произведение потому, что Игорь Черняк проделал немалый путь, чтобы встретиться с легендарным актером, ведь его съемки велись в Румынии.

Мы можем сделать вывод, что журналист использует в своем очерке элементы репортажа, интервью, корреспонденции – вводит в текст небольшие диалоги, характеристики персонажей, авторские раздумья, обобщения.

Характерные черты корреспонденции:

- 1) активное вмешательство в жизнь;
- 2) живой анализ фактов и событий.

Все данные черты мы наблюдаем в этом очерке.

Также в произведении присутствует жанр интервью, ведь автор общается с голливудским актером, узнает его мнение об актуальной проблеме, задает каверзные вопросы.

Черты репортажа мы можем увидеть в том, что дается наглядное представление о событии через непосредственное восприятие автора.

Все жанры в чистом варианте встречаются в сегодняшней журналистике достаточно редко. Как правило, границы их размыты и каждый из них обладает компонентами иных жанров. Не нужно приписывать это к минусам. Точнее, наоборот, синтез, проникновение жанров друг в друга дает возможность журналисту наиболее ярко и отчетливо отображать окружающий мир, находить для этого новые формы и окраски.

Очерк на телеэкране остается одним из наиболее трудных жанров публицистики. Созданный на точной документальной основе (определенность фактов, реальные герои, невыдуманные условия их отношений), очерк облачается в образно обобщенную форму. Для этого жанра свойственны художественность черт, существенная степень типизации.

Для анализа телевизионного очерка мы взяли документальный фильм «Крым: Путь на родину» Андрея Кондрашова. Премьера фильма состоялась 15 марта 2014 года на телеканале «Россия 1».

Полнометражная документальная лента была задумана, чтобы сохранить для истории

каждый значимый эпизод событий, происшедших в Крыму весной 2014 года. Съемки продолжались 8 месяцев и охватили Севастополь и Форос, Симферополь и Керчь, Ялту и Бахчисарай; Феодосию, Джанкой, Алушту и еще десяток населенных пунктов Крыма.

В интервью, включенном в документальный фильм о вхождении Крыма в состав России, глава государства изложил обстоятельства возвращения полуострова.

«Крым – это историческая русская, российская территория, с преимущественно русским населением, и мы вынуждены действовать в силу того, что они сами поставили нас в такие обстоятельства, в такие условия», – сказал Путин в комментарии к фильму «Крым. Путь на Родину» [15].

В отличие от газетного очерка, в телевизионном не только надо написать текст, но и показать, как происходили данные события, то есть выстроить видеоряд, который одновременно является главным преимуществом телевизионной разновидности очерка и главной трудностью при его создании.

В этом фильме, который мы можем назвать очерком, так как здесь присутствуют раскрытие человеческих характеров, глубинные свойства личности, обстоятельства жизни, мотивы поступков, объяснение социального смысла деятельности, присутствуют и элементы других жанров журналистики.

Журналист взял у президента несколько довольно откровенных интервью, которые стали определяющими в развитии политики современной России.

В данном очерке содержатся и черты журналистского расследования, что подразумевает многостороннее и детальное исследование некоторой недостаточно изученной, скрытой, либо тщательнейшим образом укрываемой темы, в ходе работы над которой приходится преодолевать неготовность определенных структур предоставить интересующую вас информацию.

В чистом виде очерк, особенно телевизионный, мы уже не встретим. Получается, в фильме «Крым: путь на родину» собраны несколько жанров журналистики, что позволяет со всех сторон рассмотреть сложившуюся проблему или событие.

В данном фильме сочетаются три вида очерка.

Портретный. Этот вид очерка разрабатывает конкретный аспект концепции личности, выявляет внутренний мир героя, общественно-эмоциональную мотивацию его действий, персональное и типическое в характере. Автор подвергает анализу индивидуальность героя, его естественный мир. Через это представление зритель догадывается об общественно-

эмоциональной мотивации совершенных действий. Следует показывать детали, которые делают характер данной персоны драматичным, поднимают его над абсолютно всеми иными персонажами. В пример можем привести взаимодействие и диалоги корреспондента с В. В. Путиным, с крымским народом, в том числе с донскими казаками.

Проблемный. Объектом его изучения и образно-публицистического отображения становится актуальная проблема, вставшая перед обществом в определенный период. Это смысловой авторский монолог, просвеченный персональным видением человека и условий, в каковых он функционирует. Очеркист-проблемник не просто разрабатывает проблему с помощью чувственно-образных изобразительно-выразительных средств, а формирует характер ситуации.

Путевой. В основе фильма – повествование автора о поездке, об увиденном и почувствованном. Его характерные черты заключаются в том, что предмет исследования разворачивается для автора со временем. На самом деле, странствуя, журналист вглядывается в людей, в ситуации, закрепляет факты и действия, отражая их путем персональных исследований.

Заключение

Проанализировав два очерка, которые были созданы для разных видов СМИ, первый для прессы («И морщатся от этого агенты ЦРУ. Звезда Голливуда Стивен Сигал – о том, кто стоит за событиями на Украине»), второй для ТВ («КРЫМ. ПУТЬ НА РОДИНУ») мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, у газетного журналиста есть всего два средства для создания художественного образа: слово автора и воображение читателя. У телевизионного – выразительных средств гораздо больше: видеоряд, т. е. изображение, причем фигура и фон могут работать по-разному в единстве и в контрапункте; монтаж, т. е. произвольно-осмысленное сочетание «картинок»; синхронная речь персонажей; закадровый текст; фоновый звук; наконец, «стендап» – речь корреспондента на фоне события.

Во-вторых, вне зависимости от того, где был произведен материал, на телевидении или в газете, мы не встретим уже очерка в чистом виде. В современном очерке могут сочетаться черты различных жанров журналистики, например, репортажа, отчета, зарисовки, корреспонденции, интервью. Это говорит о жанровой свободе очерка, его подвижности. Это позволяет автору менять тональность повествования, ритмику изложения при условии композиционного, сюжетного и стилистического единства материала.

В фильме Андрея Кондрашова мы встречаем такие жанры, как интервью, журналистское расследование (хотя многие не относят его к отдельному жанру).

В очерке Игоря Черняка «И морщатся от этого агенты ЦРУ. Звезда Голливуда Стивен Сигал – о том, кто стоит за событиями на Украине» нам встретились корреспонденция, интервью и репортаж.

На наш взгляд, это современная черта

трансформации жанра медиаочерка – синтез, взаимопроникновение жанров друг в друга, или конвергенция жанров, – позволяет журналисту более ярко и выразительно отражать окружающую жизнь, находить для этого новые формы и краски.

В-третьих, в рассмотренных произведениях мы заметили, что в них сочетаются три вида очерка: портретный, проблемный и путевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. А. Русский советский очерк. Л.: Лениздат, 1980. 120 с.
2. Дипломная работа. URL: <http://allrefs.net/c16/1753k/p4/> (дата обращения: 15.03.2018).
3. Адушкина Т. В. Очерк в системе жанров мордовской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 194 с.
4. Поспелов Т. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 351 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 476 с.
6. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических откровенных жанров (очерк, коснемся фельетон) М.: Мысль, 1969. 399 с.
7. Щудря Н. М. Эстетические особенности публицистического творчества. Киев: Изд-во имени Елены Телиги, 1985. 24 с.
8. Шкляр В. И. Публицистика и художественная литература: продуктивно-творческая интеграция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1989. 52 с.
9. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
10. Варустин Л. Э. Вровень с героем. М.: Мысль, 1987. 107 с.
11. Путин сегодня. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/2381> (дата обращения: 15.03.2018).
12. Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/26/sigal.html> (дата обращения: 15.03.2018).
13. Черепанов М. С. Работа над очерком. М.: Изд-во МГУ, 1966. 95 с.
14. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе: учебное пособие. М.: РИП-холдинг, 2007. 323 с.
15. Андрей Кондрашов. URL: <http://www.rg.ru/2015/03/17/kondrashov.html> (дата обращения: 15.03.2018).

REFERENCES

1. Alekseev V. A. *Russkii sovetskii ocherk* [Russian given Soviet essay]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 120 p. (in Russian).
2. *Diplomnaya rabota* [Graduation friend work]. Available at: <http://allrefs.net/c16/1753k/p4/> (accessed 15 March 2018) (in Russian).

3. Adushkina T. V. *Ocherk v sisteme zhanrov mordovskoi literatury* [Essay in the system of genres of Mordovian literature]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saransk, 2003. 194 p. (in Russian).
4. Pospelov T. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999. 351 p. (in Russian).
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1992. 476 p. (in Russian).
6. Zhurbina E. I. *Teoriya i praktika khudozhestvenno-publitsisticheskikh otkrovennykh zhanrov (ocherk, kosnemysya fel'eton)* [Theory and practice of artistic and journalistic frank genres (essay, touch feuilleton)]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 399 p. (in Russian).
7. Schudrya N. M. *Esteticheskie osobennosti publitsisticheskogo tvorchestva* [Aesthetic features of journalistic creativity]. Kiev, Izd-vo imeni Eleny Teligi, 1985. 24 p. (in Russian).
8. Shklyar V. I. *Publitsistika i khudozhestvennaya literatura: produktivno-tvorcheskaya integratsiya* [Publicism and fiction: productive and creative integration]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kiev, 1989. 52 p. (in Russian).
9. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963. 255 p. (in Russian).
10. Varustin L. E. *Vroven' s geroem* [Equally with the hero]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 107 p. (in Russian).
11. *Putin segodnya* [Putin today]. Available at: <https://www.putin-today.ru/archives/2381> (accessed 15 March 2018) (in Russian).
12. *Rossiyskaya Gazeta*. Available at: <http://www.rg.ru/2014/03/26/sigal.html> (accessed 15 March 2018) (in Russian).
13. Cherepakhov M. S. *Rabota nad ocherkom* [MS Turtles Work on the essay] Moscow, Izd-vo MGU, 1966. 95 p. (in Russian).
14. Grabelnikov A. A. *Rabota zhurnalista v presse* [The work of a journalist in the press]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2007. 323 p. (in Russian).
15. *Andrey Kondrashov*. Available at: <http://www.rg.ru/2015/03/17/kondrashov.html> (accessed 15 March 2018) (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Котаева А. Р. Очерки в прессе и на ТВ: сравнительный речезанровый анализ // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 294–299. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-294-299>

For citation

Kotaeva A. R. Comparative Analysis of Newspaper and TV Essays. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 294–299 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-294-299>

Поступила в редакцию: 25.10.2018 / Принята: 15.12.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 25 October 2018 / Accepted: 15 December 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 81'38: 004.738.5

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313>

Е. И. Горошко
Т. Л. Полякова
Харьков, Украина

Elena Ig. Goroshko
Tatyana L. Poliakova
Kharkov, Ukraine

Инстаграм как жанр 2.0
(на примере политической коммуникации)

В работе рассматриваются вопросы исследования нового направления языкознания – лингвистики 2.0, одним из областей исследования которого является анализ цифровых жанров – жанров 2.0. Основываясь на основных параметрах структурирования жанрового пространства политического дискурса, представлен анализ жанра Инстаграм в сфере политической коммуникации.

Структурное оформление аккаунта в исследуемом жанре содержит как элементы, которые автоматически вводятся программным обеспечением, так и элементы, являющиеся результатом деятельности автора – фото- и видеоматериалы, комментарии к ним.

Основной целью Инстаграма в сфере политической коммуникации является возможность индивидуальной самопрезентации и возможность обратиться к большой аудитории, что делает Инстаграм эффективным инструментом в процессе формирования политического имиджа и позволяет выделить следующие функции коммуникации: функцию воздействия, апеллятивную, информативную, коммуникативную функции, личный бренд кандидата и др.

В жанре Инстаграма в сфере политической коммуникации представлена эксплицированная форма представления авторства. Отличительной чертой Инстаграма является массовый адресат. Сообщения адресата представляют собой главным образом его комментарии на фото- и видеоматериалы, опубликованные автором. Этому жанру присуща монотематичность, на что указывает использование тематических слов, основными характеристиками которых являются краткость и репрезентативность. Отличительной особенностью Инстаграма является одновременно синхронный и асинхронный характер коммуникации. Параметр места связан с понятием сферы использования жанра. Так, жанр Инстаграма, использующийся в сфере политической коммуникации, отличается, главным образом, к институциональному дискурсу, который используется в политической сфере, и – в меньшей степени – в сфере бытовой межличностной коммуникации.

Набор жанров, реализующийся в социальных медиа, предписывает коммуникантам определенные

Instagram as Genre 2.0
(Political Communication Case)

The paper focuses on the research issues of a new field of linguistics – linguistics 2.0, one of the areas of study of which is the analysis of social media genres – genres 2.0. Taking into account basic parameters of structuring the genre space of political discourse, the analysis of the genre Instagram in the field of political communication is presented.

The structural design of the account in the genre contains both the elements that are automatically entered by the software, and the elements that are the result of the author's activity – photos and video materials, comments to them.

The main purpose of Instagram in political communication provides the possibility of realizing individual self-presentation and the ability to appeal to a large audience, which makes Instagram an effective means of cultivating a political image and makes it possible to distinguish the following communication functions: persuasive, appellative, informative, communicative functions, personal branding and others.

In Instagram in the field of political communication, an explicit form of presenting authorship is revealed. The mass addressee presents one of main Instagram particularities. The messages of the addressee are mainly his/her comments on the photos and videos published by the author. The genre is characterized by monothematic nature which is proved by the use of thematic words, the main characteristics of which are brevity and representativeness. A distinctive feature of Instagram is both synchronous and asynchronous mode of communication. Such parameter as place is associated with the field of the genre use. Instagram used in the field of political communication relates mainly to institutional discourse, which is used in the political sphere, and – to a lesser extent – in the sphere of everyday interpersonal communication.

A set of genres realized in social media dictates certain norms of communicative behavior and, at the same time, is influenced by the personality producing the discourse. The result of this interaction is a unique selection of linguistic means allowing the implementation of the genre form, which comes from the strategies and tactics of speech behavior and which is typical of both paper and digital genres, including genres 2.0.

нормы коммуникативного поведения и одновременно испытывает влияние личности, продуцирующей дискурс. Результатом подобного взаимодействия является уникальный выбор речевых средств реализации жанровой формы, который продиктован стратегиями и тактиками речевого поведения, что характерно как бумажным жанрам, так и интернет-жанрам, включая жанры 2.0.

Ключевые слова: лингвистика 2.0, интернет-жанр, жанры 2.0, Инстаграм, интернет-коммуникация, политическая интернет-коммуникация.

Keywords: linguistics 2.0, digital genre, genres 2.0, Instagram, Internet-communication, political Internet-communication.

Сведения об авторах: Горошко Елена Игоревна, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка.

Место работы: Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина.

E-mail: olena_goroshko@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-0235-6839>

Полякова Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языковой подготовки.

Место работы: Харьковский национальный технический университет сельского хозяйства им. П. Василенко, Украина.

E-mail: tatyana_kharkov@outlook.com

<https://orcid.org/0000-0002-3353-2228>

About the authors: Goroshko Elena Igorevna, Doctor of the Philology, Doctor of the Sociology, Professor, Chairholder of Cross-cultural and Foreign Languages Department.

Place of employment: National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Ukraine.

E-mail: olena_goroshko@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-0235-6839>

Polyakova Tatyana Leonidovna, Candidate of the Philology, Associate Professor, Chairholder of the Department of Language Training.

Place of employment: Kharkiv Petro Vasylenko National Technical University of Agriculture, Ukraine.

E-mail: tatyana_kharkov@outlook.com

<https://orcid.org/0000-0002-3353-2228>

В современной лингвистике понятие «жанр» рассматривается с позиций нескольких направлений: функциональной лингвистики, риторики, прагматики, критического дискурсивного анализа и некоторых других дисциплин [1: 7]. С развитием интернет-технологий и появлением таких направлений, как компьютерно-опосредованное общение и интернет-лингвистика, проблема уже изучения цифрового жанра стала достаточно актуальной и именно ей практически посвящен весь мейнстрим работ и исследований в этой области за последние несколько лет [2].

Также по мере развития интернет-технологий и появления социальных медиа особую актуальность приобрело такое направление исследований, как лингвистика 2.0, включая анализ цифровых жанров, обслуживающих социальные медиа, которые обычно определяют как жанры 2.0 [3]. Именно это направление изучает жанрообразование и особенности функционирования жанров в сети Фейсбук, Твиттере, Инстаграме или в Телеграме [4].

Исходя из анализа употребления термина жанр в лингвистике, включая и термин жанр 2.0, под ним, как правило, понимают традиционное использование устойчивых групп высказываний, которые реализуются в рамках некоторых паттернов (схем употребления)

и соответствуют достижению некоторых коммуникативных целей [4]. Интернет-среда, в которой функционирует жанр, придает в силу особенностей электронного канала передачи информации и собственной структуры только ряд характерологических особенностей – мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, высокую креолизованность текста и прочее.

Однако при всем разнообразии лингвистических направлений, в которых изучается как жанр, так и жанр 2.0 все еще невыясненными остается ряд следующих вопросов:

- во-первых, описание составляющих жанра, т. е. какие именно категории являются системоцентрическими в жанрообразовании?
- во-вторых, как они компонуется, и как на этот процесс влияет тип дискурса и контекст использования?
- в-третьих, какие жанрообразующие характеристики являются традиционными и четко определяемыми, а какие размыты? Что такое традиционные характеристики, которые типизируют данный жанр, и сколько категорий в жанровых классификациях могут быть нечетко определяемыми и допускают «размытость», двоякость толкования?

И, наконец, говоря о типологии жанров, что наиболее важно в определении жанра – коммуникатор или аналитик [4]?

Если провести теоретический анализ работ в области жанроведения – как традиционного, так и цифрового (дигитального, электронного, виртуального, интернет-жанра (в рамках данной работы приведенные определения рассматриваются как синонимические)), то к настоящему моменту можно выделить пять направлений:

- 1) жанр как подвижная макроструктура;
- 2) жанр как абстракция;
- 3) жанр и ситуационный контекст;
- 4) функционирование жанра в социальном контексте;
- 5) жанр и межличностные роли [4: 93–95].

Например, если мы рассматриваем жанр как некую абстракцию, то здесь жанр выступает как определенный кластер условных и предсказуемых способов целенаправленной коммуникативной деятельности, вытекающих из неких императивов, которые обусловлены постоянно меняющимися социально-культурными ситуациями. При данном подходе сохраняется динамическое соотношение между функциональной и лингвистической сторонами жанров и со временем функции реализуются во все более стабильной агломерации формы [5]. В этом направлении жанр рассматривается как весь «спектр» изменений от высоко предсказуемых транзакционных текстов до менее предсказуемых интеракционных, реализуемых в определенный момент речи при определенном контексте. Здесь для изучения жанра используются различные исследовательские процедуры и методология [6, 7].

Если мы проанализируем соотношение понятия жанр и ситуационный контекст, то увидим, что жанры активируют определенные ситуационные контексты и реализуются в этих же контекстах. Здесь предполагается, что надо быть постоянно «в жанре» и вносить определенный дискурсивный вклад в его развитие. Если взять контекст политических коммуникаций, то тут отслеживается активизация ситуационного контекста и его реализация. И это две аналитические попытки потенциально различного масштаба. Контексты обычно активируются посредством относительно стабильных и предсказуемых языковых форм, и они действительно могут быть реализованы через некие условные формы, которые могут отличаться от типичных особенностей жанра. Например, инаугурация президента США будет немедленно идентифицирована по использованию в его речи определенных составляющих: благодарности предшественнику,

выражения следовать его определенным убеждениям и идеалам и прочее [8]. Но, в принципе, в этой речи может быть и совсем иное, тоже обусловленное контекстом, например, попытка отстроиться от предшественника, построить свою собственную политическую идентичность и прочее.

Подход к жанру как подвижной макроструктуре предполагает, что как при монологе, так и диалоге существуют как обязательные, так и необязательные элементы («этапы»). Например, новостной пресс-релиз состоит обычно из заголовка, лида, где описывается сжатое развитие ситуации, и дальше идут уже блоки, уточняющие описываемое событие. И количество и структура этих блоков может быть различна, что определяется именно как ее гибкость.

Чем более гибко работает макроструктура при размещении новой темы и подфункций, которые они несут, тем ниже становится уровень общности [9, 10] при описании макроструктуры как жанра; одновременно возникают субжанры, которые нуждаются в собственных аналитических описаниях.

Функционирование жанра в социальном контексте рассматривает жанровые отношения в социальной сфере. Как может показаться на первый взгляд, разные жанры могут быть связаны с другими жанрами в определенном типе социальных коммуникаций. Если взять научную коммуникацию [11–13] или юридическую [14], то там некоторые жанры «сосуществуют» как бы рядом друг с другом, параллельно, никогда не пересекаясь. Например, «статья» и «обзор» – это два отдельных жанра в научных коммуникациях. И функции, которые выполняют эти жанры, достаточно разные. Так, статья, как правило, призвана представлять оригинальные авторские идеи, традиционная функция обзоров заключается в составлении некоего резюме, выжимки основных идей, предложенных другими [5].

В жанре могут определяться и межличностные роли, т. е. использование конкретных языковых форм участником жанра имеет тенденцию отражать и укреплять его или усиливать идентичность и отражать ту роль, которую один участник выполнял, выполняет и может продолжать выполнять во взаимодействиях с другими участниками.

Необходимо заметить, что на характеристики жанра также сильное воздействие оказывает тип социальных коммуникаций или в каком дискурсе они функционирует – образовательный, политический, организационный и прочее.

Наиболее всесторонне вопрос изучения жанров в политической коммуникации был проведен в работах Е. И. Шейгал. Так, в кни-

ге «Семиотика политического дискурса» она предлагает следующие параметры структурирования жанрового пространства политического дискурса:

- параметр институциональности;
- субъектно-адресатные отношения;
- социокультурный параметр;
- событийную локализацию;
- параметр полевой структуры;
- параметр функциональной структуры [15].

По степени институциональности жанры политической коммуникации могут быть распределены таким образом, что на одном полюсе представлена межличностная (приватная) коммуникация, а на другом – институциональная (публичная). По мнению Е. И. Шейгал, признак официальности/неофициальности следует рассматривать в двух ракурсах: статусно-ситуативном и лингвистическом. В первом из этих аспектов для характеристики типа общения важно, являются ли партнеры по коммуникации носителями статусного индекса (представителями политических институтов) или выступают как личности, представляющие в общении лишь самих себя. Помимо сохранения и нейтрализации статусного индекса, Шейгал обращает внимание на фактор хронотопы (ср.: дискуссия двух политиков в зале заседаний во время парламентских слушаний, продолжение общения на ту же тему во время перерыва в коридоре и обсуждение этой дискуссии каждым из них в кругу семьи по окончании рабочего дня). Ученая классифицирует также жанры политического дискурса по параметру «тип политического субъекта», где мы можем указать на адресатную амбивалентность таких лозунговых жанров, содержание и интенция которых могут быть заданы как со стороны власти, так и со стороны электората: *листовка, плакат, граффити* [15]. Проведенный анализ предвыборного дискурса показывает, что в политической коммуникации присутствуют следующие жанровые формы: *комментарии текущих событий, телевизионные ролики-презентации партии и политиков, теледебаты, митинг, партийный форум, встреча с избирателями, интернет-дневник, интернет-пресс-конференция*, освещение политически значимых событий через *статусы в социальных медиа*. Как показывают результаты исследования, каждый гипержанр предвыборного дискурса поддается членению на меньшие по объему жанры, повторяя его специфику. Так, гипержанр «встреча с избирателями» включает в себя такие жанры, как «самопрезентация», «постановка задачи», «способ разрешения проблемы», «негативные последствия иного способа решения проблемы» и «дальнейшее руководство к действию».

По характеру ведущей интенции, опираясь на введенную в научный оборот триаду «интеграция – ориентация – агональность», характеризующую политический дискурс как таковой, Е. И. Шейгал предлагает выделять: 1) ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиобращение), в которых доминирует фатика интеграции; 2) ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, манифест, конституция, послание президента о положении дел в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [16].

Практически все вышесказанное может быть отнесено к анализу и категоризации онлайн-жанров, однако в силу технологических возможностей интернет-среды и особенной *культуры соучастия* (англ.: *participative culture*), тут появляются некоторые новые их характеристики, которые обуславливают актуальность нашего исследования и собственно составили предмет этой работы. Если взять политические интернет-жанры, то здесь, на наш взгляд, интересно посмотреть, как жанровая теория политического дискурса трансформируется в среде социальных медиа. Поэтому особое направление составляет и функционирование жанров 2.0 в рамках политических коммуникаций, что и стало предметом нашего изучения на примере социальной сети Инстаграм, одной из наиболее популярных сетей мира (около 1 млрд активных пользователей ежемесячно) [17].

Материалом данного исследования послужили 127 публикаций, собранных в период с 1 февраля по 30 апреля 2018 года с официальных домашних страниц пяти из наиболее популярных (по количеству последователей) в социальной сети Инстаграм мировых политических деятелей, которые были выбраны на основании данных, полученных с сайта *Most-followed political figures on Instagram worldwide as of January 2018* [18].

Согласно полученным результатам, одними из наиболее популярных в Инстаграме политическими деятелями на январь 2018 года являются:

- Барак Обама – 44-й президент США (17,2 млн подписчиков);
- Нарендра Моди – премьер-министр Индии (12,7 млн подписчиков);
- Дональд Трамп – 45-й действующий президент США (8,7 млн подписчиков);
- Рания аль-Абудалла – королева Иордании (4,4 млн подписчиков);

- Хиллари Клинтон – американский политик, член Демократической партии (4,1 млн подписчиков).

В зарубежной и отечественной лингвистической литературе можно встретить большое разнообразие различных классификаций интернет-жанров, которые основываются на различных критериях, проблема выделения которых стала одной из наиболее актуальных в современной теории жанров.

Итак, интернет-жанры характеризуются наличием определенных жанрообразующих признаков, среди которых исследователями выделяются следующие: тематический признак, коммуникативная цель, модель автора и адресата, языковое воплощение жанра, сфера общения, режим синхронного/асинхронного времени, форма объективации (близость к письменному или устному тексту), диалог /полилог, композиция. Описанные признаки во многом определяют композиционное построение текста. Также предлагается особо выделить такие стилевые черты речевого жанра, как субъективность, оценочность, нестандартизированность [19: 35–36].

В зарубежной литературе предлагаются различные параметры описания интернет-жанров, однако к основным параметрам исследователи относят: коммуникативную цель; структуру функционирования [20: 17, 21, 22]; риторические стратегии (вербальные и визуальные) [21]; гипертекстовость [23: 2]; содержание [20: 17, 22]; концепцию автора и адресата; темпоральные ограничения на существование жанров, локальные параметры существования жанра [22]; функциональность [20: 17].

Проанализировав и обобщив результаты исследований, Л. Ф. Компанцева представила следующие критерия выделения и параметры анализа интернет-жанров: коммуникативная цель; концепция адресанта; концепция адресата; событийное содержание; фактор коммуникативного прошлого; фактор коммуникативного будущего и языковое воплощение; ситуация общения; оппозиция *узус/норма* в коммуникативной организации речевого жанра; коммуникативный регистр дискурса; оппозиция *информативная – фатическая речь*; этнокультурная представленность речевого жанра; реализация в структуре гипертекста; использование гипертекстового визуально-слухового компонента; возможность глобального интерактивного развития жанра [24: 207–208].

Однако учитывая, что жанры интернет-коммуникации имеют многопризнаковую природу и находятся в постоянном развитии (с учетом скорости развития интернет-технологий), наибольший интерес представляет комплексная модель интернет-жанра, представленная

Л. Ю. Щипициной. Данная модель включает в себя следующие параметры:

- *медийные параметры*, к которым исследовательница относит оформление жанра, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, синхронность, количество и эксплицированность коммуникантов;
- *прагматические параметры*, характеризующие ситуацию использования жанра (коммуникативная цель, тип автора, тип адресата, хронотоп);
- *структурно-семантические параметры*, предполагающие описание содержания текста конкретного жанра и в каких структурных элементах оно воплощено;
- *языковые параметры*, к которым относятся конкретные языковые средства, используемые в создании текстов различных жанров [25: 27–63].

Проанализировав существующие параметры описания интернет-жанров, в основу анализа жанра *Инстаграм*, который мы определяем как интернет-жанр, обеспечивающий общение с помощью интернет-сервиса Инстаграм и основной коммуникативной единицей которого является фотография, в англоязычной политической интернет-коммуникации были положены наиболее общие для большинства интернет-жанров параметры, которые также являются характерными для жанра Инстаграм. Так, жанрообразующими параметрами исследуемого жанра являются:

- структурное оформление домашней страницы пользователя;
- цель;
- концепция автора;
- концепция адресата;
- тематика сообщения;
- время;
- место.

Также большое значение имеет анализ языковых/неязыковых средств оформления публикаций в жанре Инстаграм.

Итак, *структурное оформление* аккаунта, формально-структурные черты которого являются важными идентификаторами интернет-жанра Инстаграм, является важным параметром, отличающим его от других жанров интернет-коммуникации.

Домашняя страница пользователя в Инстаграме содержит как элементы, которые автоматически вводятся программным обеспечением, не зависят от пользователя и которые можно назвать обязательным признаком данного жанра, так и элементы, которые являются результатом деятельности автора публикации.

Языковое и неязыковое оформление любого сервиса в значительной степени определяется характером коммуникации в сети

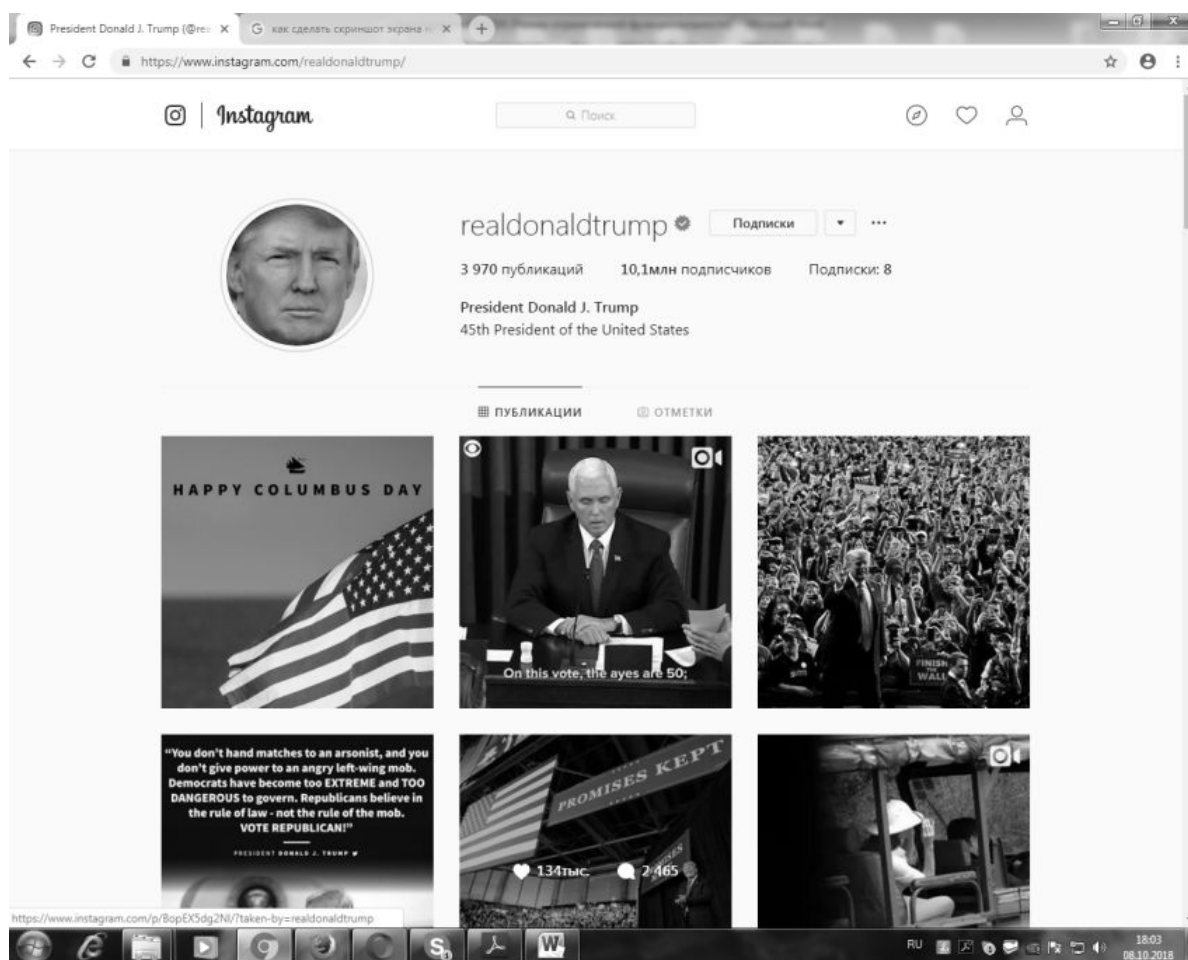
Интернет в целом и в конкретном сервисе в частности. Так, основная цель социального сервиса Инстаграм в сфере политической коммуникации заключается в возможности индивидуальной самопрезентации и самовыражения, возможности обратиться к большой аудитории и информировать о событиях в своей личной жизни, жизни других людей и мира в целом, что в исследуемом жанре реализуется главным образом посредством публикации фото- и видеоматериалов и комментариев к ним.

Таким образом, лингвистический дизайн Инстаграма, включающий в первую очередь фото- и видеоматериалы, а также вербальные средства, процент которых в данном жанре ограничен, является именно тем средством, которое обеспечивает эффективный обмен информацией и представление знаний. Учитывая специфику коммуникации в сети (влияние технологий, гипертекстовая форма представления информации и т. д.), важность использова-

ния невербальных компонентов (иконические элементы, элементы программы, графические элементы, цветовой фон страницы), которые способствуют воздействию на психофизическое состояние коммуникантов, установлению контакта между пользователями и таким образом повышают успешность коммуникации, выходит на первый план.

Основными рубриками, из которых состоит домашняя страница пользователя Инстаграма, являются, главным образом, различные навигационные ссылки, примеры которых представлены на рисунке:

- ссылка, позволяющая попасть на страницу, где располагается лента публикаций – фото- и видеоматериалы тех пользователей, на получение материалов которых вы подписаны. Данные материалы обновляются в режиме реального времени и включают в себя информацию о данных пользо-

Домашняя страница в Инстаграм Д. Трампа
Instagram Homepage of D. Trump

вателей, авторские комментарии к ним, комментарии других пользователей;

- поисковая система интересующих вас пользователей или фотографий;
- ссылка на страницу, где размещаются наиболее интересные и популярные на данный момент публикации различных пользователей, на получение материала от которых вы можете подписаться;
- аватар пользователя (фотография или абстрактная картинка);
- личная информация о пользователе;
- навигационная ссылка на страницу, где представлены пользователи, подписанные на получение ваших публикаций;
- представление ваших подписок;
- ссылка на страницу, где представлена информация о вашей ленте – ваши новые подписчики, новые комментарии и т. п.

Вышеперечисленные особенности Инстаграма позволяют выделить его основные характеристики, к которым относятся:

- высокий уровень *интерактивности* [26: 165] – данное приложение для обмена фото- и видеоматериалами с элементами социальной сети позволяет снимать фотографии, видео и распространять их как через свой сервис, так и через ряд других социальных сетей. Оставляя материалы на сайте, пользователи формируют публично доступную ленту публикаций, что также повышает уровень интерактивности данного сервиса и является отличительной жанровой характеристикой Инстаграма. О высокой интерактивности жанра говорит также тот факт, что нажав на тематическое слово, обозначенное знаком хэштег (#) (например, #MAGA, #TeamUSA), можно попасть на страницу, где представлены публикации, посвященные определенной тематике, обозначенной данным тематическим словом;
- высокая *оперативность*, позволяющая пользователю начать публиковать материалы в Инстаграме сразу же после регистрации;
- высокий уровень *мультимедийности* – параметр, представляющий собой одновременное использование в процессе коммуникации как фотографий, видеoinформации, анимации, графических элементов, так и вербального текста, состоящего из слов и предложений;
- наличие удобной поисковой системы по имени пользователей;
- возможность общения как в синхронном, так и в асинхронном режиме;
- *креолизованный характер* коммуникативного дизайна Инстаграма, когда реализация жанра происходит одновременно

на нескольких уровнях – вербальном и визуальном, причем визуальная составляющая является первичной [26: 159–160].

Следующим жанрообразующим параметром Инстаграма в сфере политической коммуникации является *цель*. Каждая сфера коммуникации характеризуется преваляцией в ней определенных коммуникативных функций, что обусловлено задачами данной сферы.

Многие современные политики используют данный сервис как достаточно эффективный инструмент в процессе формирования своего политического имиджа. Выкладывая в сеть информацию, касающуюся своей политической деятельности, личной жизни и др., умело контролируя ее, политикам удается поддерживать контакт с избирателями и привлекать новый электорат.

Таким образом, можно отметить, что основной целью и неразрывно связанными с ней функциями коммуникации в исследуемом жанре является *функция воздействия*. «На современном этапе развития общественно-политической жизни общества в политической коммуникации политики и государственные деятели для оказания воздействия на последователей прибегают к новым коммуникативным технологиям. Актуализация функции воздействия в политической коммуникации достигается за счет употребления не только вербальных, но и специфических невербальных средств» [27]. К основным средствам воздействия в жанре Инстаграм можно отнести использование именно невербальных средств – фотографий и видеороликов, в то время как употребление вербальных средств выходит на второй план, что говорит об уникальности данного жанра.

С функцией воздействия неразрывно связана *суггестивная функция*, поскольку Интернет представляет собой важное средство в целенаправленном воздействии для формирования общественного мнения [28: 158], и *апеллятивная функция*, посредством которой адресант побуждает адресата к принятию конкретной установки и совершению определенного действия [29: 109].

Данные функции играют первостепенную роль в исследуемом жанре, т. к. способствуют формированию общественного мнения, что является особенно актуальным во время проведения предвыборных кампаний.

Неменьшую нагрузку в жанре Инстаграм несет *информативная функция*, поскольку публикуя фото- и видеоотчеты о своей профессиональной деятельности, интересные моменты из жизни семьи, занятий любимым делом и т. п., политические лидеры не только повышают свой политический имидж, но и делают Инстаграм эффективным инструментом информирования пользователей о про-

исходящих в политической жизни общества событиях. Таким образом, данный жанр можно рассматривать как мощный альтернативный источник информации, как средство получения и распространения информации, что особенно важно в период проведения предвыборных кампаний. И, в принципе, это может быть выделено как еще одна дополнительная функция в данном политическом жанре – *личностный брендинг кандидата*, делая именно аккаунт в Инстаграме эффективным инструментом продвижения политика в электоральном поле.

Рассматривая коммуникативные функции жанра Инстаграм в сфере политической интернет-коммуникации, нельзя не упомянуть *культурообразующую функцию* [28, 30], поскольку появление Инстаграма привело к возникновению своеобразного сетевого сообщества, члены которого объединяются в группы по интересам, регулярно следуют за публикациями интересующих их пользователей, оставляют к ним комментарии.

Говоря о жанре Инстаграм также можно упомянуть *эстетическую функцию*, т. к. Интернет в целом и Инстаграм в частности являются важной средой реализации творческого потенциала [28: 157–158, 30]. Создавая фотографии, автор не просто передает какой-то момент своей жизни, обстановку или настроение. Посредством фотографий пользователи могут передать свое душевное состояние, надежду, боль, радость, создавая определенный эмоциональный фон своему коммуникативному поведению.

Публикацию фотографий и видеоматериалов также можно отнести к важному средству, повышающему эмоциональность высказываний, что указывает на *экспрессивную функцию* в жанре Инстаграм, подчеркивающую отношение политика к обозначаемым явлениям действительности, событиям, которые являются предметом дискуссии в исследуемом жанре.

Одной из важных функций Инстаграма является *коммуникативная функция*, т. к. политическая коммуникация, протекающая в сети Интернет, представляет собой эффективное средство для установления контакта с аудиторией и оказания определенного языкового воздействия (убеждения, аргументации и т. д.) для достижения различных, в том числе и идеологических целей [28: 157–158, 30].

Следующий жанрообразующий параметр Инстаграма «*образ автора*» представляет собой параметр текстообразования, формирующий его лингвистические и экстралингвистические факторы [31: 253].

Выбор автором языковых средств, стилистических приемов, стратегий и тактик ведения коммуникации в условиях новой коммуникативной среды, которой стал Интернет,

обусловили необходимость переосмысления и дальнейшего исследования всех составляющих процесса коммуникации, в том числе и автора, который является важным параметром, используемым при описании интернет-жанров, включая и жанр Инстаграм.

В разных типах интернет-жанров обнаруживаются разные формы представления авторства, что обусловлено общими характеристиками жанра, сферой его использования и целями коммуникации. Эти формы могут быть как личностными, так и безличностными, другими словами, личность автора может быть эксплицированной или неэксплицированной.

Жанру Инстаграм в сфере политической коммуникации присуща полностью эксплицированная форма представления авторства, когда публикации представлены конкретным политическим деятелем. На главной странице профиля автора представлен аватар пользователя, который в жанре Инстаграм в политической сфере практически всегда представляет собой фотографию политического деятеля. В профиле представлено реальное имя политика, перед которым может указываться должность (Barack Obama, Narendra Modi, President Donald J. Trump, Queen Rania Al Abdullah, Hillary Clinton). Кроме того, сам ник также указывает на личность политического деятеля, т. к. в большинстве случаев ник в исследуемом жанре совпадает с реальным именем политического лидера. Нами было зафиксировано два способа подачи ника политического деятеля:

- ники, содержащие имя и фамилию политика (barackobama, narendramodi, hillaryclinton);
- ники, где вместе с именем политика указывается его должность или статус (queenrania);
- ники, где перед именем политического деятеля стоит описательное прилагательное (realdonaldtrump).

Таким образом, можно отметить, что наиболее частотны группы, где представление имени и ника реализуется путем использования имени и фамилии пользователя.

Эксплицированность автора также достигается с помощью короткой самопрезентации, на которую отводится 150 символов и где может быть представлена информация о личности политика, его деятельности, статусе, месте жительства, работе, увлечениях и т. д. (*Queen Rania Al Abdullah A mum and a wife with a really cool day job* twitter.com/queenrania).

В целом можно отметить, что комментариям к фото- и видеофрагментам политической сферы присущи краткость, конкретность, логичность изложения, когда на способ организации речи накладывает отпечаток и личность

каждого отдельного политического деятеля и становится возможным говорить об индивидуальной стилистической манере каждого автора. Так, в текстах отмечено использование политиками графического выделения предложений заглавными буквами, множественное написание знаков препинания, использование эмоциональных эпитетов, которые необходимы, чтобы привлечь внимание адресата, повысить эмоциональную окраску сообщения. Таким образом, в исследуемом жанре можно говорить о категории персональности, которая проявляется в тексте как выраженность «...авторского или личностного начала и является одной из важнейших общетекстовых категорий, реализующейся во всех типах текстов» [32: 221].

Следующим важным параметром, используемым при описании жанра Инстаграм, является *концепция адресата*. Данный параметр тесно связан с коммуникативной целью и концепцией автора, поскольку «...при создании любого текста автор сознательно или бессознательно ориентируется на определенную группу читателей» [32: 224]. В сфере политической коммуникации выделяют три основных адресата – политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население). По количественному критерию разграничивают массовый, групповой и индивидуальный адресат [33: 75]. Как показывает анализ, для политической интернет-коммуникации в целом наиболее характерен массовый и, реже, групповой адресат. Если же говорить об интернет-жанре Инстаграм, то его отличительной чертой является именно массовый адресат, поскольку Интернет относится к тем средствам массовой информации, отличительной чертой которых является технический канал коммуникации, позволяющий осуществлять обращение к широкой аудитории с целью донести необходимую информацию и осуществить воздействие.

В жанре Инстаграм сообщения адресата представляют собой главным образом его комментарии на фото- и видеоматериалы, опубликованные автором, а также это может быть обмен сообщениями между несколькими адресатами, посвященный обсуждению данной проблемы.

Согласно исследованию, одной из особенностей стиля адресата стал ярко выраженный аграмматизм, который проявляется:

- в пренебрежении знаками пунктуации (*Nice Everthing goin be allright. SCXOVP*);
- широком употреблении буквенно-слового написания слов (*u – you*);
- использовании эллиптических предложений (*praying for you and that other emoji was supposed to be a sad face*).

Подобное пренебрежение правилами грамматики, пунктуации и орфографии можно объяснить тем фактом, что интернет-жанр Инстаграм отличает синхронно/асинхронный характер коммуникации. В данном случае проявляется принцип экономии времени и усилий при написании сообщений.

Еще одной важной характерной чертой сообщений адресата является их повышенная эмоциональность, которая проявляется:

- в разговорной направленности лексических единиц (*Hey Trump, did you know that is Africa people are dying everyday due to lack of clean and safe drinking water?*);
- использовании множественного написания знаков пунктуации, а также в употреблении серии вопросительных или восклицательных предложений (*That's right republic!!!*);
- написании слов и предложений большими буквами (*WHY IS THIS GUY STILL IN OFFICE!*);
- множественном написании букв в словах (*ohhh syu. cann uu seee*);
- частом использовании эмодзи, картинок и др.

Целью использования подобных лексических и графических средств в жанре Инстаграм, который используется в сфере политики, является желание пользователей создать иллюзию близких и доверительных отношений с политическими деятелями, причастности к их деятельности. Кроме того, в силу письменной формы коммуникации в исследуемом жанре, данные средства создают имитацию различных просодических явлений, например, особой силы эмоции, интонации, повышенного тона и т. п., которые хочет передать пользователь.

С вышеперечисленными параметрами тесно связана *тематика публикаций* [22, 24, 25, 34], представляющая собой «...предмет обсуждения в тексте, номинативно выраженное содержательное ядро целого текста, сопоставимое с авторским замыслом в целом.... Тема семантически конкретна в каждом отдельном тексте, хотя в зависимости от повторяемости ситуаций общения и встречаемости в большом количестве текстов выделяются типичные темы» [31: 542]. Типичной темой в жанре Инстаграм при использовании его в сфере политической коммуникации является, безусловно, политика, т. е. тематика данных публикаций отличается монотематичностью. Так, около 93% всего проанализированного корпуса публикаций (78% – фотографии, 22% – видеоматериалы) посвящены политической тематике – выступления политическими лидерами, их встречи с главами других государств и другими политическими деятелями, фотографии с поездок и т. п. И только около 7% матери-

алов посвящены другим темам – фотографии семьи, природы и др.

На превалирование политической тематики в исследуемом жанре также указывает использование тематических слов, обозначенных знаком хэштег (#). Так, использование тематических слов отмечено в 67% комментариев к публикациям. Как показало исследование, большинство тематических слов так или иначе связаны с политической тематикой. К наиболее популярным из них относятся: #TeamTrumpBTS, #Repost, #USA, #MAGA, #TeamUSA и др.

Целью подобных тематических слов в жанре Инстаграм, в том числе и при его использовании в сфере политики, является возможность указать тематику публикации, а также перейти на ленту сообщений, где предметом обсуждения является этот конкретный вопрос. Подобное функциональное использование тематических слов является характерной чертой многих интернет-жанров, в том числе и жанра Инстаграм.

Было отмечено, что одной из основных характеристик тематических слов является *краткость*, поскольку большая их часть (66%) представляет собой одноосновные (#France, #florida, #Spring, #Champions, #Repost) – около 35% и двухосновные слова (#TeamUSA, #WoundedWarriors, #DonaldTrump, #lawenforcement, #WhiteHouse) (31%). Также выделяют трехосновные слова (#TeamTrumpBTS, #realdonaldtrump, #HolocaustRememberDay, #CrisisNextDoor); аббревиатуры (#MAGA, #USA, #POTUS, #tbt, #MLK50); числительные (#2017, #2018).

Еще одной характеристикой тематических слов является их *репрезентативность*, которая обусловлена тем, что данные слова обычно передают суть обозначаемого ими вопроса. Кроме политической направленности, тема публикаций может быть посвящена другим вопросам, входящим в круг интересов политического деятеля, например, проблемам образования, здравоохранения, экологии, спорта, религии и др.

Следующий параметр, который используется нами при описании жанра Инстаграм – это категория *времени* [22, 24, 25, 34]. «Каждый РЖ в виртуальном проявлении обладает определенной пространственно-временной организацией. Эта организация многомерна, потому что интерактивна» [24: 279].

Так, отличительной особенностью исследуемого жанра является одновременно синхронный и асинхронный характер коммуникации, т. е. пользователи могут как «...одновременно находиться в сети. В таком случае они получают сообщения в момент их создания автором и могут сразу же среагировать на них»

или же «...коммуниканты могут получать и читать сообщения в любой удобный им момент. Для этого они не обязаны находиться в сети в момент создания сообщения» [35: 75–76], в данном случае можно говорить о неограниченном во времени характере коммуникации.

Соединяя синхронный и асинхронный характер коммуникации, жанру Инстаграм присущи признаки как устной речи, так и письменной.

Что касается сходств данного жанра как синхронного интернет-жанра с устной речью, то они касаются в основном времени осуществления коммуникации, а также таких параметров, как диалогичность, что проявляется в возможности другим пользователям оставлять комментарии на фото- и видеоматериалы автора, а также возможность обмена сообщениями между самими адресатами; эмоциональность коммуникантов, проявляющаяся в частом использовании эмодзи и других изображений как со стороны автора, так и со стороны адресата; ситуативная зависимость, незафиксированность темы. Говоря о сходстве жанра Инстаграм как асинхронного жанра с письменной речью, можно отметить такие его признаки, как, например, публичность, монологичность, ситуативная независимость, зафиксированность темы, ограниченность визуально-печатным каналом [35: 80, 36].

Следующий момент при рассмотрении параметра времени связан с тем, что публикация в исследуемом жанре отображает конкретный фрагмент действительности. Анализируя публикации, можно говорить об объективном времени, которое представляет собой отраженное в тексте реальное время, когда события, описываемые в тексте, связаны с реальными моментами, периодами в жизни автора, подтвержденными фото- и видеоматериалами.

Также можно говорить об объективном времени, имеющем условную точку отсчета, которой является указание в публикации времени, когда оно было создано.

realdonaldtrump #TeamTrumpBTS President Trump & French President Emmanuel Macron at the White House this week. 28 Apr

В данном примере условной точкой отсчета является указание даты, когда был опубликован материал. Эта точка является условным пунктом, от которого выстраивается темпоральная перспектива публикации. В данном сообщении говорится о встрече президента США Д. Трампа и президента Франции Э. Макрона в Белом доме «на этой неделе» и указание на дату публикации материала сразу же дает адресату представление о времени, когда происходит данное событие. Таким образом, выражение категории времени может реализовываться с помощью различных лекси-

ческих единиц, например, *Friday, April 27, 2018; this week; at last night State Dinner, this morning* и т. п.

С параметром времени тесно связан параметр *места* [22, 24, 25], говоря о котором в интернет-коммуникации обращаются к понятию сферы использования того или иного интернет-жанра [25: 48]. Так, жанр Инстаграм, использующийся в сфере политической коммуникации, относится в основном к институциональному дискурсу, который используется в политической сфере, и – в меньшей степени – в сфере бытовой межличностной коммуникации, что подтверждает выбор тематики публикаций, связанной преимущественно с деятельностью политика – информирование об участии политического лидера в различных мероприятиях, встречах с главами других государств.

Анализируя параметр места, можно также упомянуть такую категорию, как *текстовое пространство*. Одной из разновидностей текстового пространства является статическая разновидность, для выражения идеи которой используются такие лексические единицы, как «место, пространство, длина, ширина» и т. п., предлоги пространственного значения, географические термины [31: 540].

realdonaldtrump #TeamTrumpBTS President Donald J. Trump speaking with German Chancellor Angela Merkel at the West Wing Colonnade at the @WhiteHouse, Friday, April 27, 2018, in Washington, D.C.

В данном примере автор использует имена собственные (*the West Wing Colonnade, Washington, D.C*) и предлоги места (*at, in*), указывающие на текстовое пространство и иллюстрирующие статическую разновидность параметра места.

Также отмечено использование динамической разновидности (перемещение в пространстве) текстового пространства, которая также выражается с помощью вышеупомянутых лексических единиц и предлогов, однако в данном случае важную роль играют глаголы пространственного перемещения [31: 540].

narendramodi During the journey from Amman to Ramallah.

Так, в данном сообщении представлен пример динамической разновидности текстового пространства, которая выражена с помощью предлога *during*, предлогов движения *from* и *to*, пункта отправки – *Amman* и пункта назначения – *Ramallah*.

Итак, проведенный анализ показал, что набор жанров, реализующийся в социальных медиа, предписывает коммуникантам определенные нормы коммуникативного поведения и одновременно испытывает влияние личности, продуцирующей дискурс. Результатом по-

добного взаимодействия является уникальный выбор речевых средств реализации жанровой формы, который продиктован стратегиями и тактиками речевого поведения, причем это характерно как для бумажных жанров, так и для виртуальных, включая жанры 2.0.

По степени институциональности жанры в политическом секторе Инстаграма могут быть распределены таким образом, что на одном полюсе представлена межличностная коммуникация, а на другом – институциональная (публичная). При этом аккаунты политических лидеров в Инстаграме могут быть отнесены к агональным жанрам.

Структурное оформление аккаунта, формально-структурные черты которого являются важными идентификаторами интернет-жанра Инстаграм, является важным параметром, отличающим его от других жанров интернет-коммуникации. И здесь основная цель социального сервиса Инстаграм заключается в возможности индивидуальной самопрезентации и самовыражения политика, возможности обратиться к большой аудитории и информировать о событиях как частных, так и публичных, что реализуется главным образом посредством публикации фото- и видеоматериалов и комментариев к ним.

Проведенный анализ жанра позволил выделить такие характеристики, как: высокий уровень *интерактивности, оперативности, мультимедийности*, наличие удобной поисковой системы по имени пользователей; возможность общения как в синхронном, так и в асинхронном режиме.

Таким образом, можно отметить, что основной целью и неразрывно связанными с ней функциями коммуникации в исследуемом жанре, является функция *воздействия*. К основным средствам воздействия можно отнести использование именно невербальных средств – фотографий и видеороликов, в то время как употребление вербальных средств выходит на второй план, что говорит об уникальности данного жанра.

Суггестивная и аппелятивная функции также играют первостепенную роль в Инстаграме политиков, т. к. способствуют формированию общественного мнения, что является особенно актуальным во время проведения предвыборных кампаний.

Неменьшую нагрузку в жанре Инстаграм несут *информативная, эстетическая, контактоустанавливающая, культуuroбразующая, экспрессивная* функции, функция *личностного брендинга*, которые являются важным инструментом, позволяющим наиболее полно реализовать поставленные политическим лидером цели.

Также жанру Инстаграм в сфере политической коммуникации присуща полностью эксплицитная форма представления авторства, когда публикации представлены конкретным политическим деятелем.

Одновременно отличительной чертой Инстаграма является именно массовый адресат. В жанре сообщения адресата представляют собой главным образом его комментарии на фото- и видеоматериалы, опубликованные автором, а также это может быть обмен сообщениями между несколькими адресатами, посвященный обсуждению данной проблемы.

Отличительной особенностью Инстаграма является одновременно синхронный и асин-

хронный характер коммуникации, а также жанру присущи признаки как устной речи, так и письменной речи.

Проведенное исследование в целом показало, что социальные медиа являются некоей питательной средой, «кухней», в которой зарождаются и развиваются благодаря быстрому развитию технологий все новые и новые жанры, которые конвергируют характеристики как предшествующих интернет-жанров, так и бумажных предшественников. И это затрагивает все коммуникации в социальных медиа, включая и политические, которые в целом более консервативны относительно появления новых жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Okulska Ur., Cap P.* Perspectives in Politics and Discourse. Amsterdam: Benjamins, 2010. 416 p.
2. *Горошко Е. И., Павлова Л. В.* Лингвистика новых медий как один из вызовов лингвистической традиции прошлого // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 43–54.
3. *Горошко Е. И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении? // Вестник Тверского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 11–20.
4. *Горошко Е. И., Землякова Е. А.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 92–101.
5. *Giltrow J., Dieter S.* Genres in the Internet. Amsterdam: Benjamins, 2009. 294 p.
6. *Eggs S.* An Introduction to Systemic Functional Linguistics. L.: Pinter, 1994. 384 p.
7. *Coupland J.* Introduction: sociolinguistics perspectives on small talk // Small Talk. L.: Longman, 2000. P. 1–26.
8. *Cap P.* Explorations in Political Discourse. Methodological and Critical Perspectives. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. 226 p.
9. *Werlich E.* Typologie der Texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik. Heidelberg: Quelle&Meyer, 1979. 140 S.
10. *Longacre R.* The Grammar of Discourse. New York, NY: Plenum Press, 1983. 362 p.
11. *Bazerman Ch.* Shaping Written Knowledge. The Genre and Activity of the Experimental Article in Science. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1988. 358 p.
12. *Swales J.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.
13. *Valle E.* A Scientific Community and Its Texts: A Historical Discourse Study // The Construction of Professional Discourse / eds. Britt-Louise Gunnarsson, Per Linell, and Bengt Nordberg. New York, NY: Longman, 1997. P. 76–98.
14. *Bhatia V.* Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. L.: Longman, 1993. 246 p.
15. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
16. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 431 с.
17. Statista. The statistics portal. URL: <https://www.statista.com/statistics/253577/number-of-monthly-active-instagram-users/> (дата обращения: 20.07.2018).
18. Most-followed political figures on Instagram worldwide as of January 2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/788920/most-followers-instagram-politicians-world/> (дата обращения: 10.04.2018).
19. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 266 с.
20. *Ihlström C.* The Evolution of a New(s) Genre: Dr. Diss. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Göteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.
21. *Swales J. M.* Genre Analysis – English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 274 p.
22. *Yates J., Orlikowski W. J.* Genre Systems: Structuring Interaction through Communicative Norms // Journal of Business Communication. L.: SAGE Publications, 2002. Vol. 39, № 1. P. 13–35.
23. *Askehave I., Nielsen A. E.* What are the Characteristics of Digital Genres? // Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. Big Island, HI, USA, 2005, pp. 98a. URL: <https://www.computer.org/csdl/proceedings/hicss/2005/2268/04/22680098a-abs.html> (дата обращения: 16.04.2018).
24. *Компанцева Л. Ф.* Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск: Знание, 2008. 528 с.
25. *Щипуцина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
26. *Щурпина Ю. В.* Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 156–168.
27. *Нургожина А. Т., Байкадамова М. С.* Политическая коммуникация: новые коммуникативные технологии // ИЦПРОН Инновационный центр развития образования и науки, Астана, 6 июля 2015 г. URL: <http://izron.ru/articles/o-voprosakh-i-problemakh-sovremennykh-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhduna/sektsiya-22-teoriya-yazykaspetsialnost-10-02-19/politicheskaya-kommunikatsiya-novye-kommunikativnye-tehnologii/> (дата обращения: 16.04.2018).

28. Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 156–161.

29. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 1997. 165 S.

30. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

31. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.

32. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев: Вища школа, 1984. 247 с.

33. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. 256 с.

34. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4. Article 1. P. 1–37. URL: <http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761> (дата обращения: 14.06.2018).

35. Цицицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. 296 с.

36. Koch P., Oesterreicher W. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte // Romanistisches Jahrbuch. 1985. Nr. 36. S. 15–43.

REFERENCES

1. Okulska Ur., Cap P. *Perspectives in Politics and Discourse*. Amsterdam, Benjamins, 2010. 416 p.

2. Goroshko O. Ig., Pavlova L. V. Linguistics of new media as one of the challenges to the linguistic tradition of the past. *Psycholinguistic issues*, 2015, no. 24, pp. 43–54 (in Russian).

3. Goroshko O. Ig. “Tweeting” genre 2.0 Twitter or what is new in digital genre studying?. *Bulletin of Tver State University*, 2011, no. 3, pp. 11–20 (in Russian).

4. Goroshko O. Ig., Zemliakova O. A. Polyformat messenger as a genre 2.0 (in terms of Telegram instant messenger). *Speech Genres*, 2017, iss. 1(15), pp. 92–101 (in Russian).

5. Giltrow J., Dieter S. *Genres in the Internet*. Amsterdam, Benjamins, 2009. 294 p.

6. Eggins S. *An Introduction to Systemic Functional Linguistics*. London, Pinter, 1994. 384 p.

7. Coupland J. Introduction: sociolinguistics perspectives on small talk. In: *Small Talk*. London, Longman, 2000, pp. 1–26.

8. Cap P. *Explorations in Political Discourse. Methodological and Critical Perspectives*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2002. 226 p.

9. Werlich E. *Typologie der Texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik*. Heidelberg, Quelle&Meyer, 1979. 140 S.

10. Longacre R. *The Grammar of Discourse*. New York, NY, Plenum Press, 1983. 362 p.

11. Bazerman Ch. *Shaping Written Knowledge. The Genre and Activity of the Experimental Article in Science*. Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1988. 358 p.

12. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 260 p.

13. Valle E. A Scientific Community and Its Texts: A Historical Discourse Study. In: Britt-Louise Gunnarsson, Per Linell, and Brengt Nordberg (eds.). *The Construction of Professional Discourse*. New York, NY, Longman, 1997, pp. 76–98.

14. Bhatia V. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London, Longman, 1993. 246 p.

15. Sheigal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 328 p. (in Russian).

16. Sheigal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Diss. Dr. Sci. (Philol.) Moscow, 2005. 431 p. (in Russian).

17. Statista. *The statistics portal*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/253577/number-of-monthly-active-instagram-users/> (accessed 20 July 2018).

18. *Most-followed political figures on Instagram worldwide as of January 2018*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/788920/most-followers-instagram-politicians-world/> (accessed 10 April 2018).

19. Asmus N. G. *Lingvisticheskiye osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic features of the virtual communicative space]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2005. 266 p. (in Russian).

20. Ihlström C. *The Evolution of a New(s) Genre*. Diss. Dr. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Göteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.

21. Swales J. M. *Genre Analysis – English in academic and research settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 274 p.

22. Yates J., Orlikowski W. J. Genre Systems: Structuring Interaction through Communicative Norms. *Journal of Business Communication*. London, SAGE Publications, 2002, vol. 39, no. 1, pp. 13–35.

23. Askehave I., Nielsen A. E. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. Big Island, HI, USA, 2005, pp. 98a. Available at: <https://www.computer.org/csdl/proceedings/hicss/2005/2268/04/22680098a-abs.html> (accessed 16 April 2018).

24. Kompanceva L. F. *Internet-lingvistika kognitivno-pragmaticheskii i lingvokul'torologicheskii podkhody* [Internet linguistics cognitive-pragmatic and linguo-cultural approaches]. Lugansk, Znaniye Publ., 2008. 528 p. (in Russian).

25. Shchipitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk, Pomor. un-t, 2009, 238 p. (in Russian).

26. Schurina Y. V. Genre originality of the social network Instagram. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 156–168 (in Russian).

27. Nurgozhina A. T., Baykadamova M. S. Politicheskaya kommunikatsiya: novyye kommunikativnyye tekhnologii [Political communication: new communication technologies]. *Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki* [Innovative center of the development of education and science]. Astana, 6 July 2015. Available at: <http://izron.ru/articles/o-voprosakh-i-problemax-sovremennykh-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhduna/sektsiya-22-teoriya-yazyka-spetsialnost-10-02-19-politicheskaya-kommunikatsiya->

novye-kommunikativnye-tehnologii/ (accessed 16 April 2018) (in Russian).

28. Morozova O. N. Political Internet-communication: its role, functions and forms. *Political linguistics*, 2011, no. 1 (35), pp. 156–161 (in Russian).

29. Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, Erich Schmidt, 1997. 165 S.

30. Ivanov L. Ju. *Jazyk Interneta : zametki lingvisty* (The language of the Internet: the linguist notes). 2000. Available at: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (accessed 16 April 2018) (in Russian).

31. Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language, ed. M. N. Kozhina]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 696 p. (in Russian).

32. Morohovskiy A. N., Vorobyova O. P., Likhoshch-erst N. I., Timoshenko Z. V. *Stilistika angliyskogo yazyka*

[Stylistics of English]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1984. 247 p. (in Russian).

33. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 256 p. (in Russian).

34. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet* 2007, vol. 4, article 1, pp. 1–37. Available at: <http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761> (accessed 14 June 2018).

35. Shchipitsina L. Yu. *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya. Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication. Linguistic aspect of the analysis]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 296 p. (in Russian).

36. Koch P., Oesterreicher W. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte. *Romanistisches Jahrbuch*, 1985, Nr. 36, S. 15–43.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) // *Жанры речи*. 2019. № 4 (24). С. 300–313. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313>

For citation

Goroshko E. Ig., Poliakova T. L. Instagram as Genre 2.0 (Political Communication Case). *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 300–313 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313>

Поступила в редакцию: 07.10.2018 / Принята: 19.12.2018 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 07 October 2018 / Accepted: 19 December 2018 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

УДК 398.86(470)-93

ББК 82.3(2Рос=Рус)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-314-319>А. С. Киндеркнехт
Пермь, РоссияAnna S. Kinderknekht
Perm, Russia

Мирилка как жанр детского фольклора

Mirilka as the Genre of Children's Folklore

Статья посвящена мало изученному в лингвистике и фольклоре жанру мирилки как форме детского словесного творчества. Актуальность изучения речевого жанра мирилки связана с широким употреблением текстов данного жанра среди дошкольников, а также обусловлена возможностями использования мирилки в педагогических целях для формирования умения справляться с конфликтами и умения конструктивно взаимодействовать со сверстниками в игровой среде. Цель статьи – изучение мирилки как жанра фольклора и как речевого жанра с присущими ему особенностями. За мирилками в фольклоре закрепилось четкое название, позволяющее отделять мирилки от других малых форм детского фольклора. В мирилках наблюдается сложное переплетение детского и взрослого творчества. В мирилках преломляются правовые, психологические, игровые и ритуальные формы взаимоотношения людей, направленные на восстановление согласия и преодоления барьеров коммуникации. В анализе жанрообразующих признаков мирилки автор опирается на модель речевого жанра Т. В. Шмелевой, изучая коммуникативную цель, образ автора и образ адресата, образ прошлого и образ будущего, интерпретируя диктумное (событийное) содержание и разбирая особенности языкового воплощения жанра.

Ключевые слова: мирилка, жанр, речевой жанр, детский фольклор, дети, конфликт, примирение.

The article is devoted to the genre of mirilka (from the Russian «мир» – peace) as the form of the children's verbal creativity which is the byways of learning in linguistics and folklore. The topicality of the research of the speech genre of mirilka is connected with the wide use of such texts by preschoolers. Moreover, it is due to the possibility of using mirilkas in the educational process aiming to form the ability of overcoming conflicts and interacting constructively with peers in games. The article is focused on the research of the mirilka as the genre of folklore and as the speech genre with its inherent characteristics. In folklore mirilka has a definite name which allows separating it from the other small forms of children's folklore. Mirilkas demonstrate a complicated mixture of children's and adults' creativity, reflecting legal, psychological, playing and ritual forms of people's relations aimed at reconciliation, solving conflicts and breaking communication barriers. Analyzing the features of mirilka as the form of genre the author is guided by the model of a speech genre suggested by T. V. Shmelyova. This analysis focuses on the communicative aim, the image of the author and of the recipient, the image of the past and of the future as well as the dictum content and the linguistic peculiarities of this genre.

Keywords: mirilka, genre, speech genre, children's folklore, children, conflict, reconciliation.

Сведения об авторе: Киндеркнехт Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода. Место работы: Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

E-mail: a_kinderknecht@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4597-9297>

About the author: Kinderknekht Anna Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

Place of employment: Perm National Research Polytechnic University.

E-mail: a_kinderknecht@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4597-9297>

Введение

Проблемы культуры мира, толерантности и согласия имеют большое значение для подрастающего поколения, формирующегося в условиях социальной напряженности и нередко конфликтных межличностных

взаимодействий. Воспитанию дружеских взаимоотношений, как правило, уделяется внимание еще в дошкольном возрасте. Для детей «существенно важно овладение мастерством восстановления социальных связей и умением справляться с конфликтными ситуациями» [1] как при помощи взрослых,

так и самостоятельно. Во многом заключение «мира» после «конфликта» способствуют своеобразные детские ритуалы примирения, заключающиеся в проговаривании рифмованных строчек и совершении определенных действий. В фольклоре эти ритуалы закрепились в виде так называемых «мирилок», рассматриваемых в качестве малых фольклорных жанров наряду с потешками, прибаутками, считалками, скороговорками, закличками, загадками, дразнилками, кричалками, поддѣвками, молчанками, отговорками и т. п. Несмотря на традиционное и ставшее привычным упоминание мирилок в ряду других мини-произведений детского фольклора (смотрите, например, статью «Детский фольклор» в Большой Российской энциклопедии [2]), специальных исследований по изучению жанра мирилки еще не проводилось. Мы встречаем спорадические упоминания о мирилках в работах по детскому фольклору, вместе с тем изучение мирилки как жанра детского фольклора заслуживает, как представляется, отдельного исследовательского внимания.

Определение жанра

Мирилка (от *мирить* – восстанавливать согласие, мир между ссорящимися, враждующими) – это малое произведение детского фольклора, служащее примирению детей. Несмотря на практическую неисследованность жанра, за ним четко закрепилось название, позволяющее нам идентифицировать рифмованные строчки определенного назначения в качестве «мирилок» (реже: «стихов-мирилок» или «приговоров-мирилок» – от «приговаривать»). Н. Г. Архипова и А. Павлова определяют мирилку как «короткие стихотворения примиряющего содержания, сопровождающиеся особым ритуалом», который заключается в сцеплении мизинцев поссорившихся детей и покачивании руками [3].

А. В. Сидоренко отмечает популярность фольклорного жанра мирилки [4]. Едва ли можно найти человека, не знакомого со строчками: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...». Мирилки имеют устное бытование среди детей дошкольного возраста, однако чаще всего использование и заучивание мирилок иницируется взрослыми – мирилку рекомендуется заучивать вместе с детьми, произведениям данного жанра фольклора обучают в детских садах.

Мирилки представляют собой иллюстрацию сложного переплетения взрослого и детского творчества. В этой связи трудно отнести изучаемый жанр к одному из традиционно рассматриваемых видов детского творчества в фольклоре: творчества взрослых для детей,

творчества взрослых, ставшего впоследствии детским, и детского творчества в собственном смысле этого слова [5: 559]. По мнению М. В. Минситовой, мирилки относятся к фольклору, создаваемому самими детьми, наряду с голосянками, перевертышами, небылицами [6: 78], однако, как утверждает Г. А. Шипова, установить четкие границы между детским фольклором и произведениями для детей бывает трудно [7: 62]. Скорее всего, мирилки можно было бы отнести ко второй группе, наряду с закличками, заговорами и приговорами. Думается, что в рудиментарной форме мирилки содержат в себе основы медиации как процедуры примирения взрослых. Вместе с тем, ряд мирилок явно свидетельствует о «взрослом» творчестве:

*Детки, помиритесь!
Больше не дразнитесь,
Не деритесь, не ругайтесь,
На друзей не обзывайтесь!
И тогда на белом свете
Дружно будут жить все дети!*

В детских дошкольных учреждениях воспитатели показывают детям, как можно быстро помириться и простить все обиды в случае ссоры, специально заучивая с детьми тексты мирилок, а также продолжают создавать новые тексты. Так появляются авторские произведения данного жанра, например:

*Все детишки забияки,
Им никак нельзя без драки.
Ну, а мы теперь друзья.
Драться нам никак нельзя.
(Лариса Соколова)*

Мирилки также свободно подхватываются в детской субкультуре, преобразуются и творятся самими детьми: *Кря, кря – мы с тобой друзья.*

Согласно А. В. Черной, мирилки относятся к «новым формам детского фольклорно-игрового творчества» [8: 95]. Учитывая полифункциональность и переходность жанров детского фольклора, который по своей природе диффузен [9: 16], мирилку следует также отнести к фольклорно-ритуальному творчеству детей, поскольку в функциональном плане мирилка является не столько игрой, сколько символическим действием, которое способствует выстраиванию детьми структуры дружественных взаимосвязей со сверстниками. Переходный и полиморфный характер мирилки наблюдается и при анализе ее жанрообразующих признаков.

Коммуникативная цель

Для интерпретации речевой модели жанра мирилки обратимся к анкете Т. В. Шмелевой [10] как к точке опоры в рассуждении о жанре. Коммуникативная цель мирилки – помочь детям помириться. Это преимущественно императивный речевой жанр, цель которого – вызвать осуществление необходимого или желательного события (примирения) для участников общения (поссорившихся детей). Грамматически императив выражается формами глагола в повелительном наклонении: *мирись/помирись, улыбнись, не дерись, не дразнись, не обзывайтесь, не злись*; конструкциями с частицей «давайте»: *давай дружить, давайте не ссориться, давай/давайте мириться*; аналитическими формами побуждения к примирению: *ссориться не будем, будем дружить/улыбаться*; конструкциями с косвенным побудительным смыслом: *мириться нам пора, помириться не забудь, больше ссориться нельзя, а ругаться нам нельзя*.

В русской лингвокультуре, как пишет Х. М. Дехган, среди императивных речевых жанров выделяют жанры, основанные на приоритете говорящего и жанры, основанные на пользе, выгоде, результате от будущего действия [11: 358]. Очевидно, что мирилка относится к жанру второго типа, поскольку в большинстве случаев текст мирилки произносится двумя сторонами спора/ссоры, а результаты примирения проговариваются: *будем вместе мы опять; и дружить, как прежде, будем; мы друзья с тобой опять* и т. п. Нередко польза от примирения эксплицируется в подробном перечислении:

*Чем ругаться и дразниться,
Лучше нам с тобой мириться!
Будем вместе улыбаться,
Песни петь и танцевать,
Летом в озере купаться
И клубнику собирать,
На коньках зимой кататься,
Баб лепить, в снежки играть,
На двоих делить конфеты,
Все проблемы и секреты.
Очень скучно в ссоре жить,
Потому давай дружить!*

Мирилка демонстрирует бессмысленность продолжения конфликтной ситуации:

*А если будешь драться,
То я буду кусаться.
А кусаться ни при чем,
Буду драться кирпичом.
А кирпич ломается –
Дружба начинается.*

*... А кусаться нам нельзя,
Потому что мы друзья.*

В случае нежелания мириться в мирилке предусматриваются негативные для ребенка последствия:

*Давай с тобой мириться
И во всем делиться.
А кто не будет мириться,
С тем не будем водиться.*

*Мирись, мирись,
Больше не дерись,
А то бабушка придет,
Тебе уши надерет!*

Вариантами утрашения/угрозы в последнем случае являются следующие строчки: *мама придет, нам обоим попадет; бабушка придет и по попе надает; мамочка придет и по попе надает*. Причем смягчающие описания (*попка будет красная, но зато прекрасная; попка будет красная и румяная*) ничуть не улучшают перспективы ребенка быть отшлепанным.

Приведенные примеры показывают, что дети связаны с социумом, в котором им необходимо соблюдать определенные правила и соответствовать определенным ожиданиям. В. П. Аникин пишет, что «детский фольклор является неоценимым источником для изучения основ народной педагогики» [5: 561]. Мы видим, что в упрощенном виде в мирилках присутствуют свои «кнуты» и «пряники» как способы воздействия и стимулирования к мирному и дружественному общению. Использование мирилок соответствует современным целевым ориентирам дошкольного образования, прописанным в государственных образовательных стандартах, предусматривающим, что ребенок должен обладать установкой положительного отношения к себе и другим людям, быть способным учитывать интересы других и стараться разрешать конфликты [12].

Образ автора и образ адресата

В мирилке стирается грань, отделяющая автора от адресата. Автор обозначается за пределами жанра – это участник общения, предлагающий помириться в вербальной или невербальной форме (значимым для инициативы примирения является, например, протянутый ребенку мизинец). Сам жанр существует в условиях равноправного сопереживания формул мирилки. Участвуют как минимум два лица, при этом гендерные различия здесь не релевантны. Произносятся *мирись, мирись, мирись и больше не дерись*, оба участника коммуникации одновременно являются и автором, и адресатом, внушая и самовнушая

необходимость разрешения конфликта. Даже в формулах *я хочу с тобой мириться, я мирюсь, мирюсь, мирюсь* автор и адресат не вычленяются, поскольку необходимо одновременное прочтение мирилки. Императив основан не на приоритете говорящего, а на взаимодействии участников жанра. Не случайно в этой связи наблюдается частое использование местоимения «мы». Участие как минимум двух отправителей жанра не исключает мирилок универсального характера: *давайте все мириться*. Мирилка семантически приближается к жанру заклинания, о чем свидетельствует кодирование на позитивное решение проблемы, сообщение желательного результата для обоих участников: *Мы обиды все забудем и дружить, как прежде, будем*.

В жанре мирилки партнерами коммуникации чаще выступают дети, но не исключены пары «взрослый – ребенок» и «взрослый – взрослый». Использование мирилок взрослыми сохраняется как быстрый наивный способ примирения. Автор/адресат в мирилке исполняет свою роль в соответствии с детским ритуалом, переносящим исполнителей жанра из области ссоры/конфликта в область примирения.

Образ прошлого и образ будущего

Сценарий жанра мирилки предполагает временной переход от деструктивного общения к конструктивной дружественной коммуникации. Предшествующие мирилке жанры ассоциируются с вербальной и невербальной агрессией, коммуникативным конфликтом, обидой, оскорблением, тогда как последующие жанры – с прощением, дружескими контактами, совместной деятельностью. Мирилка выступает рубежом, который участники преодолевают, меняя свой статус врагов/соперников на статус друзей/приятелей/товарищей, вычеркивая из памяти негативное отношение друг к другу. Такой переход возможен только в символическом исполнении мирилки – многократном произнесении примиряющего текста, который как речевой код впечатывается в сознание говорящих. Не случайно в этой связи употребление счета:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Будешь другом мне опять.*

*Раз, два, три, четыре, пять,
Подружились мы опять.*

*Раз, два, три, четыре, пять,
Мы друзья с тобой опять!*

Размеренный счет в комбинации с «естественным детским интонированием» [13: 211–212] и коллективным произнесением, а также

сопровождаемый раскачиванием рук со сцепленными мизинцами, делает мирилку музыкально-ритуальным действием.

Диктумное (событийное) содержание

Мирилка представляет разные виды пропозиций, рассмотрение которых требует отдельного исследования. Чаще всего событийное содержание мирилки заключается в пропозициях действия и взаимодействия: *миришься-миришься; давай с тобой мириться; ну-ка быстро помирись*. К диктумному содержанию можно отнести констатацию конфликта/ссоры: *мы с тобой поссорились, даже стали драться; кусаемся, деремся; мы дрались и обзывались, обижались и ругались* и т. п. Диктум представлен также фактами примирения: *и я больше не дерусь; мы друзья с тобой опять; а мы теперь друзья; дружба начинается; и друзьями будем*. Объективная действительность, которую «видят» исполнители мирилки, представляет собой трансформацию состояний и действий:

*Если ссорись с соседом,
Помириться не забудь,
Ты ж не хочешь быть зловедой,
Значит, лучше другом будь.*

*Беда случилась с нами,
Поссорились слегка.
Без друга просто скука,
Мириться нам пора.
Мирись, мирись, мирись,
Друг другу улыбнись.*

Объективное содержание проговариваемого отражает невербальное поведение участников примирения: *пальчик за пальчик крепко возьмем; руку дай, мирись, мирись; дай скорей мизинчик свой, зацепи его за мой; друга, пальчик, обними, вы, мизинчики, друзья; мизинчик с мизинчиком, помиритесь; мы за пальчики возьмемся*. Реализуемые «здесь и сейчас» действия в ритуале мирилки эксплицируются в перформативах, отождествляющих конструкции типа *я мирюсь* с действием примирения. Действие-ритуал осуществляется в момент речи, при этом автореферентность высказывания сочетается с двухактантностью пропозиции. Учитывая существование как действительных, так и недействительных перформативных речевых актов [14], следует признать, что исполнители мирилки могут участвовать в ритуале мирилки, осознавая искусственность и двусмысленность речевой ситуации и преследуя иные, отличные от настоящего примирения, цели.

Особенности языкового воплощения

Лексические и грамматические ресурсы жанра мирилки весьма вариативны, между тем здесь можно выделить характерные языковые особенности. Мирилки представляют собой небольшие по объему рифмованные строчки, ритмичному произнесению которых способствуют повторы (*миришь, миришь, миришь*), счет (*раз, два, три, четыре, пять*), невербальные действия (покачивание руками со сцепленными мизинцами).

Невербальные действия, ассоциируемые с мирилкой, нередко замещают мирилку в поведении участников примирения: становится достаточным «предложить» мизинец для демонстрации намерения прекратить ссору и сцепить мизинцы для осуществления ритуала примирения. Подобное замещение компонентов вербальной формулы жестом наблюдается в оформлении ритуалов детской клятвы [15: 75].

Текст мирилки отличает формульность, клишированность. Как пишет А. В. Сидоренко, «речежанровая компетентность в детском возрасте только формируется, и многие речевые жанры в детской субкультуре едва ли не полностью представлены клишированными формами», так для реализации интенции примирения взрослый почти свободно выбирает необходимые средства для ее языкового воплощения, а ребенку легче обратиться к фольклорному жанру мирилки [4: 262].

Для мирилок характерны различные императивные конструкции, побуждающие и предлагающие прекратить ссору, мирно разрешить конфликт: *помириться не забудь; миришь, миришь; больше не дерись; нужно просто стать добрей; помириться надо нам* и т. п. Нередки конструкции с глаголами в будущем времени, семантически отсылающие исполнителей мирилки к возможным результатам примирения (*будешь другом мне опять; будем вместе мы играть, прыгать, бегать, хохотать; ссориться не будем, будем мы дру-*

жить) и непримирения (*если будешь драться, я буду кусаться; кто не будет мириться, с тем не будем водиться; а если подерусь, в грязной луже окажусь/сразу в луже окажусь; бабушка/мама придет...*).

Своеобразно лексическое наполнение мирилки. Большая часть лексики представляет собой реализацию концептов «мир», «дружба», «примирение», «игра», «ссора», «драка», «ругань», «обида», «злоба». Символическое значение имеют частотные слова, используемые в своеобразном «кодировании» на дружбу: *миришь, улыbnись/улыбайся, дружить/друзья*.

Заключение

Итак, мирилка как малый фольклорный жанр является принадлежностью детской субкультуры. Мирилки широко используются среди детей дошкольного возраста, что не исключает их бытования в среде детей более старшего возраста и использования мирилок взрослыми, в том числе для воспитания детей.

Мирилки – это способ примирения сторон в фольклорно-игровой и фольклорно-ритуальной форме. Произносимый текст мирилки, стороны, как правило, сцепляются мизинцами, совершая определенный ритуал перехода от деструктивных отношений к конструктивному согласию, от ссоры к примирению, от статуса врагов/соперников в статус друзей или просто приятелей, готовых продолжать дальше совместную игровую деятельность.

Мирилка служит социализации детей и в рудиментарной форме содержит основы медиации как процедуры примирения взрослых. Для исполнения мирилки характерно определенное вербальное и невербальное поведение. Использование анкеты речевого жанра Т. В. Шмелевой позволило дать первую развернутую характеристику жанра мирилки. Анализ речевого жанра мирилки может быть продолжен в дальнейших исследованиях фольклорного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутовская М. Л. Агрессия, дружба и примирение детей младшего школьного возраста. URL: <http://ethology.ru/library/?id=265> (дата обращения: 17.10.2018).
2. Чередникова М. П. Детский фольклор // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1950198> (дата обращения: 18.10.2018).
3. Архипова Н. Г., Павлова А. Современный детский фольклор: особенности бытования // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenny-detskiy-folklor-osobennosti-bytovaniya> (дата обращения: 18.10.2018).

4. Сидоренко А. В. Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 261–277.

5. Аникин В. П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов. М.: Высш. шк., 2004. 735 с.

6. Минситова М. В. Традиции и новации в отечественной культуре детства // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 3(20). С. 76–80.

7. Шитова Г. А. Онтолингвистические закономерности развития жанров детского фольклора // Научные исследования в образовании. 2008. № 6. С. 62–66.

8. Черная А. В. Феноменология традиций игровой культуры: опыт историко-генетического исследования // Развитие личности. 2011. № 2. С. 82–105.

9. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...»: игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

10. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–99.

11. Дехган Х. М. Речевой жанр просьбы в кругу императивных жанров // Преподаватель XXI век. 2013. № 4–2. С. 357–368.

12. Бурдина Г. Ю. Формирование основ толерантности у дошкольников на традициях этноэтикета в контексте нового образовательного стандарта (к постановке проблемы) // Интернет-журнал «Наукоедение». 2014. № 2. Март-апрель. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/70PVN214.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).

13. Ермолина А. Е. Вхождение в мир музыки (к проблеме начальных этапов музыкального образования) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 51. С. 210–214.

14. Шемьякина А. В. Деритуализация перформативных высказываний // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–1. С. 173–175.

15. Сидоренко А. В. Детская клятва в советскую эпоху: речевые характеристики // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 72–78. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78

REFERENCES

1. Butovskaya M. L. *Agressiya, druzhba i primirenje detej mladshogo shkol'nogo vozrasta* (Aggression, friendship and reconciliation of the primary school age children). Available at: <http://ethology.ru/library/?id=265> (accessed 17 October 2018) (in Russian).

2. Cherednikova M. P. Detskij fol'klor (Children's folklore). In: *Bol'shaya russijskaya ehntsiklopediya* (Great Soviet Encyclopaedia). Available at: <https://bigenc.ru/literature/text/1950198> (accessed 18 October 2018) (in Russian).

3. Arkhipova N. G., Pavlova A. Modern children's folklore: peculiarities of existence. *Word: folklore-dialectological anthology*, 2005, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenny-detskij-folklor-osobennosti-bytovaniya> (accessed 18 October 2018). (in Russian).

4. Sidorenko A. V. Incantation as a speech and a folklore genre in child speech. *Slavonic anthology*, 2018, no. 1–2, pp. 261–277 (in Russian).

5. Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo* [Russian folklore]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 735 p. (in Russian).

6. Minsitova M. V. Traditions and innovations in the native culture of childhood. *Society. Environment. Development*, 2011, no. 3(20), pp. 76–80 (in Russian).

7. Shipova G. A. Onto-linguistic laws of development of the children's folklore genres. *Scientific research in education*, 2008, no. 6, pp. 62–66 (in Russian).

8. Chernaya A. V. Phenomenology of playing culture traditions: experience of historical-genetic research. *Development of personality*, 2011, no. 2, pp. 82–105 (in Russian).

9. Cherednikova M. P. "Golos detstva iz dal'nej dali...": igra, magiya, mif v detskoj kul'ture ["The voice of childhood from the jumping-off place...": game, magic, myth in the children's culture]. Moscow, Labirint Publ., 2002. 224 p. (in Russian).

10. Shmeleva T. V. Model of the speech genre. *Speech Genres*, 1997, no. 1, pp. 88–99 (in Russian).

11. Dekhgan H. M. Speech genre of request in the area of imperative genres. *Teacher of the XXI age*, 2013, no. 4–2, pp. 357–368 (in Russian).

12. Burdina G. Yu. The establishment of the foundations of tolerance in preschool children on the traditions of ethnic etiquette in the context of the new educational standard (statement of the problem). *Internet magazine "Sociology of science"*, 2014, no. 2. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/70PVN214.pdf> (accessed 19 October 2018) (in Russian).

13. Ermolina A. E. Entering the world of music (to the problem of initial stages of musical education). *Proceedings of the Gertsen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 51, pp. 210–214 (in Russian).

14. Shemyakina A. V. Deritualization of performative utterances. *Anthology of the modern science and education*, 2009, no. 2–1, pp. 173–175 (in Russian).

15. Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2016, no. 2(16), pp. 72–78 (in Russian). DOI: <https://orcid.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киндеркнехт А. С. Мирилка как жанр детского фольклора // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 314–319. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-314-319>

For citation

Kinderknekht A. S. Mirilka as the Genre of Children's Folklore. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 314–319 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-314-319>

Поступила в редакцию: 06.11.2018 / Принята: 21.01.2019 / Опубликовано: 02.12.2019

Received: 19 November 2018 / Accepted: 21 January 2019 / Published: 02 December 2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.11.2019. Подписано в свет 02.12.2019.
Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Заказ 159-Т. Цена свободная.

Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.